

ПУШКИНЪ.

ПУШКИН
и
ЕГО СОВРЕМЕННИКИ

Материалы и исследования

Выпуск XXXI—XXXII

Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при
Отделении Русского Языка и Словесности Академии Наук СССР

Ленинград
Издательство Академии Наук СССР
1927

ОГЛАВЛЕНИЕ

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Февраль 1927 года

Пременный Секретарь академик С. Ольденбург

Редактор издания Б. Л. Модзалевский

Начато набором в 1914 г. — Окончено печатанием в феврале 1927 г.

Тит. л. + 4 нен. + 164 стр.
Ленинградский Гублит № 19011 — 10^{1/16} пев. л.— Тираж 650
Государственная Академическая Типография. В. О. 9 марта 12.

	стр.
Неизвестная записка Пушкина. Б. Л. Модзалевского....	1 — 2
Изъ истории Пушкинского текста: «Анчаръ, древо яда».	
Н. В. Измайлова	3 — 14
Пушкинъ и Аений. Г. Г. Гельда	15 — 18
Фабула «Уединенного домика на Васильевскомъ». В. Шеной.	19 — 24
По поводу «Никовой дамы». Н. П. Кашика	25 — 34
Соболевский о Пушкинѣ. (Изъ переписки С. А. Соболевского съ М. Н. Лопуховымъ). М. Д. Бѣляева	35 — 48
Пушкинъ и Итальянская опера. Б. В. Томашевского ...	49 — 60
Эпизодъ изъ истории Пушкинского печатного текста. Ю. Г. Оксмана	61 — 66
Замѣтки на поляхъ	67 — 70
Замѣтка. По поводу письма Пушкина къ князю Вяземскому отъ 20 марта 1820 г. Б. Л. Модзалевского	71 — 84
Семья Рязанчикъ (Новые материалы). А. А. Синерса	85—104
Англичанинъ о Пушкинѣ зимою 1829—1830 гг. С. Ф. Гравки.	105—110
Литературный обѣд у Смирнова съ участіемъ Пушкина. К. А. Шимкевича	111—118
Письмо о дуэли и смерти Пушкина. Г. Афанасьевъ	119—122
Упоминанія о Пушкинѣ и его произведенияхъ въ «Колоколѣ» Герцена. П. П. Столпнянского	123—128
Пушкинъ и «Сѣверная Пчела». I. (1825—1837, продолженіе).	129—146
1834 и 1835 гг. П. Н. Столпнянского	
Объ изданіяхъ «Братъство Разбойниковъ». Семена Богдановскаго	147—148
Къ истории распространенія сочиненій Пушкина. Н. М. Петровскаго	149—150
Письмо А. Д. Иллічевскаго къ В. К. Кюхельбекеру (1818 г.).	
А. Л. Бема	151—154
Указатель	155—164

Неизвѣстная записка Пушкина.

Monsieur Pouskin ayez la complaisance de passer dans l'instant chez moi.

Voilà, Mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre.

Pouchkine.

Неизвѣстная донышъ въ печати записка Пушкина хранится въ Пушкинскомъ Домѣ Академіи Наукъ, куда поступила въ 1917 г. въ составѣ рукописей Пушкинского Лицейского Музея, въ послѣдний же перешла изъ бумагъ И. В. Жуковскаго. Писана она на небольшомъ клочкѣ грубой синей писчей бумаги. Очевидно Пушкинъ, ожидая къ себѣ гостя, получивъ записку отъ Крупенскаго, спѣшилъ вызывавшаго его къ себѣ, и поспѣхъ къ нему, оставилъ дома, на письменномъ столѣ, эту записку со своею припискою, долженствовавшею объяснить пришедшему гостю причину внезапнаго ухода хозяина. Этимъ гостемъ, къ которому были обращены слова Пушкина, вѣроятнѣе всего, могъ быть полковникъ Иванъ Петровичъ Липранди, проживавшій въ Кашинѣ, часто посѣщавшій Пушкина и принимавшій его у себя. Что касается Крупенскаго, вызывавшаго къ себѣ Пушкина, то это былъ, безъ сомнѣнія, Бессарабскій вице-губернаторъ Матвѣй Егоровичъ Крупенскій, хороший знакомый Пушкина, большой хлѣбосоль и вообще человѣкъ гостепріимный; Пушкинъ часто

бываль у Крупенскихъ и проводить у нихъ вечера, на что указываетъ, напримѣрь, И. П. Липранди въ Воспоминаніяхъ своихъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., ст. 1125, 1226, 1227, 1235, 1236, 1238 и 1239. Датировать записку точно — не представляется возможнымъ; несомнѣнно одно, — что она относится къ Кишиневскому periodу жизни Пушкина, т.-е. ко времени съ конца сентября 1820 до июля 1823 г.

B. Модзалевскій.

Изъ исторіи Пушкинекаго текста.
„Анчарь, древо яда“.

Мрачное и загадочное твореніе Пушкина — «Анчарь, древо яда» — этотъ таинственный образъ, порожденный въ далекихъ пустыняхъ Востока, прошедшій, на пути къ творческой обработкѣ его нашимъ поэтомъ, черезъ истолкованіе науки и поэзіи Запада¹ — всегда рассматривался комментаторами и исследователями Пушкина, какъ одно изъ звеньевъ въ ряду его «идеологическихъ» стихотвореній, какъ одно изъ сильнейшихъ проявленій его свободомыслія въ зрѣлые годы. Художественное заданіе въ стихотвореніи затушевывалось, на первый планъ выдвигалось заданіе общественно-политическое, въ духѣ протesta противъ деспотизма. Эта традиція возникла давно — и основанія ложкатъ какъ въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ появле-

¹ Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ источникахъ «Анчара» — несомнѣнно, лежащихъ въ западной литературѣ, но пока совершенно неясныхъ. Указанія на какія-то «путешествія по востоку» (П. О. Морозова), на строфу «Чайльдъ Гарольда» (Н. Ф. Сумцова) или на стихотвореніе Мильву (Е. Ф. Саводника и Вал. Брюсова) явно недостаточны; популярная статья Я. Лесного «Откуда Пушкинъ заимствовалъ образъ анчара?» (въ журнalgѣ «Въ мастерской природы», изд. Наркомпроса, 1919, № 4, стр. 35) также не разрешаетъ вопроса: ни Фурштъ, ни Эразмъ Дарвинъ не являются непосредственными источниками Пушкина; должны быть еще звенья — предшествующія или промежуточные. Разысканію ить посвящена въ настоящее время совместная работа Н. В. Яковлева и пишущаго эти строки. См. сборникъ «Пушкинъ въ мировой литературѣ», ГИЗ, Лгр. 1926, стр. 138 и 372.

ние стихотворения въ печати, такъ и въ истории самого печатного текста его.

«Анчарь» былъ впервые напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1832 годъ», вышедшихъ въ свѣтъ въ самые послѣдние дни 1831 года.¹ Онъ скоро обратилъ на себя вниманіе А. Х. Бенкendorфа, какъ одно изъ стихотвореній, въ числѣ другихъ, помѣщенныхъ въ альманахѣ, миновавшее обязательную для Пушкина цензуру царя и шефа жандармовъ. Письмомъ отъ 7 февраля 1832 года Бенкendorфъ запросилъ объ этомъ поэта, и послѣдній въ тотъ же день отвѣчалъ, спокойно и достойно отводя отъ себя обвиненіе въ измѣнѣ данному слову.² Черезъ не сколько дней, составляя новое письмо шефу жандармовъ и жалуясь на неудобство двойной и неопредѣленной цензуры, онъ вновь вспомнилъ объ «Анчарѣ» и писалъ: «Весьма простымъ образомъ сія цензура [т.-е. исключительная цензура Бенкendorфа] будетъ смотрѣть на меня съ предубѣжденіемъ и находить вездѣ тайные примѣненія, allusions и затруднительности — а обвиненія въ примѣненіяхъ и подразумѣніяхъ не имѣютъ ни границъ ни оправданій, если подъ словомъ *derего* будутъ разумѣть конституцію, а подъ словомъ *стрыла* [зачеркнуто: свободу] самодержавіе...».³ Несомнѣнно, что такія примѣненія дѣлались, и дѣлались ить, быть можетъ, самъ Бенкendorфъ, который, повидимому, принималъ поэта черезъ три дня послѣ своего письма, 10 февраля.⁴

¹ Около 24 декабря 1831 года. См. Н. Синявскаго и М. Цявловскаго: «Пушкинъ въ печати», М. 1915, стр. 110, № 818.

² Отвѣтъ Пушкина помѣченъ: 7 янв. («Переписка», изд. Академіи Наукъ, т. II, стр. 368 и 369). Казалось бы вѣроятнѣе именно это число, какъ болѣе близкое къ выходу альманаха. Однако, Вал. Брюсовъ (въ «Русскомъ Архивѣ» 1906, т. I, стр. 328) убѣдительно доказалъ, что Пушкинъ ошибся и оба письма должны быть отнесены къ 7 февраля 1832 года. Эта разница въ датахъ — январь или февраль — для насть имѣеть существенное значеніе, какъ будетъ видно ниже.

³ «Переписка», изд. Академіи Наукъ, т. II, стр. 375. Этотъ черновой текстъ не былъ, однако, посланъ, а замѣненъ другимъ, коротко-официальнымъ.

⁴ См. въ укл. статьѣ Вал. Брюсова, а также у Н. О. Лернера: «Труды и Дни Пушкина», 2-е изд., СПБ. 1910, стр. 262.—История съ «Анчаромъ» совпала

«Анчарь» сразу получиль, такимъ образомъ, политическое истолкованіе. Самъ Пушкинъ его отрицалъ, но вѣшняя история печатного текста стихотворенія явно его подтверждала. Дѣло въ томъ, что въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и въ сдѣланной изъ нихъ перепечаткѣ стихотвореній Пушкина, вышедшей отдельной брошюрою пѣсколько дней спустя,¹ первый стихъ послѣдней строфы стихотворенія читалъ:

А Царь тѣмъ ядомъ напитай...

А въ изданіи того же 1832 года («Стихотворенія Александра Пушкина», часть III, стр. 200) читаемъ уже иное:

А Князь тѣмъ ядомъ напитай...

Ясно, казалось, что это — цензурное измѣненіе, вызванное, быть можетъ, давленіемъ со стороны Бенкendorфа. Въ качествѣ та-

съ запрещеніемъ «Европейца» за статью И. Кирбевскаго «XIX вѣкъ», въ которой Бенкendorфъ усмотрѣлъ «не что иное какъ разсужденіе о высшей политикѣ подъ видомъ литературы, гдѣ «сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣеть совсѣмъ иное: подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ понимаетъ *свободу*, дѣятельность разума означаетъ у него *революцію*, а искусство отысканія сердца не что иное какъ *конституція*». Бумага обѣ этомъ попечителю Московскаго Учебнаго Округа, составленная по предложению и по указаніямъ А. Х. Бенкendorфа, была подписана министромъ народнаго просвѣщенія 18 февраля 1832 г., а 30 февраля А. В. Никитенко записалъ въ дневникѣ: «Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ застала Пушкина. „Европейца“ запретили...» и т. д. Возникаетъ предположеніе: не отъ Пушкина ли слышали о «Анчарѣ» Никитенко? Пушкину же могъ сказать обѣ этомъ Бенкendorфъ, при свиданіи утромъ 10 февраля, упрекая его за «Анчарь» и указывая на «политическія подразумѣнія» въ статьѣ и въ стихотвореніи. Если это такъ, то подтверждается и датировка писемъ «7 февраля» и объясняются полу-ироническія реплики Пушкина о «подразумѣніяхъ» въ «Анчарѣ», написанныхъ около 24 февраля и затѣмъ изъ письма исключеннымъ, какъ слишкомъ дерзкія. См. у Барсукова: «Жизнь и труды Погодина», т. IV, стр. 5—12, и у А. В. Никитенко: «Записки и Дневникъ», СПБ. 1904, т. I, стр. 219.

¹ Брошюра эта представляла величайшую библиографическую рѣдкость, и даже составители книги «Пушкинъ въ печати» (М. 1915) не имѣли ея въ рукахъ (см. на стр. 111, примѣчаніе къ № 831). Брошюра имѣется въ библиотекѣ Пушкинского Дома. Цензурное дозволеніе ея помѣчено цензоромъ В. Семеновымъ 7 января 1832 года.

кового оно и воспринималось всеми редакторами Пушкина. Редакторы подцензурные (Жуковский, Апенковъ, Геннади въ 1859 году) печатали «Князь»; въ изданиі Геннади 1870 года «возвстановлено» было слово «Царь», и такъ печаталось до самаго послѣдняго времени, когда издание 1924 года (Госиздат, Лгр.—М., стр. 49) вернулось къ первоначальному тексту «князь».

Оказывается, однако, что III часть «Стихотвореній А. Пушкина» была подписана цензоромъ В. Семёновымъ 20 января 1832 г., т.-е. почти за три недѣли до запроса Бенкendorфа отъ 7 февраля¹ — и имъ же, 7 января, подписана брошюра-оттискъ изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». Слѣдовательно, запросъ Бенкendorфа и сближенія съ «самодержавiemъ» здѣсь не играли роли. А разсмотрѣніе рукописей стихотворенія убѣждаетъ въ томъ, что, во всѣхъ случаяхъ, Пушкинъ, измѣнивъ этотъ стихъ «Анчара», руководствовался лишь художественными соображеніями и своей авторской волей. Обратимся къ рукописямъ.

«Анчарь» извѣстенъ намъ въ трехъ рукописяхъ: двухъ автографахъ (б. Румянцевскаго Музея и Пушкинского Дома — послѣдній изъ собранія К. Р.) и авторизованной копіи (цензурной рукописи III части «Стихотвореній», въ Пушкинскомъ Домѣ). Первый автографъ — въ тетради № 2371 (л. 20 об.—21) б. Румянцевскаго Музея — представляетъ собою вторую черновую (первая намѣть неизвѣстна) строфу 1-ой, 2-ой и 4-ой окончательной редакціи, переписанныхъ съ другого, первоначального текста и подвергнутыхъ переработкѣ (если только, конечно, Пушкинъ не проработалъ ихъ мысленно и затѣмъ не положилъ на бумагу сразу въ готовомъ видѣ). 3-я строфа лишь набросана, несомнѣнно, впервые, такъ же, какъ и всѣ остальные до конца. Разсмотримъ сначала послѣднюю строфиу. Транскрипція ея такова:

¹ Въ этомъ обстоятельствѣ — значеніе разницы датировки писемъ Пушкина и Бенкendorфа — январемъ или февралемъ. При датировкѣ ихъ «7 января» становится оченьѣроятно воздействиѳ цензуры шефа жандармовъ на измѣненіе этого слова. Все же, исторія рукописнаго текста стихотворенія, какъ видно будетъ ниже, показываетъ опредѣленность иного творческаго намѣренія поэта.

И Князь тѣмъ яdomъ	[напитать]
догадливыя	
Свои [губительн] стрѣлы —	
	напоилъ
	[послали]
пернатую	
И смерть	[опериль] пустыль
[Къ врагу] Къ соѣду ²	
[Въ] [недр] въ чуждыя предѣлы	

Подчеркнутыя слова представляютъ основную, первоначальную схему строфы, съ вещественные опорные пункты, синтаксические и риѳемующіе: *Князь* (тѣмъ яdomъ) — (свои) стрѣлы — и смерть — предѣлы. На этой схемѣ строится строфа, путемъ подыскиванія, съ тщательнымъ выборомъ и взвѣшиваніемъ, эпитетовъ и двухъ недостающихъ глагольныхъ риѳемъ: стрѣлы — губительныи, догадливыи; смерть — пернатую; напитать — напоилъ; послать — опериль — пустыль. Схема, такимъ образомъ заполняется; но основные ея элементы создались сразу, опредѣленно и твердо — и среди нихъ слово «Князь» написалось четко и безъ колебаній.

Появленіе «Князь» явилось здѣсь въ соотвѣтствіи съ общимъ построениемъ стихотворенія. Пушкинъ старался придать ему вполнѣ конкретныя, этнографически-локализованныя черты, выдерживая въ духѣ восточной легенды, а не отвлеченной аллегоріи. Вторая строфа, въ автографѣ Румянцевскаго Музея, читается:

Природа Африки моей

Его въ день гиѳза породила... и т. д.,

и лишь потому это локальное опредѣленіе исчезаетъ, уступая мѣсто не менѣе конкретному, но болѣе выразительному, болѣе характерно-восточному и, главное, лишенному личнаго, автобіографическаго характера, выраженію:

Природа жаждущихъ степей.

¹ Передѣлано изъ первоначальнаго «состѣдамъ».

Такія же локализованно-конкретныя черты носят и предпослѣдняя строфа; въ автографѣ б. Румянцевскаго Музея:

скоро
[Принесъ —] и вѣсъ опь изнемогъ
[И легъ, покрытый (?)] [в . . . .] [кровью (?)]
[жалкій хворость] [лыки]
Онъ легъ на землянной (?) . . . .

Въ автографѣ Пушкинскаго Дома:

Принесъ и скоро изнемогъ
И легъ на постланнныя лыки . . . и т. д.

первый стихъ здѣсь начать передѣлкой, второй зачеркнутъ, кромѣ слова «лыки»; передѣлка не закончена, но въ печатномъ текстѣ основныя выраженія сохранились — въ томъ числѣ и слово «лыки».

Второй автографъ (Пушкинскаго Дома, изъ собранія К. Р., бывшій ранѣе въ рукахъ П. В. Анненкова и Л. Н. Майкова) представляетъ собою перебѣленную копію первого, вновь съ внесениемъ многихъ исправленій — т.-е., по отношенію къ послѣдней строфѣ, вторую редакцію. Онъ помѣченъ, какъ известно, «9 Ноября 1828. Малинники», тогда какъ текстъ тетради Румянцевскаго Музея относится, по положенію въ рукописи, къ концу августа — началу сентября того же года.¹ Здѣсь послѣдняя строфа представляетъ, въ основѣ, послѣднюю редакцію пер-

¹ Тетрадь № 2371 содержитъ въ себѣ, между прочимъ, наброски VII главы «Евгения Онѣгина» и «Полтавы» и рядъ помѣтъ, относящихся къ 1828 году; затѣмъ порядокъ такой: л. 18 — выписано заглавіе «Анчаръ» и стихи изъ «Полтавы»; лл. 182 — 192 — «Полтава»; л. 201 — черновая письма къ кн. Вяземскому, изъ Петербурга, отъ 1 сентября 1828 г. («Переписка», II, 73); лл. 202 — 211 — «Анчаръ»; л. 211 (карандашомъ, подъ рукописью «Анчара») и 212 — черновикъ показанія, данного 19 августа 1828 г. по дѣлу о «Гавріліадѣ»; л. 221 — продолженіе того же показанія (?); л. 222 — «Счастливъ, кто избранъ своимъ правнукомъ» и стихи изъ «Анчара»; л. 231 — изъ «Полтавы» и черновикъ письма къ Бенкендорфу, написанного въ концѣ августа («Переписка», II, 72; см. въ «Русской Старинѣ», 1884, юль, стр. 42—43, и у Б. В. Томашевскаго: «Гавріліада» Пушкина, СПБ. 1922, стр. 51).

ваго автографа, съ однимъ измѣненіемъ («А Князь» вм. «И Князь»):

А Князь тѣмъ яdomъ напоилъ
Свои догадливыя стрѣлы
И смерть первнатую пустилъ
Къ сосѣду, въ чуждыя предѣлы.

Затѣмъ подвергнуты исправленію глагольные риѳмы: «[напоилъ] — [намочилъ] — упиталь», и соответственно съ этимъ въ 3-мъ стихѣ: «[пустилъ] — послалъ» — т.-е. возвращеніе къ первоначальной редакціи. Возвращается къ ней и послѣдній стихъ, мѣня «сосѣду» на «сосѣдомъ». Но слово «Князь» остается безъ измѣненія.

Дальнѣйшая, довольно значительная, переработка стихотворенія не сохранилась въ рукописяхъ; передъ нами — уже готовый печатный текстъ «Сѣверные Цвѣты». Въ немъ кореннымъ образомъ передѣланъ 3-й стихъ послѣдней строфы — метафорическій перифразъ «И смерть первнатую послалъ» замѣненъ гораздо болѣе простою метафорою «И съ ними (стрѣлами) гибель разослалъ»; эпитетъ «догадливыя (стрѣлы)» замѣненъ эпитетомъ «послушливыя», характеризующимъ ихъ, какъ слугъ своего владыки — такіхъ же не разсуждающихъ, какъ и человѣкъ. Вмѣсть съ тѣмъ, слово «Князь» замѣнилось словомъ «Царь», и такъ повторилось печатно два раза.

Выпустивъ «Сѣверные Цвѣты» и брошюру-оттискъ изъ нихъ, Пушкинъ представилъ въ цензуру рукопись III части «Стихотвореній». Эта рукопись сохранилась въ Пушкинскомъ Домѣ.¹ Ее просматривалъ, мѣстами исправлялъ, ставилъ даты и пр. самъ Пушкинъ; затѣмъ она была просмотрѣна еще разъ, исправлена и технически подготовлена къ печати другимъ лицомъ, къ сожалѣнію, по почерку неопредѣлимымъ. И вотъ,

¹ Въ составѣ Пушкинского Лицейскаго собранія, куда поступила отъ Н. В. Гаевскаго. П. А. Ефремовъ называетъ ее «рукописью Гаевскаго» («Сочиненія Пушкина», изд. А. С. Суворина, СПБ. 1905, т. VIII, стр. 298).

рукою этого лица, въ писарской копії «Анчара» слово «Царь» замѣнено словомъ «Князь».¹

Врядъ ли эта передѣлка вызвана цензурными соображеніями. Сдѣлалъ ее не цензоръ, и не Жуковскій (какъ думалъ Ефремовъ), а уполномоченное Пушкинымъ по изданію лицо; по существу, это не было нововведеніемъ, но лишь возвращеніемъ къ рукописному тексту, дважды повторенному, — т.-е. къ первоначальному замыслу, что нерѣдко у Пушкина; слѣдовательно, свободный творческий актъ, актъ художественной воли. Мелочная, быть можетъ, особенность текста, нарушающая наше обычное, традиціонное восприятіе «Анчара», передвигаетъ смыслъ стихотворенія, освобождая его отъ временныхъ, политическихъ «тайныхъ примѣненій» въ духѣ Бенкendorфа и повышая безмѣрно его общечеловѣческое значеніе, вырослое на конкретномъ фонѣ дикой восточной легенды.²

Не меньшее значеніе имѣеть и другое обстоятельство, извлекаемое изъ разсмотрѣнія той же рукописи б. Румянцовскаго Музея, и на которое до сихъ поръ не обращалось вниманія. Здѣсь, въ первоначальной редакції, стихотвореніе имѣло всего семь строфъ.³

¹ «Въ рукописи Гаевскаго, говорить П. А. Ефремовъ (л. с.), слово „князь“ написано карандашомъ рукою Жуковскаго» — замѣненіе, сдѣланное явно по недоразумѣнію, но повторенное тѣмъ же Ефремовымъ въ карандашной замѣткѣ на поляхъ экземпляра Аниенковскаго изданія сочиненій Пушкина (т. II, стр. 464), принадлежавшаго ему и именъ хранящагося въ Пушкинскомъ Домѣ; толькъ, кто исправилъ послѣдній стихъ «Анчара», приготовлялъ вообще всю книгу къ сдачѣ въ печать: унифицировать заглавія, подписи, даты, исправлять писарскія ошибки, составлять все оглавление и пр.; иѣсколько исправленій сдѣлано имъ и по существу. Это, несомнѣнно, не Жуковскій.

² Если даже предположить, что исправленіе слова «Царь» сдѣлано ист. соображеніемъ цензурныхъ, все же незыблемъ остается первоначальный замыселъ поэта, твердо выраженный двумя автографами, какъ основной творческий актъ. Изъ такихъ, вѣроятно, соображеній исходили и редакторы изданія Пушкина 1924 г. (Госиздат), восстанавливавшія чтеніе «князь»; того же мнѣнія держалася, въ разговорѣ съ пишущими эти строки, и М. Л. Гофманъ.

³ Автографъ б. Румянцовскаго Музея (№ 2371, л. 211) показываетъ такую послѣдовательность: сверху страницы (если повернуть тетрадь бокомъ) — наброски строфы, потомъ выключенной поэтомъ (послѣ 5-й печатной текста), занимающіе всю верхнюю половину страницы; нижняя половина занята карандашнымъ наброскомъ показаний о «Гавриилаѣ». Сбоку — нарисованная ка-

Строфы 1-ая и 2-ая соответствуютъ окончательной печатной редакціи (въ общей композиції — не въ частностяхъ образности и стиля); 3-я печатная строфа («Ядъ каплетъ...») въ рукописи зачеркнута и восстановлена лишь во второмъ автографѣ; 4-ая и 5-ая печатныя строфы соответствуютъ строфамъ обѣихъ рукописей; послѣ 5-ой строфы въ обѣихъ рукописяхъ находилась еще строфа, которая, въ сводномъ чтеніи по автографу б. Румянцовскаго Музея, перенесенномъ почти безъ измѣненій во второй автографъ, читается такъ (опускаемъ всѣ предшествующіе и сопутствующіе варианты):

(Въ пустыню смерть) забѣжалъ
(Горицкий тигръ) (умираетъ)
Пара надъ ней орель стремглазъ
Кружась, безжизненный, спадаетъ¹

6-ая печатная строфа имѣется и въ обѣихъ рукописяхъ. Но послѣ нея въ первоначальномъ текстѣ рукописи б. Румянцовскаго Музея читается прямо послѣдня, 9-ая строфа печатной редакціи. Промежуточныя же строфы («Принесъ опь смертную смолу...» и «Принесъ и ослабѣль и легъ...») вписаны лишь позднѣе, и соответственно съ этимъ передѣлана и шестая строфа («Но человѣка человѣкъ...»). Въ первоначальной же редакціи она даетъ всему стихотворенію совершенно иной смысловой поворотъ въ иную композицію. Не давалъ ея транскрипціи, слишкомъ сложной и неотчетливой, прослѣдить постепенно работу надъ ней поэта:

Но человѣкъ
Къ Анчару съ трепетомъ (?) подходитъ —

рандашомъ фигура человѣка съ опущенной головой, но врядъ ли относищаяся къ «Анчару», какъ это утверждаетъ Якушкинъ. Поперекъ карандашного текста, чтобы не мѣшать ему, наброшаны сдѣлающія строфы «Анчара» (6 и 9 печатн. ред.); на оставшемся мѣстѣ, и уже по карандашному тексту, вписаны потомъ, пѣ общемъ направлениіи текста тетради, промежуточныя строфы 7 и 8 печатной редакціи.

¹ Строфа не отдѣлана; въ скобки заключены слова, зачеркнутыя въ рукописи б. Румянцовскаго Музея, но перенесенные во 2-й автографъ (Пушкинск. Дома).

Это построение, где быть еще «князя», «владыки», смениется другимъ:

Но человѣка — человѣкъ
Въ пустынѣ — посылаеть.

Второй стихъ перерабатывается:

Послать [къ пустынѣому] [къ Анчару]
затмъ:

[къ . . . . .] [роковую]

и еще въ новой переработкѣ:

Послать къ Анчару [ко древу] властнымъ словомъ
къ чему въ сторонѣ подбираются варианты:

(Послать къ Анчару) [самовластию] равнодушно.

Слѣдующій стихъ развиваетъ повѣніе «владыки»:

Ступай, мнѣ нужнъ ядъ онъ рекъ

Этотъ вариантъ тотчасъ зачеркивается — какъ отягощающій стихотвореніе лишней подробностью, нарушающей его тонъ — и замѣняется послѣдовательно:

И смѣлый — въ путь потекъ —
И тотъ безумно въ путь потекъ —
И тотъ за ядомъ въ путь потекъ.

И наконецъ четвертый стихъ:

И возвратился съ ядомъ —
И возвратился безопасно —
И возвратился съ нимъ послушно.

Выдѣлимы промежуточную редакцію, на которой Пушкинъ не остановился, но которая для настѣнно интересна:

Но человѣка человѣкъ
Послать къ Анчару самовластию,
И тотъ за ядомъ въ путь потекъ
И возвратился безопасно.

Итакъ, по первоначальному замыслу, посланный рабъ возвращается «безопасно», доставивъ своему господину яду для стрѣль. Этимъ меняется вся концепція стихотворенія: въ немъ неѣть помину ни объ «идеяхъ свободы, гуманности», ни о «христіанскомъ человѣколюбії»,¹ ни о «величії самоотреченія», въ которомъ является рабъ и передъ которымъ «тускнѣть весь блескъ самодержавнаго владыки»,² ни о «самодержавіи и рабствѣ»;³ не стоитъ въ центрѣ стихотворенія мысль о «роковой, губительной для человѣческаго счастья, власти человѣка надъ человѣкомъ».⁴ Не рабъ — случайный исполнитель — герой его. Два образа въ немъ противопоставлены: Анчарь, древо смерти, воплощеніе неумолимой судьбы, и князь — человѣкъ, повелѣвающій самой судьбою и смертью. Развивается же столкновеніе человѣка съ рокомъ на образномъ фонѣ восточной легенды, поразившемъ художественное воображеніе Пушкина. Позднѣе поэтъ убѣдился, что безопасное возвращеніе раба ослабляетъ впечатлѣніе; онъ ввелъ мотивъ его смерти, для усиленія трагического эффекта, но это не измѣняетъ дѣла по существу: рабъ остается все тѣмъ же пассивнымъ и послушнымъ орудіемъ, погибающимъ между двухъ силъ. И папррасно искать у Пушкина сочувствія побубленной человѣческой жизни.

Проблема судьбы, проблема отношенія человѣка къ роковымъ силамъ, движущимъ міръ, — лежать ли онѣ за предѣлами человѣческаго сознанія или воплощаются въ государственной необходимости, — всегда мучительно занимала Пушкина. 1828 годъ особенно былъ наполненъ тяжелыми думами объ этой проблемѣ,

¹ Н. Ф. Сумцовъ, «Ізслѣдованія о поэзіи Пушкина» — «Харьковскій Университетскій сборникъ въ память Пушкина», Харьковъ, 1900, стр. 186—191.

² Л. И. Поливановъ, «Сочиненія Пушкина для семьи и школы» подъ его редакціей, изд. 2-е, М. 1893, томъ I, стр. 260.

³ Вал. Брюсовъ, Издание сочиненій Пушкина подъ его редакціей. Госиздат, М. 1920, томъ I, часть 1, стр. 280—281.

⁴ В. В. Водовозовъ, «Нелиитические и общественные взгляды Пушкина» въ Сочиненіяхъ Пушкина, изд. подъ ред. С. А. Бешеврова, т. VI, стр. 377; здѣсь, однако, иногоходомъ брошена мысль, очень близкая по существу къ нашему пониманію.

воплощенными въ «Воспоминаніи», въ «стансахъ о жизни» («26 мая»), и въ другихъ вещахъ. «Анчарь» — одно изъ выражений раздумья о ней поэта — выражение грандиозное и трагическое, благодаря грандиозности и красочности образовъ. Проблема осталась неразрешенной — и до конца жизни Пушкинъ задумывался надъ ней. Въ ряду поэтическихъ отвѣтовъ его на вопросъ, можно провести прямую линію отъ «Анчара» — къ «Мѣдному Всаднику» где также борются «сверхъ-человѣкъ» (Петръ Великій — князь) съ воплощениемъ роковой силы (море — Анчарь), и въ ихъ столкновеніи погибаетъ маленький человѣкъ (Евгений — рабъ «Анчара»).

H. Измайлова.

Пушкинъ и Аенинай.

Какъ известно, произведения многихъ греческихъ поэтовъ дошли до насъ только въ видѣ отрывковъ, разсѣянныхъ по разнымъ хрестоматіямъ, словарямъ и другимъ подобнымъ компилятивнымъ трудамъ писателей временъ упадка. Къ такимъ сборникамъ, щѣннымъ какъ сокровищницы греческаго гenia, принадлежитъ и обширный «Пиръ софистовъ» (*Δειπνοσοφισται*) Аенинай, жившаго въ III в. по Р. Х. Это своего рода энциклопедія древне-греческой жизни въ 15-и книгахъ; начало дошло только въ извлечении, а конецъ 15-ой книги (повидимому, послѣдней) утерянъ.¹ Въ январѣ 1833 г. Пушкинъ заинтересовался этимъ авторомъ, вѣрия, его французскимъ переводомъ. Привлекли его, должно быть, именно цитаты изъ поэтовъ; три изъ нихъ поправились ему въ такой степени, что побудили его написать подражание: 1) коротенький отрывокъ Іона Хиосскаго о вилѣ, 2) надгробная надпись Гедила въ честь флейтиста Феона и 3) элегія Ксенофана Колофоんскаго «Пиръ». №№ 2 и 3 сокращены противъ оригинала приблизительно на половину. Размеры у Пушкина иные, чѣмъ въ оригиналѣ: въ № 1 лирическій размѣръ замѣненъ элегическімъ двустишиемъ, а въ №№ 2 и 3 элегическая двустишия — сплошными гекзаметрами. Впрочемъ, Пушкинъ по прозаическому переводу не могъ даже опредѣлить размѣръ подлинниковъ, а греческій оригиналъ, напечатанный въ подстрочномъ примѣчаніи, былъ ему недоступенъ: *Graeca sunt, non leguntur.*

¹ Напрасно И. О. Лернеръ (см. ниже) утверждаетъ, будто дошла «только небольшая часть».

По счастливой случайности, Пушкинскій экземпляр французскаго Аеннея сохранился. Онъ находится въ собраниі книгъ, принадлежавшихъ поэту и хранящихся теперь въ Пушкинскомъ Домѣ; въ описаніи Б. Л. Модзалевскаго онъ значится подъ № 559.¹ Всѣ пять томовъ переплетены; переплеты, по мнѣнію Б. Л. Модзалевскаго, «Пушкинскіе», т.-е. сдѣланы по заказу поэта. Въ первомъ томѣ, между стр. 130 и сл., нашлась закладка, положенная туда, вероятно, рукой самого Пушкина: здѣсь-то и напечатанъ отрывокъ Іова о винѣ. Элегія Гедила находится во второмъ томѣ, стр. 178 сл., элегія Ксенофана — въ четвертомъ, стр. 192—194. Въ изданіяхъ Пушкина порядокъ иной: 1) Гедилъ, 2) Ксенофантъ, 3) Іонъ. Ссылка на Аеннея сдѣлана Пушкинымъ только при № 1, гдѣ зато опущено имя поэта Гедила, такъ что большинство читателей сочтетъ Аеннея авторомъ стиховъ; наоборотъ, при №№ 2 и 3 указаны имена поэтовъ. И вотъ, это умолчаніе первоисточника, которому Пушкинъ былъ обязанъ своимъ знакомствомъ съ двумя элегіями, поставило въ затрудненіе всѣхъ комментаторовъ трехъ антологическихъ пьесъ, начиная со Льва Поливанова, который еще въ 1887 г. вѣрою указалъ на переводъ Лефевра, какъ на источникъ первой пьесы, но признается, что не знаетъ, «какому переводу слѣдовала Пушкинъ», подражая Ксенофану и Іону:² онъ не замѣтилъ, что и ихъ стихи имѣются у Аеннея, и, притомъ, только у него. На томъ же non liquet успокоились П. О. Морозовъ³ и Н. О. Лернеръ⁴ и даже специалисты классики С. И. Любомудровъ⁵ и проф. П. Черняевъ.⁶ А ларчикъ просто открывался...

¹ «Пушкинъ и его современники», вып. IX—X, стр. 144. Фамилія переводчика — Leſefevr, т.-е. Лефевръ, а не Лефебвръ, какъ напечатано у Поливанова, Морозова и Любомудрова (см. ниже).—Въ 1789 г. вышли т.г. I—IV; т. V (послѣдній) вышелъ въ 1791 г.

² Въ 1-омъ изд. I т. «Сочиненій Пушкина для семьи и школы», а также въ послѣдующихъ изданіяхъ; см. въ 3-емъ, Москва. 1905, стр. 371 сл.

³ Изд. «Пробужденіе», т. II, стр. 594.

⁴ Изд. Брокгаузъ-Ефронъ, Пгр. 1915, т. VI, стр. 484 и 486.

⁵ Аѳанасіи мотивы въ поэзіи Пушкина, изд. 2-ое, СПБ. 1901, стр. 44 и 46.

⁶ А. С. Пушкинъ, какъ любитель и т. д. Каз. 1899, стр. 48 сл.

Эпитафія въ честь Феона (Athen. IV 176 c — d) написана трѣстепеннымъ поэтомъ такъ называемой Александрійской школы Гедиломъ (Hedylos),¹ III в. до Р. Х. Греческій текстъ и французскій переводъ, оба съ изданія Лефевра, см. у Поливанова и другихъ. Русскіе переводы и прозой (Поливанова) и стихами (Любомудрова) сдѣланы по старинному греческому тексту Лефевра. Въ новомъ изданіи Аеннея Кайбеля (Leipz. 1887—1890) текстъ юбстами сильно разнится, такъ что эти переводы устарѣли.

Элегія Ксенофана (Athen. XI 462 c) переведена Лефевромъ слѣдующимъ образомъ: «Déjà le sol de la salle est propre, chacun a les mains bien nettes, les gobelets sont rincés: tous les convives ont leurs couronnes sur la tête. L'un présente dans une coupe un parfum d'une odeur exquise: le cratère est là rempli de la source de la joie. Un autre tient le vin tout prêt, et dit qu'il ne le quittera pas sans y faire raison; c'est un vin délicat qui parfume par son bouquet tous les pots. Au milieu de tout ceci, l'encens flatte l'odorat par les émissions de sa vapeur naturelle; il y a de l'eau fraîche d'une saveur agréable et pure; des pains d'une couleur dorée sont sous la main; la table riaute est chargée de fromage et de miel pur; l'autel qui est au milieu même de la salle, est paré de fleurs de tous côtés. La musique et les chants retentissent dans toute la maison; mais il faut que des gens sages commencent par célébrer les louanges de la divinité, et ne fassent entendre alors que des paroles saintes et de bon augure. Ils doivent demander, en faisant des libations, de pouvoir toujours se maintenir dans les termes de la justice; d'ailleurs cela est plus facile que d'être injuste. Ce n'est pas un crime que chacun boive autant de vin qu'il peut en prendre, pour s'en retourner chez lui sans être accompagné d'un serviteur, lorsqu'il n'est pas trop âgé; mais louons l'homme qui en buvant communique des choses dignes d'être retenues, et celui qui fait sentir le prix de la vertu. Lais-

¹ О немъ см. статью Радингера у Pauly-Wissowa, Realencyclop. d. klass. Altertumswiss. VII, 2592—2694.

sons-là ces combats des Titans et des géants, de même que ces rixes sanguinaires des anciens Centaures, autres inepties, dont on ne tire aucun avantage; mais usons toujours de cette prévoyance dont les suites sont si heureuses».

На русский язык элегия Ксенофана переводилась многими: прозой Л. Попивановымъ, проф. Г. Ф. Церетели¹ и А. Маковельскимъ,² размѣромъ подлинника С. И. Любомудровымъ.³

Въ отличие отъ двухъ элегий, приведенныхъ Аѳинеемъ цѣлкомъ, отрывокъ днѣпрамба Іона состоитъ всего изъ нѣсколькихъ словъ, выхваченныхъ по контексту. Все это эпитеты вина плюс бога вина въ винѣ, падежъ (*Athen. II 35 c.*). У Лефевра мы читаемъ: (онъ называетъ) «le vin un enfant indomptable, à l'œil de taureau, un jeune vieillard, l'aimable entremetteur des bruyantes amours, un maître qui donne de la fierté».

Г. Гендоб.

Фабула „Уединенного домика
на Васильевскомъ“.

«Въ строгомъ историческомъ смыслѣ это вовсе не продуктъ Космократова, а Александра Сергеевича Пушкина, мастерски рассказало всю эту черговицу уединенного домика на Васильевскомъ островѣ, поздно вечеромъ у Карамзинъхъ, къ тайному тренету всѣхъ дамъ и въ томъ числѣ обожаемой самимъ Пушкинымъ и всѣмъ шами Екатерины Николаевны, позже бывшей женой кн. Петра Ивановича Мендерского. Апокалиптическое число 666, игроки черги, метавшие на карту сотнями души, съ рогами, зачесанные подъ высокіе парики — честь всѣхъ этихъ вымысловъ, п главной ниги рассказа принадлежитъ Пушкину. Сидѣвшій въ той же комнатѣ Космократовъ подслушалъ, воротясь домой не могъ заснуть почти всю ночь и нѣсколько времени спустя положилъ съ памяти па бумагу. Не желая однако быть послушникомъ вѣхозавѣтной заповѣди «ис укради», поспѣлъ съ тетрадью къ Пушкину въ гостиницу Демуть, убѣдилъ его прослушать отъ начала до конца, воспользовался многими по нынѣ очень памятными его поправками, и потомъ, по настоятельному желанию Дельвига, отдать въ „Сѣверные Цвѣты“.¹

Такъ разсказать въ письмѣ къ А. П. Головину (отъ 29 августа 1879 г.) объ истории создания рассказа В. П. Титова. Возникаетъ вопросъ: какіе слѣды оставилъ этотъ рассказъ въ творчествѣ Пушкина? Це имѣя въ рукахъ полнаго собрания рукописей Пушкина, ни точнаго описанія ихъ, нельзя дать окончательнаго решенія поставленнаго вопроса, ноѣкоторыя сопоставленія возможны и теперь, и я попытаюсь ниже сдѣлать иѣкоторые выводы изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи материаловъ.

¹ «Мои воспоминанія» бар. А. И. Дельвига, М. 1912 г., т. I, стр. 158. Ср. воспоминанія А. Н. Кернѣ въ книжѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», С-Пб. 1899, стр. 241 и рецензію Б. Л. Модзалевскаго въ «Русск. Стар.» 1899 г., сентябрь, стр. 711.

¹ П. Таниери. Первые шаги древне-греческой науки (Пб. 1902). Приложение, стр. 57. А. и М. Круазе. Исторія греческой литературы. Перев. Елисѣевой подъ ред. С. А. Жебелева. Изд. 2-ое (Пг. 1916), стр. 209 сл. (начало элегіи до ст. 18).

² Досократики, ч. I (Каз. 1914), стр. 103.

³ Ук. соч., стр. 44 сл. А. и М. Круазе. Руководство по исторіи греческой літ., ч. I, перев. Радицка (Москва. 1907), стр. 218.

Еще Анненковъ приводилъ слѣдующій перечень Пушкинскихъ произведеній, относя ихъ къ 20 — 30 годамъ: «Скупой, Ромуль и Ремъ, Моцартъ и Сальернъ, Донъ-Иуанъ, Борольдъ Савойскій, Влюбленный бѣсь, Дмитрій и Марія, Курбскій».¹

Одни изъ перечисленныхъ произведеній известны намъ, другія навсегда исчезли, оставивъ только смутный слѣдъ въ черновыхъ тетрадяхъ. Къ этому реестру Анненковъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе: «Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеній, еще не существующимъ».² Анненковъ, какъ это часто бываетъ у этого биографа, никакихъ доказательствъ своего категорического утвержденія не сообщаетъ; но надо думать, что къ этому выводу его привело тщательное изученіе Пушкинскихъ рукописей. Впрочемъ, и безъ замѣчанія Анненкова ясно, что для озаглавленія какого-либо произведенія необходимо хотя бы въ общихъ чертахъ намѣтить содержаніе его, такъ какъ отъ содержанія къ заглавію, а не наоборотъ направлено творчество поэта. Итакъ, надо полагать, все эти произведенія существовали хотя бы только въ черновыхъ наброскахъ, впослѣдствіи утерянныхъ или уничтоженныхъ недовольнымъ поэтомъ.

Одно изъ перечисленныхъ заглавій, именно «Влюбленный бѣсь», словно оторвано отъ «Уединеннаго домика на Васильевскомъ» и замѣнено другимъ и притомъ, надо признаться, гораздо менѣе удачнымъ и характернымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что составляетъ центръ, вокругъ котораго врачаются все события въ «Уединенному домику»? — Любовь Вареоломен (имя «бѣса» повѣсти) къ героямъ Вѣрѣ. Цѣль его знакомства и дружбы съ Павломъ — знакомство съ Вѣрой, за которой онъ и раньше, какъ оказывается, неотступно слѣдилъ. Для этого онъ втягиваетъ Павла въ карточную игру и различныя, не совсѣмъ безопасныя продѣлки, ссужаетъ деньгами, и когда молодой человѣкъ

вѣкъ оказывается въ полной зависимости отъ него, Вареоломенъ, чуть не силой, заставляетъ его ввести себя въ домъ родственницъ. Чтобы окончательно удалить Павла отъ Вѣры, онъ знакомитъ его съ графиней. Затѣмъ, когда Павелъ, увлеченный графиней, ему ужъ больше не опасенъ, всѣ его усилия направлены къ тому, чтобы овладѣть волей дѣвушки и заставить ее безъ брака, который для него невозможенъ, отдаваться ему. Очаровавъ мать Вѣры, онъ, при помощи ея, становится женихомъ послѣдней. Чувствуя, со смертью матери, что дѣвушка ускользнетъ отъ него, онъ пытается увлечь ее обѣщаніемъ богатства, почестей и, наконецъ, когда и это оказывается безуспѣшнымъ, овладѣть ею силой. Онъ слишкомъ волнуется, разговаривая съ дѣвушкой во время болѣзни матери: это не хладнокровный обольститель, стремящійся овладѣть человѣческой душой, а страшно влюбленный, боязливый потерять предметъ своей страсти. «Влюбленный бѣсь» и есть настоящее заглавіе повѣсти, вполнѣ соответствующее ея основной интрижѣ.

Эта гипотеза подтверждается, какъ указалъ намъ Ю. Г. Оксманъ, программой повѣсти, сохранившейся въ рукописяхъ Онѣгіинского собрания автографовъ Пушкина.

«Москва въ 1811 году —

Старуха, двѣ дочери, одна невинная, другая романтическая — два приятеля къ нимъ ходятъ.

Одинъ развратный, другой В. б.

В. б. любить меньшую и хочетъ нюгубить молодого человѣка — Онъ достаетъ сму деньги, водить его повсюду — [бордель]. Нааст. — вдова etc.

Ночь. извозчикъ. молодой человѣкъ ссорится съ нимъ — старшая дочь сходить съ ума отъ любви къ В. б.».¹

При сопоставлении этой программы съ «Уединеннымъ домикомъ на Васильевскомъ», ясно, что первая представляеть планъ для второго. Пропозиціемъ детальное сравненіе:

¹ «Цензурный Пушкинъ». Изд. Атеней, 1922 г., стр. 147. Ср. замѣчанія Ю. Г. Оксмана въ ист.-лит. временникѣ «Атеней», 1924 г., кн. I—II, стр. 166—168.

¹ «Материалы для биографіи Пушкина», изд. 2, стр. 277; списокъ дополнений имъ въ статьѣ «Литературные проекты Пушкина» — «Вѣсти. Европы» 1881 г., № 7, слѣдующими заглавіями: Павелъ I и Иисусъ.

² «Материалы», стр. 277.

<i>Программа повести.</i>	<i>Уединенный домикъ на Васильевскомъ.</i>
<i>Старуха и двѣ дочери.</i>	<i>Вдова и дочь.</i>
<i>Два молодыхъ человѣка.</i>	<i>Павелъ и Варѳоломей.</i>
<i>Однѣй развратный.</i>	<i>Павелъ, любящій удовольствія и картежную игру.</i>
<i>Другой В. б.</i>	<i>Варѳоломей или Влюблѣній бѣсь.</i>
<i>В. б. любить менышу и хотеть погубить молодого человѣка.</i>	<i>Варѳоломей любить Вѣру и втягиваетъ Павла въ кутежи и игру.</i>
<i>Настасья — вдова.</i>	<i>Графиня — вдова, къ которой приводится Варѳоломей Павла, чтобы отвлечь его отъ Вѣры.</i>
<i>Ночь, извѣшкѣ, молодой человѣкъ ссорится съ нимъ.</i>	<i>Павелъ сорится и бѣть извѣшка, везущаго его ночью на Васильевскій Островъ.</i>

Сравнительно съ программой мы видимъ два измѣненія: мѣсто дѣйствія не Москва, а Петербургъ, и у старухи только одна дочь, въ которую влюбляется бѣсь повѣсти.

Къ этой программѣ очевидно и относится заглавіе «Влюблѣній бѣсь» списка Апненкова; при этомъ сопоставленіи расшифровываются инициалы В. б., характеризующіе второго молодого человѣка и загадочные для его комментатора.¹ Остается неяснымъ время возникновенія программы. Комментаторъ останавливается на 1822 г., руководствуясь частью водяныхъ знакомъ бумаги, а главнымъ образомъ запиской Балыша, но оба указанія даютъ только приблизительную дату, указывая точно годы, раньше которыхъ данная программа не могла быть написана, такъ какъ неѣтъ ничего невѣроятнаго въ наброскѣ программы на оборотѣ случайно сохранившейся записи, долгое время спустя послѣ ея полученія. По характеру программы, сколько можно отнести ее ко второй половинѣ двадцатыхъ годовъ,

именно къ Московскому періоду жизни Пушкина, послѣ возвращенія изъ Михайловскаго. Это періодъ возникновенія прозаическихъ произведеній, къ которымъ по духу вполнѣ подходитъ дожедій до настѣ отрывокъ. Такимъ образомъ, первымъ наброскомъ данной фабулы является программа Опѣгинскаго собранія, возникшая въ 1826—27 г., затѣмъ разсказъ Пушкина, сохраненный Б. П. Титовымъ («Уединенный домикъ»), и, наконецъ, оглавленіе его въ въ указанномъ выше спискѣ. Дальнѣйшаго развитія нашей фабулы мы какъ будто въ Пушкинскомъ творчествѣ не встрѣчаемъ. Но за то въ одномъ изъ произведеній 1830 года, въ «Домикѣ въ Коломнѣ», мы встрѣчаемъ ту же обстановку, что и въ «Уединенномъ домикѣ». Здѣсь тутъ же скромный домикъ въ уединенной части города, бѣдная вдова съ молодой хорошеющей дочерью и старухой кухаркой, ихъ единственной прислугой; тѣ же интересы и мечты; мелькаетъ даже образъ гордой графини, противостоящей скромной Паралиѣ, правда, въ совершишемъ другой обстановкѣ — въ церкви. Есть и смерть — старой служанки; наконецъ, появляется и молодой человѣкъ подъ видомъ кухарки, для чего — такъ и остается неяснымъ; вынутъ только глашный стержень, вокругъ которого вращается все дѣйствіе въ программѣ и «Уединенномъ домикѣ», исчезъ влюбленій бѣсь и вмѣстѣ съ нимъ исчезло все трагическое и романтическое изъ повѣсти. Вообще отдельныя части этого небольшого произведенія не спаяны другъ съ другомъ, появления лицъ не мотивированы, — это словно обломки; грациозная шутка покрываетъ ихъ изящнымъ покровомъ, не уничтожая ихъ фрагментарности. Самымъ же заглавіемъ произведеніе напоминаетъ «Уединенный домикъ на Васильевскомъ», причемъ вмѣсто послѣдняго стоптъ Коломна, куда и перенеслось дѣйствіе разсказа. Но и послѣ того, какъ онъ былъ использованъ въ «Домикѣ въ Коломнѣ», скажетъ этотъ не окончательно исчезъ изъ Пушкинского творчества: черты его мелькнули еще разъ — и на этотъ разъ вновь въ трагической, хотя и вполнѣ реальной обстановкѣ, а именно въ «Мѣдномъ Бедникѣ». Въ маленькомъ домикѣ среди

¹ «Неизданный Пушкин». Изд. Атеней, 1922, стр. 147.

пустырей Васильевского Острова живеть съ матерью вдовой невѣста Евгения — Параша (имя дочери въ «Домикѣ въ Коломнѣ»). За то судьба ея схожа съ судьбой герояни «Уединенного домика»: если Вѣра погибаетъ отъ адскихъ силь, то невѣста Евгения — отъ разбушевавшихся стихій. Сходство этихъ трехъ повѣстей было указано еще Н. О. Лернеромъ,¹ детальнос же сравненіе произведено Вл. Ф. Ходасевичемъ.² Однако, обративъ усиленное вниманіе на уставопленіе черть сходства и поиски бѣсовскихъ силь въ этихъ повѣстяхъ (при чмъ даже неизвѣстный молодой человѣкъ, пробравшися подъ видомъ кухарки въ «Домикѣ въ Коломнѣ», былъ пожалованъ въ бѣсы), Ходасевичъ упустилъ изъ виду различіе, заключающееся въ любви бѣса къ женщинѣ, — мотивъ, кстати сказать, очень излюбленный романтической литературовѣ; у Пушкина онъ больше не встрѣчается. И въ программѣ, и во «Влюбленномъ бѣсѣ», какъ показываетъ само заглавіе, этотъ мотивъ былъ центральнымъ, какъ и въ «Уединенномъ домикѣ», и тѣмъ эти произведения отличаются отъ «Домика въ Коломнѣ» и «Мѣдного Всадника». Такъ какъ «Влюбленный бѣсъ» внесенъ Пушкинымъ въ списокъ произведеній драматическихъ, то можно думать, что поэтъ предполагалъ обработать его въ драматической формѣ: сюжетъ даетъ прекрасный материалъ для такой обработки; здѣсь, какъ и въ маленькихъ трагедіяхъ, основная тема — развитіе страсти, только не въ человѣческой, а въ дьявольской душѣ.

«Домикѣ въ Коломнѣ» является въ этомъ случаѣ по отношению къ «Влюбленному бѣсу» тѣмъ же, чмъ «Повѣсти Бѣлкина» въ отношеніи маленькихъ трагедій: разработкой того же сюжета, только въ обыденной обстановкѣ. Романтическая повѣсть съ трагической развязкой, быть можетъ трагедія, превратилась въ шутливую поэму съ благополучнымъ окончаніемъ.

1922 г.

B. Писная.

По поводу „Пиковой дамы“.

«Пиковая дама» — несомнѣнно одинъ изъ первовъ художественной прозы Пушкина, и она всегда будетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ книжкѣ М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (1919 г.) мы находимъ этюдъ, посвященный названной повѣсти, въ 1921 г. Д. С. Дарский, авторъ изслѣдованія о «маленькихъ трагедіяхъ Пушкина», прочелъ въ Обществѣ Любителей Российской Словесности докладъ о «Пиковой дамѣ», наконецъ въ «Пушкинскомъ сборникѣ»¹ находимъ статью А. Л. Слонимскаго «О композиції Пиковой дамы».

Фантастический элементъ въ повѣсти Пушкина легко можетъ увлечь изслѣдователя на ложный путь, какъ это случилось съ А. Л. Слонимскимъ, который полагаетъ, что «до самаго конца повѣсти мы колеблемся между фантастическимъ и реалистическимъ воспріятиемъ», между тѣмъ какъ воспріятіе здѣсь безусловно одно, именно реалистическое. Даже такой изслѣдователь, какъ М. О. Гершензонъ, находить, что въ галлюцинаціи Германа, т. е. въ явленіи ему старухи, «есть тѣни фантастики: она реальна или психологична до малѣйшей черты». Въ впослѣдующихъ строкахъ я даю нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о повѣsti Пушкина, исходящихъ именно изъ этого реалистического воспріятія и имѣющихъ нѣсколько смѣлью цѣль вернуть изученіе Пушкинскаго шедевра на реальную почву.

¹ Соч. Пушкина подъ ред. Бенгерова, т. VI, стр. 194.

² Петербургскія повѣсти Пушкина. «Уединенный домикъ», изд. Успин. библ. № 1129, стр. 17—18. См. въ его-же книгѣ «Статьи о русской поэзии», Изд. 1922,

¹ «Пушкинскій сборникъ памяти проф. С. А. Бенгерова». Пушкиністъ IV. подъ ред. Н. В. Яковлева, Москва — Петроградъ. Госуд. Издат. 1922. Названная статья А. Л. Слонимскаго на стр. 171—180.

Подобно «маленькомъ трагедіямъ» Пушкина его «Пиковая дама» тоже трагедія страсти, хотя и въ повѣстовательной формѣ. Какъ назвать эту страсть? Страсть игрока, страсть наживы, точно опредѣлить не берусь, но думаю, что скорѣе второе: «страсть наживы». Совершенно справедливо замѣчаетъ М. О. Гершензонъ: «какъ вѣрно изображенъ въ „Пиковой дамѣ“ весь переходъ вышняго обнаруженія страсти — черезъ поступокъ... къ внутреннему ея разгару, где самый поступокъ своими многообразными послѣдствіями весь идетъ на ся усиленіе». Усиленіе страсти, ея развитіе и составляетъ предметъ нашей повѣстіи. Вотъ почему я не могу согласиться съ тѣмъ же М. О. Гершензономъ, опредѣляющимъ художественный замыселъ «Пиковой дамы» въ такихъ словахъ: «соприкосновеніе души, опредѣлено настроенной, съ соотвѣтствующимъ этому настроенію элементомъ дѣйствительности». И въ то же время мы представляемъ совершенно справедливыми дальнѣйшія его слова: «Вся грядущая драма Германа — его безуміе и гибель — уже до начала дѣйствія заложена въ его душѣ потенціально, но для того, чтобы она разразилась, пужень толчокъ извиѣ, хотя бы самый незначительный... душа Германа вспыхиваетъ отъ цустой, явно выдуманной сказки, разсказанной легкомысленнымъ офицеромъ передъ разѣздомъ». Но вѣдь душа Макбета вспыхиваетъ отъ словъ вѣдьмъ, этихъ «пузырей земли», по выражению Банко, который для того времени были тоже «комочкомъ обыденного быта», и Банко какъ разъ прошелъ мимо нихъ безъ особенного вниманія, подобно тому, какъ некоторые изъ слушателей разсказа Томскаго прошли безъ вниманія мимо исторіи о трехъ таинственныхъ картахъ. И, однако, художественный замыселъ Шекспировской трагедіи несомнѣнно является показателемъ страсти честолюбія. Аналогично этому художественный замыселъ Пушкинской повѣстіи заключается въ психологіи страсти наживы. Что тутъ и тамъ страсть загорается отъ ничтожной причины, это только одна подробность, быть можетъ, очень цѣнная и поучительная и въ философскомъ смыслѣ, но въ художественномъ замыслѣ это только

одна подробность, не болѣе. Въ этомъ перенесеніи вниманія съ цѣлого на одну его частность — я вижу ошибку М. О. Гершензона.

Изъ художественного замысла Пушкинской повѣстіи, какъ онъ опредѣленъ мною выше, естественно объясняется и все дальнѣйшее. Страсть, конечно, должна была испепелить еяносителя, такъ какъ иначе не было бы и трагедіи. Нельзя себѣ и представить, чтобы въ «Пиковой дамѣ» Германъ могъ выиграть и третью карту. По замыслу Пушкина, этого, конечно, не могло быть, и дальше мы увидимъ это. По въ такомъ случаѣ можетъ возникнуть вопросъ, почему же Германъ не проигралъ по первой картѣ.

М. О. Гершензонъ совершилъ справедливо отмѣчаетъ странность того обстоятельства, что случайныя карты, номера которыхъ Герману во время его галлюцинаціи, даютъ ему выигрыши, и спрашивается: «Что это: случайность?» Рѣшаешь этотъ вопросъ нашъ изслѣдователь въ отрицательномъ смыслѣ. Мысль, руководившая Пушкинымъ, представляется ему въ такомъ видѣ.

Страсть Германа порождаетъ галлюцинацію, которая даетъ ему иллюзію объективности. Въ силу этой иллюзорной объективности онъ абсолютноувѣренъ въ своихъ трехъ картахъ, почему на первую уже ставить можетъ быть весь свой капиталъ. И М. О. Гершензонъ думаетъ, что «по мысли Пушкина, самъ космосъ склоняется передъ такой непреклонной вѣрой, слѣпой случай, какъ песь, лизеть властную руку: вотъ почему Германъ выигрываетъ. Германъ могъ выиграть и на третьей картѣ, могъ и не выиграть по собственной оплощенности, какъ это и случилось; на этой безумной высотѣ у человѣка не можетъ не кружиться голова, ему слишкомъ легко оступиться; но горе ему, если онъ оступился: малыйшій невѣрный шагъ, — движение Наполеона на Москву или, какъ здѣсь, ошибочно вынутая карта — и онъ летитъ въ бездну, увлекаемый порожденіями собственного возмущеннаго духа».¹

¹ М. О. Гершензонъ. «Мудрость Пушкина». М. 1919, стр. 102.

Новый исследователь Цукининской повести по поводу выигрыша замечает следующее: «Наполеоновское, сверхчеловеческое в Германе обуславливает выигрыш тройки и семерки. Ординарное, человеческое в нем — связано со срывом патузей. В финале повести впервые обнаруживается присущая Герману магическая сила — т. е. в реально-психологическую линию мотивировки вторгается фантастический элемент. Таким образом, фантастика побеждает. Но реальность тотчас же мстить за себя: неловкость, человеческая разъянность мышает проявляться в полной мере магической силы Германа. «Он не верил своим глазам, не понимая, как он мог обдернуться». «Немец» торжествует над «романическим» героем. Герман гибнет жертвой трагического противоречия между присущей ему, неведомо для него самого, магической силой и бытовой стороной его личности».¹

Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ исследователемъ ни въ коемъ слухъ нельзя согласиться. По замыслу Пушкина, думается мнѣ, страсть, овладѣвшая Германомъ, должна была испепелить его, потому что иначе, въ случаѣ благополучного исхода этой трагической повѣсти, она сбивалась бы на анекдотъ. Нѣтъ, по замыслу Пушкина, Германъ долженъ быть погибнуть, потому что таково дѣйствіе страсти. Онъ долженъ быть погибнуть, даже если бы случайно два раза и выигралъ. Но не случайно Пушкинъ заставляетъ его выиграть. Въ этомъ случаѣ еще неизбѣжнѣе, еще поразительнѣе представляется гибель Германа.

Какъ нельзя вообразить себѣ, чтобы Германъ могъ выиграть и третью карту, такъ нельзя представить себѣ и обратнаго, чтобы онъ могъ проиграть по первой же картѣ. Въ такомъ случаѣ не такъ бы неизбѣжной являлась намъ его погибель, не такъ бы захвачено было наше вниманіе. Нѣтъ, онъ долженъ быть дважды выиграть, по мысли Пушкина, и въ третій разъ «обдернуться» и погибнуть. Вотъ почему Германъ выигрываетъ первыя двѣ

карты, а не потому, что «слѣдний случай, какъ есть, лижеть властную руку», какъ думаетъ одинъ исследователь, и не потому, что Германъ обладаетъ какой-то присущей ему магической силой, какъ думаетъ второй.

Такимъ образомъ, чисто художественнымъ замысломъ Пушкина, его композиционными цѣлями объясняется двукратный выигрышъ Германа.

Но почему Пушкинъ, глубочайший реалистъ, «съ его, по выражению М. О. Гершензона, трезвымъ умомъ, съ его любовью къ простому и реальному», могъ допустить такую фантастическую возможность двойного выигрыша? Да просто потому, что она не такъ фантастична. Она намъ кажется такой въ даний обстановкѣ. А среди играющихъ можно какъ разъ наблюдать такие поразительные случаи вѣры въ выигрышъ и дѣйствительного выигрыша. Слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣхъ этихъ игроковъ, такъ угадывающихъ карты, нужно считать обладающими магической силой? Конечно, нѣтъ. Пушкинъ, несомнѣнно, имѣлъ возможность не разъ наблюдать эту реальную подробность и воспользовался ею съ цѣлью, чтобы тѣмъ сильнѣе подчеркнуть неизбѣжность гибели Германа, для которой достаточно малѣйшаго повода или, по справедливымъ словамъ М. О. Гершензона, «любого внутренняго образа, самаго ничтожнаго или обманчиваго».

По нельзя, по выражению игроковъ, такъ испытывать судьбу, какъ это дѣлаетъ Германъ. Нужно имѣть мужество, чтобы остановиться во время. Страсть не даетъ этого сдѣлать Герману, и потому онъ неизбѣжно долженъ погибнуть. Вотъ почему, по замыслу Пушкина, онъ долженъ быть выиграть первыя двѣ карты и проиграть третью. Въ слугу этихъ соображеній я и не могу согласиться ни съ тѣмъ, какъ рисуетъ М. О. Гершензонъ руководившую Пушкинымъ мысль, ни тѣмъ болѣе съ замѣчаніями А. Л. Слонимскаго о «Наполеоновскомъ и сверхчеловеческомъ» въ личности Германа.

Не могу я также согласиться еще съ однимъ замѣчаніемъ М. О. Гершензона, который признаетъ художественной ошибкой

¹ «Пушкинскій сборникъ», стр. 178.

Пушкина подробное описание графини спальни в третьей главе. «Современный художникъ, по мнѣнію нашего критика, нарисовалъ бы только тѣ черты обстановки, которыя могъ и долженъ быть въ эту минуту величайшаго напряженія замѣтить Германъ» (стр. 111). Такъ и поступилъ Пушкинъ въ описаніи приготовленій дуэли Онѣгина съ Ленскимъ, гдѣ воспроизведены лишь тѣ звуки и движенія, за которыми напряженіе слѣдить эти лица, ожидал призыва къ дуэлі. «Современный художникъ, продолжаетъ М. О. Гершензонъ, сдѣлалъ бы больше: онъ воспроизвелъ бы эти черты не фотографически, какъ Пушкинъ, а съ той цѣлью, чтобы подборомъ намѣченныхъ чертъ уяснить намъ душевное состояніе героя»... (стр. 112); «съ этой точки зрѣнія подробное объективное описание графининой спальни, какъ ни хорошо оно само по себѣ, — серьезный художественный промахъ; всего, что здѣсь перечислено, Германъ, конечно, не могъ видѣть и сопоставлять въ своемъ умѣ» (тамъ же).

Отмѣтимъ кстати взглядъ на эту подробность А. Л. Слонимскаго, который находитъ отзывъ М. О. Гершензона тоже неправильнымъ, во только по другой причинѣ. По его мнѣнію, „отъ «анекдота» къ «чуду» — таковъ ходъ повѣсти“: Анекдотъ — это, конечно, разсказъ о трехъ картахъ, а чудо — выигрышъ. „Съ фантастикой «Никовой дамы», замѣчаетъ онъ, гармонируетъ старинный фонъ, на которомъ разыгрываются события повѣсти. Дѣйствіе происходитъ въ тридцатыхъ годахъ, т. е. въ современной Пушкину обстановкѣ. Но за этимъ современнымъ планомъ вырисовывается то, что было «шестидесять лѣтъ назадъ» — въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка. Ощущеніе «стариннаго» сопутствуетъ Герману. «Старинное», какъ будто ближе ему, понятнѣе, чѣмъ «современное»“ (стр. 179). Приведлъ извѣстное памъ мнѣніе М. О. Гершензона о «художественной ошибкѣ» Пушкина, введенаго подробное описание графининой спальни, хотя Германъ будто бы не могъ всего замѣтить «въ эту минуту величайшаго напряженія», А. Л. Слонимскій возражаетъ: „Но именно это «напряженное» ожиданіе чуда тѣсно связано у Германа съ обостреніемъ чувства

«старины». «Магія» Германа все время сопровождается мотивомъ «старины». Подробное описание старинныхъ вещей и ста-ринной мебели какъ нельзя лучше гармонируетъ съ уходомъ Германа въ фантастику“ (стр. 179—180).

Однако, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство, мѣрѣ думается, упущенное изъ виду М. О. Гершензономъ. «Германъ трепеталъ какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ онъ уже стоялъ передъ домомъ графини», такъ начинается отрывокъ, посвященный описанію приготовленія къ поѣзденію графининой спальни и самаго поѣзденія.

Буду цитировать дословно дальше только то, что касается душевнаго состоянія Германа. «Германъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни спѣха». Дальше слѣдуетъ описание отѣзда графини. «Германъ стащъ ходить около опустѣвшаго дома; онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы: было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая оставшія минуты». Очевидно, нетерпѣніе, съ какимъ ожидалъ Германъ этого момента, когда онъ очутится въ спальне графини, давало себѣ знать, но это уже не былъ тотъ трепетъ, который онъ испытывалъ раньше. «Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германъ ступилъ на графинину крыльце и вошелъ въ ярко освѣщенный сѣпи. Швейцара не было. Германъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ запачканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германъ прошелъ мимо него». Замѣтите два выраженія: «взбѣжалъ по лѣстницѣ» и «легкимъ и твердымъ шагомъ прошелъ», разделенные другъ отъ друга буквально одной строкой. Германъ волновался еще, не видя швейцара. Увидѣвъ его, онъ успокоился, считая, что никто ему не помѣшаетъ, и онъ у цѣли, такъ какъ Лиза предупреждала его именно о швейцарѣ. Дальше и слѣдуетъ то описаніе графининой спальни, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

Далѣе. «Время шло медленно... Германъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно,

какъ у человѣка, рѣшившагося на что-нибудь опасное, но необходимое». Однако, это спокойствіе могло парушиться. «Часы прошли первый и второй час утра, и онъ услыхалъ дальний стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ». Опускаю дальнѣйшее описание приѣза графини и прихода ея въ спальню. «Германъ глядѣлъ въ щелку. Лизавета Ивановна прошла мимо него. Германъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нечто похожее на угрызеніе совѣсти и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ».

Какъ видимъ, цѣлая гамма или, если хотите, мелодія душевнаго состоянія Германа. И въ инструментовку этой мелодіи, если выдерживать музыкальные термины, описание графининой спальни входитъ, какъ вполнѣ подходящій аккордъ. Это описание необходимое здѣсь звено, потому что оно какъ разъ свидѣтельствуетъ намъ о спокойномъ душевномъ состояніи Германа въ то время, какъ онъ вошелъ въ спальню графини. Я думаю, что Пушкинъ умышленно ввелъ его не потому только, что хотѣлъ дать, скажемъ, картину быта. Пушкинъ не задумался бы выбросить его, какъ выбросилъ онъ романъ Германа съ пѣмочкой, который, казалось бы, только усиливъ наше впечатлѣніе отъ страсти, овладѣвшей Германомъ и заставившей его забыть пѣмочку.

Есть еще одна маленькая, но характерная подробность, показывающая, какъ скучъ былъ Пушкинъ на слова. «Германъ, читаемъ мы во II главѣ повѣсти, былъ сынъ обрусѣвшаго пѣмца, оставившаго ему маленький капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволяя себѣ малѣйшей прихоти». А въ одномъ изъ черновыхъ набросковъ находимъ слѣдующее: «Отецъ его обрусѣвшій пѣмецъ, оставилъ ему послѣ себя маленький капиталъ, Германъ оставилъ его въ ломбардѣ, не касаясь и процентовъ, и жилъ однимъ жалованьемъ». Подробность о ломбардѣ пропала, потому что она была лишняя: иначе пришлось бы объяснять, когда успѣлъ Германъ взять изъ ломбарда деньги. Если такъ тщательно обдумывали

Пушкинъ такія мелкія подробности, какъ только что указанныя, то неужели бы онъ не обратилъ вниманія на то, что Германъ при его душевномъ состояніи не могъ замѣтить всѣхъ этихъ подробностей обстановки и убранства графининой спальни. Нѣтъ, Германъ ихъ видѣлъ потому, что находился въ спокойномъ состояніи. Такимъ образомъ Пушкинъ какъ разъ, вводя подробное описание графининой спальни, показываетъ намъ спокойное душевное состояніе Германа въ этотъ моментъ.

Вотъ почему замѣчаніе М. О. Гершензона о «художественной ошибкѣ» Пушкина я считаю въ свою очередь ошибочнымъ. Что касается взгляда А. Л. Слонимскаго на умѣтность подробнаго описанія графининой спальни, то я не вижу надобности распространяться по этому поводу: фантастичность его представляется мнѣ слишкомъ ясной послѣ всего сказанного, чтобы нужно было прибавлять еще что-нибудь для его опроверженія.

Въ заключеніе моихъ замѣтокъ остановлюсь еще на одной подробности. Д. С. Дарскій въ своемъ докладѣ указалъ на слѣдующее любопытное совпаденіе въ повѣсти Пушкина. «Нѣтъ! разсчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, говорить Германъ, вотъ что устроитъ, усемерить мой капиталъ и доставить мнѣ покой и независимость!» А карты, которыя должны были дать ему выигрышъ, были: тройка, семерка и тузъ. Совпаденіе словъ «уроить» и «усемерить» съ названіемъ первыхъ двухъ картъ, тройка, семерка, невольно, конечно, бросается въ глаза. Я не имѣю въ виду останавливаться на томъ сокровенномъ, таинственномъ смыслѣ, какое придаетъ этой подробности названный выше исследователь. Я полагаю, что Пушкинъ хотѣлъ здѣсь достигнуть просто большей эффектности благодаря отмѣченной детали, такъ какъ несомнѣнно, что это совпаденіе: «тройка, семерка» — «уроить, усемерить» очень эффектно. Но повторю, что не этотъ смыслъ данной подробности, въ которой я вижу только художественный приемъ, меня интересуетъ. Меня сейчасъ занимаетъ другой вопросъ, а именно, придумалъ ли Пушкинъ самъ эту деталь, или кто-нибудь могъ его натолкнуть на нее. Дѣло въ

тому, что въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ»¹ помещено стихотворение О. Глинки: «Брачный пиръ Товія», навѣянное автору словами изъ книги Товита, гл. II: «и бысть бракъ Товіл съ веселіемъ дній седьмъ».

Приведу изъ него слѣдующій отрывокъ:

«И пиръ свѣтлѣй, и веселѣй:
Всѣ утѣшились, пили, танцо-
вали.
Одинъ лишь, молча, гость сидѣлъ
Какъ неживой съ живыми. Младость
Цвѣла въ немъ съ дивной красотой,
Но онъ, казалось, нашу радость
Считалъ какою-то мечтой.
И ошь трапезы не вкушаетъ,
Ни вина, ни сотовъ, ни птицы...
«Ужель мой сынъ не примѣщаетъ
Того, что въ гостѣ вижу я?».
Такъ старый Товій шепчетъ сыну:
«То наше Азарія!... Причину
«Желалъ бы знать: о чёмъ грустить?
«Не есть, не пьеть и все молчать!
«Какой тоски, какой утраты
«Онъ полонъ думой? Мало ли платы?
«Утронть, сынъ! усемерить:
«Неблагодарныи страшне быти!»

Какъ видимъ, поразительное совпаденіе: тѣ же самыя слова «утронть, усемерить». Что это — случайное совпаденіе? или нѣтъ? Не думаю, чтобы случайное. Данный «Альманахъ», конечно, могъ быть извѣстенъ поэту, слова Глинки могли зачаться въ его душу и дать тамъ ростокъ, давъ въ результатѣ прекрасный, высоко-художественный приемъ, который въ свою очередь привелъ къ очень эффектной подробности.

H. Кашинъ.

¹ «Альбомъ Сѣверныхъ Музъ». Альманахъ на 1828 годъ, изданный А. Н. С.-Пб. Тип. Александра Смирдина, 1828 г., стр. 348—VII. Цитир. отрывокъ на стр. 83—84.

Соболевскій о Пушкинѣ.

(Изъ переписки С. А. Соболевскаго съ М. Н. Лонгиновымъ).

Въ приложенія къ «Новымъ материаламъ о дуэли и смерти Пушкина», составившимъ особый выпускъ «Трудовъ Пушкинскаго Дома», мы опубликовали отрывокъ изъ воспоминаній С. А. Соболевскаго о Пушкинѣ, найденный нами въ архивѣ М. Н. Лонгинова, принесенномъ дочерью его княгиней А. М. Козловской въ даръ Пушкинскому Дому. Нынѣ, разбирая письма С. А. Соболевскаго къ М. Н. Лонгинову, мы выдѣлили изъ нихъ семь писемъ, непосредственно касающихся Пушкина и публикацій его произведеній.

Какъ увидитъ читатель, каждое изъ публикуемыхъ нами ниже писемъ заключаетъ въ себѣ вполнѣ авторитетныя утвержденія давняго пріятеля Пушкина по тѣмъ или инымъ вопросамъ біографическаго или историко-литературнаго значенія. Вотъ почему мы находимъ необходимымъ опубликовать ихъ теперь же, не дожидаясь задуманнаго нами изданія эпиграммъ и писемъ С. А. Соболевскаго, и тѣмъ ввести ихъ въ научный оборотъ.

На первомъ мѣстѣ нами поставлено письмо, касающееся только что выпущеннаго тогда (въ 1855 г.) П. В. Анненковымъ изданія сочиненій Пушкина. Письмо это выдѣляется изъ ряда остальныхъ какъ своимъ объемомъ, такъ и важностью заключающихся въ немъ свѣдѣній. Написанное на шести страницахъ почтовой бумаги большого формата,—ово, повидимому, старательно обдумывалось Соболевскимъ, какъ о томъ можно заключить по множеству поправокъ, вставокъ и дополненій, которыми

наполненъ подлинникъ. Въ пемъ устанавливается рядъ датъ, вполигь опредѣлительно указывается на авторство Пушкина въ «Гавріліадѣ», а также на тѣ причины (достаточно, скажемъ отъ себя, мало убѣдительныя), по коимъ Соболевскій не считать возможнымъ ни для себя, ни для другихъ пріятелей и друзей Пушкина писать и опубликовывать свои воспоминанія о Пушкинѣ. Изъ другихъ писемъ наиболѣе интересно то, гдѣ Соболевскій говорятъ о неосуществленномъ намѣреніи Пушкина издать отдельную книжку эпиграммъ, вступленіемъ къ которой должно было послужить стихотвореніе «О Муза пламенной сатиры». Такимъ образомъ теперь совершенно точно устанавливается принадлежность этихъ стиховъ Пушкину и вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ версія С. М. Бонди, согласно которой они являются одною изъ строфъ «Онѣгина».¹ Укажемъ кстати и на то, что въ редакціи Соболевскаго стихи представляютъ нѣкоторыя разночтенія съ принятымъ нынѣ текстомъ. Остальная письма содержать въ себѣ указанія на рядъ стихотвореній, ошибочно приписывавшихся во времена Соболевскаго Пушкину, а также говорятъ объ официальной перепискѣ, касающейся попытокъ реализаціи такъ называемой «чугунной бабушки», полученной Пушкинымъ въ счетъ приданаго за Натальей Николаевной Гончаровой.

Одно изъ писемъ, въ которомъ Соболевскій приводитъ письмо, написанное ему Пушкинымъ 9 ноября 1826 г., не публикуется нами полностью, так как оно опубликовано въ существенной своей части еще М. Н. Лонгиновымъ въ «Современникѣ», т. LXIII, 1857 г. № 5, отд. V, стр. 65—74. Даемъ здѣсь лишь консѣптъ его, какъ свидѣтельствующій лишній разъ о мѣстѣ жительства Пушкина въ Москвѣ по возвращеніи изъ деревни:

«Все это составляетъ конецъ письма, написанаго А. Пушкинѣмъ ко мнѣ изъ Псковской деревни (9 ноября 1826 года) куда онъѣздилъ изъ Москвы на короткое время. Оно подписано:

¹ «Пушкинскій Сборникъ памяти С. А. Венгерова», Пгр. 1922, стр. 47—49.

Сергѣю Александровичу Соболевскому
въ Москвѣ, на Молчановкѣ, въ домѣ Ринкевича.

Тутъ то и посыпался Пушкинъ у меня по возвращенію.
Соб.».

Датировка писемъ произведена нами по соображенію съ цу-
блокаціей тѣхъ стихотвореній Пушкича, о которыхъ говорятъ
Соболевскій.

Необходимыя примѣчанія даны подъ текстомъ.

M. Быляевъ.

I.

Объ изданіи Пушкина Анненковымъ.

[1855 г.].

Любезный другъ — я чрезвычайно доволенъ новымъ Пушкинскимъ. Не могъ не радоваться тому усердію, съ которымъ Анненковъ изучилъ своего Автора въ печати и рукописяхъ; о біографіи скажу мнѣніе свое ниже, а теперь вотъ что о 2-мъ томѣ: жаль, что не выдали вмѣстѣ и третьяго (который вѣроятно содержитъ остальныя мелкія стихотворенія); это для лучшаго опредѣленія времени, когда что написано, было бы удобнѣе, ибо иѣть сомнѣнія, что тутъ есть ошибки, хотя впрочемъ такихъ ошибокъ изумительно мало. Замѣчу одну: Прозорпину (Илліпуть волны Флегетона)¹ мнѣ читалъ Пушкинъ до отѣзда въ Бессарабію. Что же касается замѣчаній, помѣщенныхъ въ концѣ каждого отдѣла, то пѣть сомнѣнія, что Тихонравовы, Гаевскіе и прочие < . . . >частигели или крохоборцы литературные тутъ пожилются: въ бібліографіи безошибоченъ только тотъ, кто дѣлаетъ поменьше ошибокъ.

Жалѣю, что А. во 2-мъ томѣ (или въ біографіи) не помѣстилъ le premiер jet Талисмана; я этотъ premiер jet видѣлъ въ тѣхъ

¹ О датировкѣ этого стихотворенія см. Соч. Пушкина, изд. Акад. Наукъ, т. III, стр. 217, 339.

бумагахъ,¹ кои мнѣ привозилъ на дому его братъ полковникъ.— Зачемъ бумага и печать 2-го тома хуже перваго?

Теперь о біографії.

Умно уже и то, что А. назвалъ это: *материалами*, но можетъ быть было бы еще умнѣе (а уже безъ всякаго сомнѣнія *вѣрнѣе*), еслибы онъ назвалъ это: М. для біографії знаменитаго нашего Пушкина. Слова: Александра Сергеевича даютъ читателю право требовать ближайшаго знакомства съ лицемъ Пушкина, чего А., его не знаяшій, удовлетворить не можетъ, и на что *никто*, пока живо такъ много его современниковъ, *aliiusque raisonibus*, покушаться не долженъ. Публика, какъ всякое большинство, глупа и не помнить, что и въ солнцѣ есть пятна; по этому не напишетъ объ покойномъ нико изъ друзей его, зная, что если высказать правду, то будутъ его укорять въ недружелюбіи изъ за всякаго вѣрнаго и совсѣмъ ложнаго словечка; съ другой стороны же можетъ онъ часто, где слѣдуетъ, оправдывать *субъекта* своей біографії, ибо это оправданіе должно основываться на обвиненіи или осмѣяніи другихъ, ешь здравствующихъ, лицъ. И такъ, чтобы не пересказать лишняго или не подсказать нужнаго — каждый другъ Пушкина долженъ молчать. По этой-то причинѣ пусть пишутъ объ немъ *незнавше* его, и пишутъ такъ, какъ написалъ А., то есть мало касаясь его личности и говоря объ ней только то, что поясняетъ его литературную дѣятельность.

Съ этой точки зрѣнія, трудъ А. *прекрасенъ*, особенно если вспомнить всѣ трудности, съ которыми слѣдовало ему бороться, чтобы, въ интимности, высказать многое, особенно если вспомнить, что онъ долженъ былъ рѣшиться сказать нѣсколько глупостей въ видѣ пачпорта истинѣ. Другая уловка: сообщить публикѣ неконченное, не додѣланное или исключенное такъ, чтобы оно не пропало и чтобы однакоже не пришлось прибѣгать къ собственному руководству — весьма счастлива; правду сказать — я

¹ Повидимому, этотъ листокъ хранится въ Майковскомъ Собрании Библиотеки Академіи Наукъ. См. «Пушкинъ и его современники», вып. IV, стр. 8—9, № 30.

ужасно боялся, чтобы издатель не помѣстилъ прямо и безъ достаточныхъ оговорокъ то, что выброшено Пушкинымъ изъ его изданій какъ недостойное его, неудавшееся или не стоящее помѣщенія.

Благодарю А. 1) за приличный и благородный тонъ его труда; 2) за отсутствие возгласовъ и хвалебныхъ эпитетовъ, знаковъ восклицанія и другихъ типографскихъ прикрасъ.— NB (это было бы пріятно Пушкину самому, любившему во всемъ приличие и порядность) — 3) за то, что онъ не восхищается еннограммами П., приписываетъ ихъ слабости, сродной со всемъ человѣческимъ и, признаетъ ихъ пятнами его литературной славы.¹ NB (П. жалѣть объ эпигр.: въ Академіи Наукъ, когда лично узналъ Дундука); 4) что онъ ви слова не упоминаетъ о Гаврилѣ и не приводить изъ нее стиховъ, (что было бы весьма легко сдѣлать въ видѣ отрывка или перемѣшиваясь повѣствованіемъ). NB. касательно сего послѣдняго пункта je le fais en toute suret  de conscience au nom et de la part du defunt, помня какъ онъ глубоко горевалъ и сердился при всякомъ, даже печальному, напоминаніи объ этой прелестной накости...

Упрекну А. 1) ему бы слѣдовало распространяться болѣе и обратить вниманіе читателя на тѣ мѣста изъ переписки А. П. ко Льву Сергеевичу, где онъ говорить ему о подачи помощи тѣмъ, кто пострадалъ отъ наводненія; знаяшіе Алек. Пуш. знаютъ, чего ему стояло отложить свое добре дѣло; удивляюсь какъ и въ этомъ случаѣ онъ рѣшился повѣрить постороннему (а это посторонній — братъ его) порывъ всегда доброго и сострадательнаго своего сердца.² 2) ему бы не слѣдовало намѣкать о воспомѣнившій холодности старшаго брата къ мѣньшому, ибо на это были причины, дѣлающія честь Александру и не дѣлающія

¹ C'est le premier biographe qui ait os  dire cela de son h ros, que je sache (Добавл. С. А. Соболевскаго).

² Письма А. С. Пушкина къ брату Льву Сергеевичу опубликованы С. А. Соболевскимъ въ томѣ I «Библіографическихъ Записокъ» 1858 года (стр. 1—16, 40—48, 97—114). Письма о «потопѣ» находятся на стр. 47, 48, 99.

однако же вреда Льву, причины о коихъ пока говорить не слѣдуетъ. Наконецъ, 3) выставить, болѣе сдѣланнаго, удивительное свойство Алек. Пушкина, (въ такой степени à mille lieus на въ комъ изъ людей, чѣмъ бы то ни было знаменитыхъ—неизвѣстное): *совершенное отсудство зависти du metier et милое, любезное, истинное и даже смѣшное желаніе видѣть дарованіе во всякомъ начальѣ, поощрять его словомъ и дѣломъ и радоваться ему.*¹

Вѣроятно теперь посыпятся опроверженія, дополненія, воспоминанія, замѣтки и проч. и проч. на Материалы. Тѣмъ лучше; чѣмъ больше замѣтится, да же вздора, тѣмъ болѣе можно будетъ добиться до истины.—Вотъ мелочи:

1) По прїѣздѣ П. въ Москву, онъ жилъ въ трактирѣ Европа, домъ бывшій тогда Часовника, на Тверской. — Тогда читалъ онъ у меня, жившаго на Собачьей площадкѣ, въ домѣ Ринкевича, (что нынѣ Левентали) Бориса *«въ первый разъ* при М. Ю. Вельгорскомъ, П. Я. Чаадаевѣ, Дмитріѣ Веневитиновѣ и Шовыревѣ. На вѣрное не помню, не было ли еще тутъ Ивана В. Кирѣевскаго.—(Потомъ читанъ Борисъ у Вяземскаго² и Болконской или Веневитиновыхъ?)³ Впрочемъ ce sont les seules lectures, que P. ait jamais fait de ses œuvres, qu'il detestait de lire autrement qu'en tête à tête ou a peu-près.—По возвращеніи изъ деревни (куда онъ ъездилъ на короткое время) онъ прїѣхалъ прямо ко мнѣ и жилъ въ томъ же домѣ Ринкевича, который, какъ сказано, на Собачьей площадкѣ стоять лицомъ, а задомъ выходить на Молчановку, изъ чего и вышли у А. двѣ мѣстности.⁴

¹ Ср. обѣ этомъ къ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго въ сборникѣ въ честь А. Ф. Кони, Лгр. 1825, стр. 103.

² На этихъ чтеніяхъ я не былъ, ибо въ день первого такъ заболѣлъ, что недѣли три пролежалъ въ постели (Добавл. С. А. Соболевскаго).

³ Чтеніе Пушкинъ «Бориса Годунова» въ сентябрѣ 1826 г. происходило въ Москвѣ: 10-го у Веневитиновыхъ (первое) (см. Барсуковъ «Жизнь и труды М. И. Погодина», т. II, стр. 42), у кн. Вяземскаго (см. Полное собр. соч. П. А. Вяземскаго, т. X, стр. 266) и у С. А. Соболевскаго. Второе чтеніе у Веневитиновыхъ происходило 12 октября (см. Барсуковъ. Ор. сѣт., т. II, стр. 43).

⁴ Настоящее указаніе Соболевскаго уточняетъ свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Москвѣ въ 1826 г.

2) Я возвратился изъ за границы 22 Іюля 1833-го года, чути ли не въ день или на другой день крестинъ Александра (Сашки) Пушкина junioris. Несколько дней спустя, то есть или въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа, Алек. Серг. и я поѣхали вмѣстѣ и доѣхали до Торжка; въ Торжкѣ разѣхались: я поѣхалъ къ себѣ въ деревню, а онъ къ какимъ то пріятелямъ, чути ли не къ Вульфу. Ergo—какъ очутился онъ у Анненкова въ Дерптѣ?¹ Желаль бы я знать, на чѣмъ основывается А. это?

3) Изъ біографіи я узлаю, что свою статью о братѣ Левѣ написать нарочно для Анненкова. Если бы я зналъ это, то не передавалъ бы ее Погодину за счетъ малолѣтнихъ Лѣвоичей, коимъ азъ есь опекунъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пѣнкою Анненкову за то, что онъ безъ моего дозволенія или не снесясь со вдовой Льва Сергеевича—напечаталъ письма брата къ брату, кои были доставлены ему (отъ кого бы онъ ихъ ни получилъ) *ВОРОВСКИ*, ибо я не могъ и не долженъ отчуждать одинъ вѣренное моему опекунству имущество или по произволу, безъ надлежащаго соглашенія матери—соопекунши, или даромъ.

Такой поступокъ, съ моей стороны, быть бы или неделикатнѣй въ отношеніи вдовы соопекунши, или: *générosité чужимъ карманомъ*, отъ чего я громогласно отрѣкаюсь.

4) Съ другой стороны сообщи Анненкову слѣдующее: Статью Павлищевой о дѣствѣ Пушкина она передала мнѣ сама для сообщенія *Бартенесу*, предъ которымъ черезъ нѣсколько дней, при личномъ свиданіи, сама *ссыпалась* на опую для получения просимыхъ имъ свѣдѣній. Это въ видѣ отвѣта на статейку Павлищева, помѣщенную въ № 1-омъ *Москвитянинѣ*.²

Прощай. Пришли мнѣ *Матем* съ своимъ человѣкомъ.

Твой Соб.

Писалъ ли Ты, чтобы А. для тебя и меня выслалъ сюда или отложилъ *отличные экземпляры*?

¹ См. у Анненкова «Материалы», стр. 170. Показаніе Анненкова ошибочнѣ.

² См. «Москвитянинъ» 1855, № I, стр. 200.

Еще: П. решительно поддался мистификации Merimée, отъ которого я должен был выписать письменное подтверждение, чтобы увѣрить Пу. въ истинѣ пересказанного мной ему, чemu онъ не вѣрилъ и думалъ, что я ошибаюсь. Послѣ этой переписки П. часто разсказывалъ объ этомъ, говоря, что Merimée ни одного его надуль, но что этому поддался и Мицкевичъ. C'est donc en très bonne compagnie, que je me suis laissé mystifier, прибавлялъ онъ всякий разъ.

Библиография Fortis на итальянскомъ въ двухъ томахъ обыкновенно, но есть 3-й томъ рѣдкій: Laorich, osservazioni sul Fortis. Venezia 1776 in 4°; онъ у меня гдѣ то есть и составленъ Славяномъ; егда спроютино, что не помню, содержитъ материалы для мистификацій.¹

II.

[Конецъ июня и начало июля 1856 г.]

Любезный другъ Лонгиновъ — сообщи въ Редакцію Библіографическихъ Записокъ слѣдующее:

Зачѣмъ печатаютъ они глупости и приписываютъ ихъ Пушкину?

Нашъ пріятель Цапли Левъ²

¹ Рѣчь идетъ о «Лѣспахъ Западныхъ Славянъ»; см. Предисловіе къ книѣ Пушкина, напечатанное впервые въ «Стихотвореніяхъ», ч. IV, С.-Пб. 1835, гдѣ помещено письмо Меримѣ къ Соболевскому. Въ библіотекѣ Пушкина имеются первые два тома Fortis'a по французскому переводу: «Voyage en Dalmatie. Par M. L'Abbé Fortis, Traduit de l'Italien. Avec figures. Berne. M.DCC.LXXVIII. См. «Пушкинъ и его современники», вып. IX—X: Б. Л. Модзяевскій, Библіотека Пушкина, № 925.

² Указанное стихотвореніе, озаглавленное «Льву Сергеевичу Пушкину», опубликовано въ Россіи на столб. 370 «Библіографическихъ Записокъ», томъ I за 1856 г., въ статьѣ «По поводу послѣдняго изданія сочиненій А. С. Пушкина», подписанной Е. Я. и И. М.— въ (307—318, 332—351, 366—369, 414—416, 749—751). Въ Лондонѣ оно опубликовано въ кн. IV «Полярной Звѣзды» на 1856 г., стр. 272. Тамъ же на стр. 271 опубликовано стихотвореніе «Цапли» въ Россіи «Цапли» опубликованы на столб. 287 тома I «Библіографич. Записокъ» за 1856 г. Объ этихъ двухъ стихотвореніяхъ и обѣ участія въ сочиненіи ихъ обаихъ Боратынского, а въ сочиненіи второго — и самого О. А. Соболевскаго см. въ Академическомъ изданіи «Полярного собр. соч. Е. А. Боратынского», т. I, стр. 324—325.

Точно также написанъ Алек. Пушкинымъ, какъ тобой. Этихъ куплетовъ цѣлая сотня; они импровизировались у Плетнева по субботамъ Баратынскимъ, Дельвигомъ, Ертелемъ и Лѣвомъ Пушкиннымъ именно тогда, когда Алек. не было въ Питерѣ. Въ томъ же родѣ и той же фабрики

Изъ за чѣмъ тутъ на стихѣ
Ты новѣсилъ Абелярда

.....
И стократъ пріятѣй мнѣ
Потопленная въ винѣ
Жирнаа пуларда.

Вольно имъ въ Лондонѣ печатать всякий вздоръ: не у кого спросить. А въ Москвѣ есть кажется у кого спрашивать. Въ Лондонѣ Цапли попали въ достояніе Пушкину; въ Москвѣ Баратынскому. C'est bien flatteur pour moi да все таки поносно для Б. З.

Напрасно напечатали они также 10 заповѣдь. Не вышло бы грозы.

Твой Соб.

Меня здѣсь считаютъ сотрудникомъ и Меценатомъ Баб. Залис. Они навруть — а на меня пападки и мнѣ упрекъ.

Возьми для меня 12-ой Номеръ и отошли ко мнѣ въ домъ. Это на тотъ случай, что запретятъ.

III.

[1856—7?]

О Муза пламенной сатиры
Приди на мой призываѣй кличъ!
Не нужно мнѣ гремацей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражательни холодныи
Не переводчикамъ голодныи

И не поэтамъ модныхъ дамъ
Готовлю ложу эпиграммъ.
Миръ вами, смиренные Пoэты,
Миръ вами, смиренные гмуци!
А вы, ребата-поддесы
Впередъ! Всю вашу еволочь буду
Л мучить казнью стыда;
А если же бого забуду
Прошу напомнить, Господа!
О сколько лбовъ широкомѣдныхъ,
О сколько лицъ нахально блѣдныхъ
Готовыть сть меня принять
Пензеладную печать!

А. Пушкинъ.

Эти стихи мы припомнили съ Эристовымъ;¹ припомнили много другихъ, но я не уверенъ есть ли они или нѣтъ въ твоемъ дополнительномъ томѣ.²

Другие же, прописанные Пушкину тобою — оказываются нѣкоего Михайла Абазы. Жаль, что оного тома у меня нѣть. Нельзя ли заставить писаря переписать заглавія avec les deux premiers vers de chaque pi  ce твоего собрания и прислать мнѣ сюда. Остаюсь здѣсь недѣль шесть и въ частыхъ бѣседахъ съ общими, Пушкина и моими, пріятелями — могъ бы припомнить кое-что.

Есть ли у тебя:

Я знаю, Лидинъка, мой другъ.³

¹ Князь Дмитрій Алексѣевичъ Эристовъ, сенаторъ, род. 1797 г., ум. 9 окт. 1858 г., лицензіетъ второго выпуска, давлій знакомецъ Пушкина. Въ № 3 «Современника» за 1836 г. Пушкинъ помѣтилъ рецензію на книгу Эристова: «Словарь о святыхъ прославленныхъ въ Российской Церкви».

² Рѣчь идеть о рукописномъ сборникѣ стихотворныхъ и прозаическихъ произведений Пушкини, не вошедшихъ въ изданіе его сочинений, составленномъ М. Н. Лонгиновымъ въ концѣ 1855 — началѣ 1856 гг.; о немъ см. «Сочиненія М. Н. Лонгинова», М. 1915, т. I, стр. 578—576.

³ Стихотвореніе это напечатано на столбѣ 341 «Библиографическихъ Записокъ», т. I, 1858 г., въ цитированной выше статьѣ Е. Л. и И. М.-ва «По поводу послѣдняго изданія сочиненій А. С. Пушкина».

Что клубъ? кого избираютъ? Не забудь о библіотекарскомъ мѣстѣ. — Феатръ и Школу злословія получить долженъ я вынѣ.

Тв. Соб.

У Обуховскаго моста, въ домѣ Серапина.

Пиши, хоть по немногу во почаше. Цѣлую невѣсту.¹

Суббота.

Пушкинъ хотѣлъ издать особую книжку эпиграммъ и приготовилъ для оной сообщаемое выше предисловіе.

IV.

[29 марта 1865 г.]

Любезный другъ,

по ревности къ дѣламъ Об. Люб. Росс. С. Лонгино-подобный Секретарь Полуденскій² (не по дородству только) устроилъ вчера засѣданіе въ одной изъ залъ Нового Университета. Говорягъ, что очень хорошо помѣщеніе; въ засѣданіи читалъ новый членъ Соллогубъ³ воспоминанія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ; все это интересно и живо; совершенно новыя подробности о дуэли и увѣреніе, что будь тогда не за границею С. А. С. — то онъ усмирилъ бы Пушкина и дуэли бы не было. Знай нашихъ! Я же на засѣданіи не былъ; съ четвертка сижу дома, горла ради. По сей причинѣ не знаю каковъ твой дядюш. (изъ Лексикона) Князь Яковъ;⁴ а быть онъ очень плохъ, что подавало мнѣ надежду на пріѣздъ кого нибудь изъ Васъ сюда на похороны, т. е. на праздникъ. Но вотъ что хуже: Мих. Петр. Полуденскій

¹ Невѣстой С. А. Соболевской называлъ, вѣроятно, дочь М. Н. Лонгинова Александру Михайловну, впослѣдствіи княгиню Козловскую.

² Михаилъ Петровичъ Полуденскій состоялъ Секретаремъ Общества Любителей Российской Словесности съ 22 декабря 1864 г. по 16 декабря 1865 г.

³ Графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ былъ избранъ въ члены Общ. Люб. Росс. Слов. по предложенію М. П. Погодина 18 марта 1865 г., и читалъ свою рѣчь 28 марта 1865 г.

⁴ Князь Яковъ Яковлевичъ Грузинскій (род. 1 ноября 1793 г., ум. 3 марта 1866 г.), — дядя жены М. Н. Лонгинова, А. Д. Левшиной.

присыпалъ мнѣ сказывать сейчасъ, что Мих. Петр. Погодинъ опасно боленъ.

Прощай. Поздравляю съ наступающимъ праздникомъ.

Твой Соб.

Понедѣльникъ
на
Вторникъ.

V.

5 июля [1865 г.]

Благодарю за письмо.

Гончаровъ получилъ съ завода рисунокъ статуи¹ и нѣкоторыя бумаги. Вотъ тебѣ салютъ съ рисунка. Сравни со своимъ и увидишь, та ли это статуя, что въ Екатеринославлѣ?

Бумаги:

А) (Копія) письмо Г. Александра Воронцова къ Петру Ивановичу (?). СП. Декабря 10 года 1791 о томъ, чтобы выпустить изъ таможни безпошлино статую, принадлежащую Гончарову.

В) подлинное, подписанное Тропинскимъ письмо къ Гончарову отъ 4-го Октября 1801 года, дозволяющее ему поставить на фабрикахъ или въ его деревнѣ образъ бл. пам. и проч. отъ имени Его Величества Государя Императора.

С) подлинное, подписанное Бенкendorfомъ отъ 26 Июня 1830 года письмо къ Алек. Серг. Пушкину: — Высочайше изволилъ изъявить соизволеніе на расшилавленіе имѣющейся у Г. Гончарова колосальной, неудачно изваянной въ Берлинѣ бронзовой статуи блаж. пам. Имп. Екат. II, съ предоставленіемъ ему Гончарову права воздвигнуть, когда обстоятельства дозволятъ ему исполнить сие, другой приличный памятникъ сей Августейшей благотворительницѣ его фамиліи.

¹ О колосальной статуѣ императрицы Екатерины II, заказанной княземъ Г. А. Потемкинымъ въ Берлинѣ скульптору Мейеру и приобрѣтеннѣй затѣмъ А. И. Гончаровымъ си. на стр. 10 статьи А. В. Средина «Полотняный Заводъ» — «Старые годы» 1910, Голь — Сентибръ.

Д) Отъ Бенкendorфа же подлинное письмо 20 Августа 1830 къ Алоисію Николаевичу Гончарову о томъ же, съ тѣми же 1) неудачно изваянной въ Берлинѣ и 2) дозволеніемъ сдѣлать другую.

Взгляни на сей расходъ труда, пера, чернилъ!!
Сообрази, мой другъ, во сколько ты мнѣ якъль!!

Обнимая ручку belle-меры, ножку невѣсты.¹

5 июля

NB Не мой Сергій.

Замѣчу слѣдующее: если Екатеринославская статуя и совершенно тождественна по рисунку, то это все еще не значитъ, чтобы она была Гончаровской. Все нужно обратиться на заводъ Берда за справками, ибо Ек. дворянство могло вторично заказать статую въ Берлинѣ, зная что тамъ есть пошле.

VI.

Любезный другъ — я къ тебѣ писалъ тому назадъ дней съ десять и приложилъ ше ebauche съ рисункомъ статуи Екат. II-ой. Получилъ ли? Желаю сіє спать.

Здѣсь много поговариваютъ о томъ, что ты сдѣлалъ членомъ (отъ короны) губернскаго присутствія по крестьянскому дѣлу. Великіе лабералы, восторженные люди и иные дураки на тебя за это мечутъ каменья!!! Однѣ я, кажется, того мнѣнія, что ты прекрасно сдѣлалъ и,бросивъ ци къ чему не ведущія рѣчи, вмѣшался въ самое дѣло, что тебѣ дастъ возможность показать на опыѣ какъ должно дѣйствовать законо и на обоюдную пользу и старшей и меньшей братіи.

Я въ этомъ очень доволенъ Валуевыми.

Или онъ тебѣ зажаль ротъ (ce qui est très adroit) или онъ ищетъ настоящихъ дѣятелей (ce qui est son devoir) въ средѣ

¹ Т. е. жены и дочери М. Н. Лонгинова.

тѣхъ, которые ему не аплодировали и которые разбирали дѣлаемое.

Прощай и отвѣчай.

Соб.

P. S. Не мѣшайтъ тебѣ написать мнѣ такой отвѣтъ, обстоятельный и подробный, который бы я могъ сообщить чрезъ чернокнижную публику.

21 Июля 1865.

Какъ теперь твой адресъ скорѣйшій?

_____

Пушкинъ и Итальянская Опера.

1.

. . . Но ужъ темнѣеть вечеръ синий;
Нора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упомятъній Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внимала критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новыи,
Онъ звуки льетъ, они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ изгѣбѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго Аи
Струя и брызги золотые . . .

• • • • •
Финаль гремитъ; пустѣеть зала;
Шума, торопится разъездъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и эфѣдъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривый,
Его невольно затвердивъ;
А мы ревемъ речитативъ.

• • • • •
И такъ, я жилъ тогда въ Одессѣ . . .

Такихъ прямыхъ свидѣтельствъ объ увлечениіи Пушкина итальянской оперой много — и въ стихахъ, и въ прозѣ.¹ Эти свидѣтельства заставляютъ предполагать, что должны быть и косвенныя свидѣтельства объ увлечениіи Пушкина итальянской оперой — отраженія этого увлеченія въ творчествѣ. Объ итальянской Одесской оперѣ, какъ пишетъ Л. П. Гроссманъ: «свѣдѣнія крайне скучны» («Пушкинъ въ театральныхъ креслахъ», Лгр. 1926, стр. 170). Это была маленькая труппа подъ управлениемъ иѣкоего Замбони (не толькъ Замбони, или Дзамбони, знаменитый итальянскій иѣвецъ, который около 1818 г., чувствуя упадокъ голоса, прекратилъ свои выступленія въ Миланѣ? Для него Россини предполагалъ «Севильского Цирульника»). Этотъ Замбони съ 1801 г. пѣлъ въ Петербургской итальянской труппѣ Казаси (см. Араповъ. «Лѣтоись», стр. 160. Онъ умеръ въ 1837 г., семидесяти лѣтъ отъ рода). Воспоминанія Вигеля сохранили память обрывокъ репертуара этой труппы: «Севильскій Цирульникъ», «Итальянцы въ Алжирѣ», «Сорока-воровка» и др. (Записки Вигеля, т. VI, стр. 133). Остановимся на послѣднемъ произведеніи. «Сорока-воровка» (*Gazza ladra*) Россини представляетъ собой музыкальную интерпретацію одноименной мелодрамы Кенѣ и Добинье (*Pie voleuse*). Эта мелодрама памятна по разсказу Герцена (1846 г.). Вотъ что писалъ о ней Герценъ: «Вѣроятно, вы знаете сюжетъ «Сороки-воровки», хотя по Россиниевской оперѣ. Страшная лѣса, послѣ которой ничего бы не оставалось на душѣ, кроме отчаянія, если бы не приѣзжали мелодрамную развязку». — Въ моментъ появленія на сценѣ «Сороки-воровки» (1815) никто, понятно, не замѣчалъ искусственности «благополучнаго» финала: трагический финалъ въ мелодрамѣ появляется только въ 20-е годы. Чѣмъ менѣе замѣтѣть былъ этотъ финалъ въ оперѣ. Можно поэтому судить о томъ впечатлѣніи, какое

¹ См. письма Пушкина: Дельвигу 16 ноября 1823 г. («Россини и итальянская опера... это представители рая небеснаго»), Вяземской въ октябрѣ 1824 г. (Пушкинъ сообщаетъ, что выписалъ музыку Россини въ Михайловское), Княжевичу [?] въ декабрѣ 1824 г.

производила драма вначалѣ, если еще въ 40-хъ годахъ опа, при всей своей условности, не утратила своей силы. Впервые на русской сценѣ въ Петербургѣ пьеса Кельнера 9 октября 1816 г., при чёмъ главную роль исполняла М. И. Вальберхова (см. Араповъ, «Лѣтоись русскаго театра», 1861 г., стр. 249).

Сюжетъ пьесы весьма простъ. Служанку Аннету заподозриваютъ въ кражѣ серебрянаго прибора. Всѣ улики говорятъ противъ Аннеты. Ее арестовываютъ и, согласно законамъ, осуждаются на смертную казнь. Въ послѣдній моментъ разъясняется, что воровкой была сорока. Драма оформлена обязательной любовной интригой, связывающей Аннету и сына фермера, у которого она служитъ. Его соперничкомъ является судья, коего памфрея, мало нравственныя, встрѣчаютъ отпоръ со стороны Аннеты.

Усложняющимъ эпизодомъ является появленіе отца Аннеты. Онъ — солдатъ, оскорбившій офицера и за то подлежащій смертной казни. Онъ скрывается, его разыскиваютъ. Такъ происходитъ его тайное свиданіе съ дочерью, прерываемое поневолѣмъ судьи, преслѣдующаго своими предложеніями Аннету. Далѣе сцена развивается слѣдующимъ образомъ. Цитирую по русскому переводу Вальберха (1816).¹ Это дѣйствіе первое, явленіе 14. На сценѣ Бальц, Аннета и Эварардъ (ея отецъ). Входитъ Жорже (слуга Бальц).

ДѢЙСТВІЕ I. ЯВЛЕНІЕ 14.

Жорже.

Г. Бальц! вашъ писарь Г. Дюртеть, который, боясь, что вы поздно домой возвратитесь, прислашъ къ вамъ эту лакетъ; онъ сказывалъ, что эти бумаги очень важны.

Бальц.

А! я! — а кто ихъ прінесъ?

¹ Переводъ этотъ въ рукописи хранится въ Центральной библиотекѣ русской языки при Ленинградскихъ академическихъ театрахъ.

Жорже.

Жандармъ.

Аннета (*въ сторону съ ужасомъ*).

Жандармъ!

Балы.

Посмотримъ, посмотримъ! оставь меня, Жорже! (*Жорже уходитъ*).

Я В Л Е Н И Е 15.

Балы, Аннета и Эврардъ.

Аннета (*въ сторону*).

Жандармъ! Ну скажи это...

Балы (*обшариваясь*).

Вотъ па! по гдѣ мои очки? какое безразсудство! вѣрою я ихъ оставилъ дома. Посмотримъ, не могу ли я разобрать безъ нихъ. (*Она пытается прочесть бумагу, отдалая ее отъ глазъ*) «Господинъ Балы... О! о!... по предложенному при семъ описанію... солдатъ... Эврардъ...»

Аннета и Эврардъ.

О лебо!

Балы.

Такъ и быть, я не могу читать болѣе безъ очковъ; но я вижу, что это ничто иное, какъ описание какого нибудь бѣглого солдата, я могу еще... А! да ты, милая Аннета, можешь помочься и прочесть эту бумагу.

Аннета.

Я! да для чего не пойдете вы лучше домой?

Балы.

Это не стоитъ того. — Прочти, прошу тебя!

Аннета (*въ сторону, взявъ бумагу въ руку*).

Посмотримъ неужели пѣть никакой надежды. (*Читаетъ*). «Г. Балы, преисполненный къ вамъ описаніе солдата Шампанского полка... (смущеннымъ голосомъ) приговоренного къ смерти сего утра восемью судомъ...»

Эврардъ (*въ сторону*).

Я панередъ это зналь!

Аннета (*читаетъ*).

«Его зовутъ...»

Балы.

Это бездѣлица. — О! ежели бы жалѣть о всякомъ... Продолжай, продолжай. (*Въ сторону*). Какъ она мила, когда даже плачетъ, съ жалостнымъ своимъ лицомъ! Понистинѣ чѣмъ болѣе я на нее смотрю...

Аннета.

О Боже мой! все погибло, ежели я прочту, что слѣдуетъ: отъ роду сорокъ два года, ростомъ два аршина десять вершковъ...

Балы.

Что же, развѣ ты не можешь разобрать?

Эврардъ (*въ сторону*).

Бѣдная дочь!

Аннета.

Писано такъ связно.

Балы.

Какъ такъ, мнѣ показалось напротивъ, что чтю (*Шарль опять въ карманахъ*). Ежели бы очки мои...

Аннета (*живо*).

Позвольте! (*Въ сторону*) Само себѣ мнѣ внушилъ! (*Вслухъ*). «Его зовутъ Эврардомъ», отроду 24 года... (*Эврардъ слушаетъ со вниманиемъ*).

Бальи.

А! а! это молодой человѣкъ!

Аннета (читая).

«Ростомъ 2 аршина 12 вершковъ».

Бальи.

Чортъ возьми! Это жалко! Продолжай.

Аннета (читая).

«Голубые глаза, волосы и брови... блокурые».¹

Бальи.

Ба! да этотъ солдатъ описанъ совершеннымъ Адописомъ.

Аннета (въ сторону).

По крайней мѣрѣ опь будетъ имѣть время удалиться.

Бальи.

Волосы и брови блокурые. — Потомъ?

Аннета (читая).

«Мундиръ белой съ голубыми отворотами. (Смотритъ на отца, у которого щиблеты черные). Бѣлые щиблеты. Употребите всѣ средства, Г. Бальи, чтобы его поймать, если онъ будетъ проходить чрезъ вашъ уѣздъ». — Здѣсь приложена копія съ описаніемъ.

Бальи.

А! разумѣю; чтобы разослать эти описанія по разнымъ дорогамъ, гдѣ держать караулы Жандармы. — Я ихъ севодніи же вечеромъ отправлю. — (Оборачивается къ Эварду, который едва успѣваетъ взять прежнее свое положеніе). Посмотримъ между тѣмъ, по нечаянности не по... (Подходитъ къ Эварду и треплетъ его по плечу). Послушай ка, дружокъ!...

¹ Описаніе роста и цвета волосъ зависѣтъ будь отъ того, какіе поговорятъ Актеръ, представляющій Эварда.

Аннета (въ сторону).

О Боже! все погибло!

Бальи (Эварду, который будто просыпается).

Здѣлай мѣръ одолженіе, приветль на минуту. Сними шляпу.

Аннета.

Боже! я не могу болѣе держаться на ногахъ!

Бальи (про себя разматривая Эварда).

Двадцати четырехъ лѣтъ, двухъ аршинъ двѣнадцати вершковъ — волосы блокурые! (Смѣясь) Вотъ это забавно! Мѣтцъ въ ворону, а попалъ въ корову! ха, ха, ха, ха! Оставь насть, другъ мой!

Аннета (въ сторону).

Я оживаю! — (Подходя къ Эварду). Ну, доброй путь, доброй путь, старичикъ...

Россіини довольно близко следовалъ тексту Кепнѣ. Вотъ соответствующее мѣсто изъ оперы:¹

Atto I, Scena VIII.

(Il Podestà, assiso verso il mezzo della scena, si leva di tacea un portafoglio, ne toglie le forcidi onde tagliare il sigillo del pêgo; poi cerca gli occhiali, e non trovandoli, s'impazientisca di non poter riuscire leggere. Intanto succede in disparte fra la Ninetta e suo padre il seguente dialogo, che viene a suo tempo interrotto dal Podestà).

Podestà (legge) «Ma affreta di mandarvi la descrizione della persona de un de nici soldati Condannato a morte ma che ha pigliato la fuga. Egli si chiama». Ninetta!

Ninetta (Giusto cielo!).

Podestà (a Fernando che vuol uscire). Galantuomo, restate!

Ninetta. (Io gelo!).

Podestà (a parte alla Ninetta). Son questi almena suppondo i contrassegni d'un disertor. — Fernando par che dica su via.

Ninetta. «Fer... Fer... Fernando... (Suggeretemi, o Dei, qualche pietoso inganno!).

¹ «Сорока-ворона» Россини на Петербургской сценѣ шла въ отсутствіе Пушкина: она была поставлена 26 января 1821 г. и шла весь годъ (см. Араповъ, op. cit., стр. 303 и 309).

Podestà. (Oh come il duolo la rende ancor più bella!).

Ninetta. (Oh Dio! se leggo ancora, tutto è perduto. — Èta quarant ott'anni; statura: cinque piedi —).

Podestà. E ben, che avete? Non sapete più leggere?

Fernando (Infelice!).

Ninetta. È una mano diabolica!

Podestà. Ah se avessi gli occhiali! (In atto di togliere il foglio, et cercando nelle sue tasche).

Ninetta. Permettete. — (Ritenendo il foglio) (Il ciel m'inspira). «Èta: venti-cinq'anni, statura: cinque piedi, undici pollici».

Podestà. Peccato! — Andato avanti.

Ninetta. «Capei biondi, occhi neri, ampia fronte, freschetto il viso, barba nera!»

Podestà. Cospettò egli debb'essere un Narciso. Freschetto il viso! — E poi?

Ninetta. «Divisa gialla, con corticelle rosse e stivaletti bianchi. S'egli si troverte nel vostro cantone, procurate, che sia subito arrestato».

Podestà. Sarà mi cura (Faccendo si rendere un foglio dalla Ninetta e ripor-tando lo in tasca). Vediam se mai per caso. — Olà, buon uomo!

Ninetta. (Ohimè!).

Fernando. Signore!

Podestà. Alzatevi — Cavatevi il cappello.

Ninetta. (Io muo!).

Podestà (ridendo). Ah ahà! venticinq'anni; e vero? — (A Ninetta). Capei biondi, occhi neri, ampia fronte, freschetto il viso. No, no, si vago Adon qui non ravriss.

Ninetta. (Respiro!).

Podestà (prendendo per mano la Ninetta). Mia cara!

Fernando (alla Ninetta in atto di voler dirle qualche cosa). Signore.

Podestà (a Fernando con severità). Partite.

Ninetta (a Fernando con tenerezza). Buon uomo!

Podestà. Capite? Uscite di qua...

Нетрудно въ этой сценѣ усмотрѣть сценическій прототипъ сцены «Бориса Годунова» — «Корчма на Литовской границѣ». Надо думать, что непосредственнымъ источникомъ заимствованія является именно опера Россини, а не мелодрама Кенье: въ Михайловскомъ были свѣжѣе Одесскія впечатлѣнія, особенно отъ произведеній Россини. Воспоминанія о Петербургской театральной жизни къ этому времени уже стирались, да и вообще къ мелодрамѣ Пушкинъ относился отрицательно.¹

¹ Ср. замѣтку 1881 г.: «Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движения страсти. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико,

Характеръ этого эпизода сцены въ корчмѣ указываетъ на слѣды заимствованія. Имитируемый привычный пріемъ всегда ослабляется въ своемъ эффектѣ, — отсюда съ одной стороны нѣкоторая беззаботность по отношенію къ мотивировкѣ, съ другой стороны — необходимость усилить его. Въ самомъ дѣлѣ: чтеніе заинтересованнымъ лицомъ примѣть разыскиваемаго прочно замотивировано въ «Сорокѣ-воровкѣ»: судѣ только что принесли важный документъ, содержанія котораго онъ не знаетъ (у Россини это мѣсто нѣсколько уже ослаблено: Подеста входитъ съ письмомъ); онъ тщетно пытается прочесть его безъ очковъ и въ концѣ кощовъ принужденъ обратиться къ Аннетѣ, которой онъ вполнѣ довѣряетъ. Не то у Пушкина: документъ находится у неграмотныхъ приставовъ, посланныхъ на поимку Отреѣвьева. Документъ этотъ приставамъ читали, но содержаніе его они забыли. Получается совершенно невѣроятное положеніе: пристава должны арестовать человѣка, съ исчезнувшими имъ примѣтами. Для опознанія арестуемаго они должны разыскать грамотнаго, который здѣсь же, въ присутствіи арестуемаго долженъ читать вслухъ примѣты и т. д. Подобная беззаботность Пушкина къ мотивировкѣ объясняется только заимствованіемъ механизированного въ воспріятіи сценическаго положенія, нелѣпости котораго не замѣчаются въ силу привычности. Замѣчу, что эпизодъ этотъ не подоказанъ Пушкину историческимъ материаломъ и слѣдовательно совершенно не обусловленъ фабулярнымъ развитіемъ драмы.

Сличеніе этого эпизода у Пушкина и у Кенье-Россини показываетъ, что сила положенія весьма уменьшилась. Въ первоначальной формѣ этотъ эпизодъ былъ сценической кульминацией акта. Его задерживающее влияніе (отсроченное узаніе отца Аннеты) длилось двѣ картины. У Пушкина его эффектъ немедленно парализуется обратнымъ чтеніемъ примѣть, задержаніе

скрежещущихъ зубами и проч. Все это симѣнио, какъ мелодрама». Правда здѣсь Пушкинъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду истерическую, постановочную мелодраму.

дѣйствія доводится до минимума. Положеніе это является лишь трамплиномъ для болѣе яркаго сценическаго эффекта, узанія Отрепьева, его бѣгства и т. п. Это — подвернувшееся Пушкину сценическое средство задержать интерес зрителя на эпизодѣ съ приставами. Такое заимствованіе опернаго (или мелодраматическаго) положенія при созданіи «Бориса Годунова», несмотря на всю его частность, весьма симптоматично. Опера и мелодрама (вообще — постановочные пьесы) были той театральной стихіей, откуда реформаторы театра все время черпали матеріаль въ своемъ наступленіи на классической трагедію.¹ Откровенной мелодрамой боролся позже В. Гюго со своими противниками классического лагеря. Не избѣжалъ вліянія той же тетральной стихіи и Пушкинъ, создавая «Бориса Годунова», которымъ онъ собирался революционизировать русскую трагическую сцену: «успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы», — писалъ онъ.

2.

Въ книжѣ «Поэтическое хозяйство Пушкина» В. Ф. Ходасевичъ прослѣживаетъ употребленіе Пушкинымъ словъ «возлюбленная тѣнь». Считал (можетъ быть и не правильно), что стихъ

Явись, возлюбленная тѣнь («Заклинаніе» 1830 г.)

относится къ Ризничъ, онъ отмѣчаетъ какъ бы противорѣчіе этого образа съ изображеніемъ Ризничъ въ «Путешествіи Онѣгина»:

Ложа, гдѣ, красой блестя,

Негоцантка молодая и т. д. (см. «Поэтическое хозяйство», стр. 57).

Указывая, что эти слова — «тѣнь возлюбленная» — встрѣчаются и въ письмѣ къ Плетнєву (2 апр. 1831 г.) В. Ф. Ходасевичъ

¹ Вообще для всѣхъ видовъ драматического искусства этой эпохи характеренъ взаимный обмѣнъ сюжетовъ положеній. Одновременно любопытна литературный обмѣнъ драмы и романа. Большинство драмъ этого времени — инсценированные романы. Особенно часто подвергался инсценировкѣ Вальтеръ Скоттъ.

высказываетъ предположеніе, что источникомъ этого образа является письмо Дельвига Пушкину (июль 1826 года), въ которомъ сообщается, что Батюшковъ (уже больной) на окошкахъ своего помѣщенія надписалъ «Ombra adorata».¹

Связь эта весьма вѣроятна, но В. Ходасевичъ упустилъ, что «Ombra adorata» есть литературная цитата, известная Пушкину, конечно, не изъ письма Дельвига.

Какъ известно, «Ромео и Джульетта» давно уже служила однимъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ для оперныхъ либретто. Одно изъ популярныхъ въ свое время оперъ на эту тему была опера Zingarelli «Giulietta e Romeo» (1796 г.). Опера эта не ставилась въ Петербургѣ, — но одинъ изъ номеровъ ея, ария Ромео изъ третьаго (заключительнаго) акта была популярнейшимъ романсомъ до середины XIX вѣка (см., напр., R. Larousse, Grand Dictionnaire Universel, T. III, p. p. 342 и 530, слова «I Capuletti ed i Montecchi» и «Castrat»; т. V, p. 496, слово «Crescentini» и т. XIII, p. 1357, слово «Romeo et Juliette»; эта ария здѣсь называется «l'air cѣlѣbre», «l'air fameux» и сообщается обѣ исполненіи ся кастратомъ Crescentini передъ Наполеономъ въ Тюильри въ 1812 году). Вотъ текстъ этой арии:

¹ М. О. Гершензонъ въ своей статьѣ «Тѣнь Пушкина» даетъ углубленно-философскій анализъ этой темы у Пушкина. Здѣсь мы находимъ систематическій полборь читать, где фигурируетъ слово «тѣнь» у Пушкина. Характерно ритмически аналогичные употребленія этого слова:

Явись, возлюбленная тѣнь...

Почѣй, мучительная тѣнь...

Летить тоскующая тѣнь...

Его развѣянную тѣнь...

Его ревнующую тѣнь...

Ср. пародическое:

И вдругъ растрепанную тѣнь

Я вижу прямо предъ собою

(М. О. Гершензонъ, Статьи о Пушкинѣ, стр. 76, 77, 82, 85, 86, 87, 88, 89).

Ср. ритмические варианты:

И завистливая тѣнь...

Къ нему слетѣть моя завистливая тѣнь...

Ombra adorata, aspetta:
Teco saro indiviso,
Nel fortunato Eliso
Altro contenti il cor.
Là tra i fedeli amanti
Ci appresta amor diletti
Gedremo i dolci instanti
De'più innocenti affetti
E l'oco a noi d'intorno
Risponerà d'amor.

Этот наборъ нѣжныхъ словъ, которыя Ромео поетъ передъ пробужденiemъ Джульетты и за которыми слѣдуетъ не менѣе нѣжный дуэтъ, въ буквальномъ переводеѣ значить:

Дождясь, возлюбленная тѣнь,
Я воссоединюсь съ тобой,
Въ счастливомъ Элизіи
Сердце обрѣгаетъ удовлетвореніе.
Тамъ среди вѣриыхъ любовниковъ
Цамъ готовитъ любось паслажденія.
Возрадуемся въ тихія мгновенія
Чистѣшаго счастія,
И эхо наше отовсюду
Зазвучитъ любовью.

Какъ я сказалъ, опера эта не ставилась въ Петербургѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ Центральной Музикальной библиотекѣ академическихъ театровъ сохранилась лишь рукописная (изготовленная въ Венеції) партитура, безъ клавира и партій, обязательно изготавливавшихся при постановкахъ (вотъ заголовокъ партитуры: «Giulietta e Romeo. Tragedia per musica del celebre Macstro Sig-r Nicola Zingarelli», инвентарный № 505). Однако, отдѣльные партіи ея исполнялись въ дивертисментахъ. Объ этомъ говорятъ расписка, сохранившаяся въ партитурѣ: «Арія temporъ възята г-на Кавосомъ и дуеть партитурой 1815 года декабря 13-го».

Очевидно стихъ «Явись, возлюбленная тѣнь» является отдаленной реминисценціей музыкальныхъ впечатлѣний Пушкина отъ арии итальянской оперы.

Б. Томашевскій.

Эпизодъ изъ исторіи Пушкинскаго печатнаго текста.

Многолѣтняя «тяжба политическаго механизма съ искусствомъ», въ самой неизбѣжности которой находилъ оправданіе своей тягостной роли одинъ изъ послѣднихъ цenzоровъ Пушкина— А. В. Никитенко, продолжалась, какъ известно, и послѣ трагической кончины поэта. Посмертные тексты Пушкина очень долго раздѣляли судьбу прижизненныхъ публикацій его твореній, и не только отдѣльные томы новыхъ «полныхъ собраний», но сдава ли не каждая дотолѣ неизвестная страница, вновь открытая строфа или черновое письмо, немедленно привлекали къ себѣ вниманіе центральныхъ или мѣстныхъ органовъ Главнаго Управлениія по дѣламъ печати.

Какъ свидѣтельствуютъ материалы Пушкинского Дома и С.-Пб. Цензурнаго Комитета, не обошлось безъ серьезнѣйшихъ осложненій и появленіе въ книжкахъ «Русской Старины» за 1884 г. известнаго труда В. Е. Якушкина: «Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ Музѣѣ въ Москвѣ». Нѣкоторые неожиданные дефекты и пробѣлы этого тщательнаго описанія важнѣшаго изъ Пушкинскихъ рукописныхъ фондовъ получаются нынѣ объясненіе въ обстоятельствахъ, нисколько не зависѣвшихъ ни отъ автора, ни отъ издателя.

25 апрѣля 1884 г. въ С.-Пб. Цензурный Комитетъ представлена была майская книжка «Русской Старины»—известнаго историческаго изданія, выходившаго безъ предварительной цензуры. Разрѣшенія на выпускъ книги изъ типографіи, однако,

не послѣдовало, такъ какъ на стр. 343-й обнаружено было начало извѣстнаго мадrigала Пушкина «Къ ***» [Ты Егоматерь, несть сомнія], необычайно осторожно, съ опущенiemъ всѣхъ предосудительныхъ съ цenzурной точки зренія текстовыхъ деталей,¹ отмѣченное В. Е. Якушкинымъ въ описаціи тетради № 2367, л. 262:

и т. д., какъ напечатано II. 401. Послѣдній стихъ: Ты
б.....въ моя²

Редакторъ-издатель «Русской Старины» М. И. Семевскій, освѣдомленный о причинахъ задержки журнала, немедленно обратился къ предсѣдателю С.-Пб. Цензурнаго Комитета А. Г. Петрову со слѣдующимъ предложениемъ:³

Милостивый Государь Александръ Григорьевичъ

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о возвращеніи въ типографію Балашова *майской* книги «Русск. Стар.», изд. 1884 г., для исправленія въ оной стр. 343-й согласно требованію Пензурнаго Комитета.

26 amp. 1884 r.

М. Семевський

¹ Число точек точно соответствовало числу опущенныхъ буквъ пт. слова: *Богоматери, духъ сиятъ, Христа, боярдина.*

² Пьеса эта отчеркнута синим карандашом. В Якобинцах

³ Архив цензуры и печати (б. I отд. IV секции Гос. Арх. Фонда). Дело С.-Пб. Цензурного Комитета по издаваемому г. Семенским журналу «Русская Старина», 1869 г., № 65, л. 261.

Ходатайство это было уважено, и предсѣдатель Цензурнаго Комитета, въ тот же день увѣдомивъ Старшаго Инспектора типографій въ С.-Петербургѣ о предстоящей «перепечаткѣ из-дателемъ стр. 343, для излюченія примѣчанія 26 2, за-ключающаго неудобное стихотвореніе Пушкина», предлагалъ ему только «распорядиться обѣ отобрани отъ типографіи Балашова всѣхъ экземпляровъ исключаемой страницы (книга отпечатана въ 6,620 экз.) и доставленіи таковыхъ въ Комитетъ». ¹ О мѣрахъ, принятыхъ для устраниенія изъ журнального текста Пушкинского мадrigала, А. Г. Петровъ счѣлъ необходимымъ сейчасъ же довести до свѣдѣнія Начальника Главнаго Управления по дѣламъ печати Е. М. Фокистова. Послѣдній сперва, очевидно, одобрилъ сдѣланныя распоряженія, но на слѣдующій день въ ихъ необходимости усомнился и послѣдовательно отправилъ А. Г. Петрову полу-офиціальное о томъ увѣдомленіе: ²

«По зре́бломъ разсуждений я считаю бесполезнымъ настанивать на томъ, чтобы изъ «Русск. Стар.» выброшено было стихотвореніе, о которомъ мы вчера говорили. Если уже вы послали извѣщеніе Семевскому, то можно уведомить его, чтобы онъ не тревожился.

Проданный Вамъ Е. Феоктистовъ».

27 априля 1884.

Предложение Е. М. Феоктистова нѣсколько запоздало: стр. 343-я была уже вырѣзана изъ 5-ой книжки журнала и перепечатана — три ряда точекъ замѣнили въ описаніи Пушкинской рукописи текстъ мадrigала, его заголовокъ и поясненія В. Е. Жуковскага,³ а 6620 экземпляровъ запрещеннаго оригинала

¹ L. cit., n. 262.

² T., cit., l. 264.

^{*)} По рукописи Московского Гумяницкаго Музея текстъ мадrigала «Кѣ...» впервые былъ воспроизведенъ, бывшъ какихъ бы то ни было замѣтъ и выпусковъ линъ въ «Матеріалахъ для академического издания сочинений А. С. Пушкина. Со-

были препровождены 28 апрѣля въ С.-Пб. Цензурный Комитетъ для уничтоженія.¹

Шестую книжку журнала ожидала участіе пятой: 25 мая цензоръ Юферовъ въ очередномъ своемъ докладѣ Предсѣдателю Комитета отмѣтилъ слѣдующія предосудительныя мѣста описания Пушкинскихъ рукописей въ юньскомъ номерѣ «Русской Старинѣ» за 1884 г.:

«На стр. 538—539 помѣщено шуточное стихотвореніе, описывающее публичный домъ и время препровожденіе въ немъ публичныхъ женшинъ. Опущеніе редакціею нѣкоторыхъ похабныхъ словъ и цѣльыхъ стиховъ ни мало не умаляетъ неблагопристойности и циничности этого стихотворенія. Къ славѣ поэта оно ничего не прибавитъ и никакого литературнаго значенія имѣть не можетъ, кромѣ того, что великий поэтъ заражался иногда барковщиною.

«На стр. 558—559: шуточное письмо къ Вигелью на половину въ стихахъ, на половину въ прозѣ. Авторъ статьи указываетъ, что это письмо уже появилось въ печати, но въ затмненіи г. Бартеневымъ смыслъ, и потому счастливъ нужнымъ воспроизвести это посланіе въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ рукописи. Въ немъ поэтъ со сподвижничествомъ относится къ со-домскому грѣху и, обращаясь къ Вигелью, говоритъ, что онъ служить ему стихами, прозою, душою радъ,— но заключаетъ

«Вигель, пощи мои задъ».

братья И. Н. Майковъ», С.-Пб. 1902, стр. 264—265, но полностью въ собраніи сочинений Пушкина до послѣднихъ лѣтъ включеннымъ быть не могъ. Ср. «А. С. Пушкинъ. Полное собрание сочинений со сводомъ вариантовъ». Подъ ред. Валерія Брюсова, т. I, М. 1920, стр. 270. Искрѣзывающія свѣдѣнія о появленіи съ 1859 г. въ зарубежной и русской печати дефектныхъ текстовъ маргинала даютъ Н. О. Лернеръ—Библ. вел. писат. подъ ред. С. А. Венгерова. *Пушкинъ*, т. IV, 1910, стр. XXXVI—XXXVII.

¹ Ор. сіт., ж. 271. Лишь нѣсколько экземпляровъ вырѣзанной страницы сохранилось въ архивномъ дѣлѣ о «Русской Старинѣ».

«Слѣдующая затѣмъ проза въ томъ же Вигелевскомъ вкусѣ, и не смотря на многоточія, затемняющія опущенные слова, читателю ясно, что дѣло идетъ о педерастії.

«Съ своей стороны я считаю всѣ указаныя мною мѣста — неудобными и вредными въ безцензурномъ изданіи и полагаю, что представить г. Начальнику Главнаго Управления о задержаніи книги «Русск. Стар.» за юнь».¹

Сомнѣнія и предположенія Юферова были признаны основательными, докладъ въ Главное Управление тогда же изготовленъ, но по распоряженію А. Г. Петрова движенія не получилось, ибо, какъ свидѣтельствуетъ позднейшая отмѣтка въ дѣлѣ, — «Редактору предложено было изключить неудобныя мѣста въ статьѣ о Пушкинѣ, что имъ и исполнено».² Вырѣзана изъ книги и доставлена 31 мая для уничтоженія въ Комитетъ была стр. 559—560, причемъ текстъ ся (описаніе л. 23—24, въ тетр. № 2369) былъ перепечатанъ съ требуемыми пробѣлами: четыре съ половиной ряда точекъ замѣнили два послѣдніхъ стиха посланія и пять съ половиной строкъ письма.³ Что же касается страницъ 538—539, то они остались, съ согласія, очевидно, Предсѣдателя Цензурнаго Комитета — безъ перемѣнъ, ибо 32 особенно предосудительныхъ строки Пушкинскаго текста были самимъ редакторомъ журнала исключены изъ описанія тетради 2368, л. 27 1—2 («Сводя грустно за столомъ»)⁴ еще въ рукописи,

¹ Архивъ цензуры и печати, I. сіт., л. 272—273.

² Л. сіт., ж. 275.

³ Полная транскрипція чернового письма къ Ф. Ф. Вигелью (октябрь 1828 г., Одесса) — пѣсколько несходя съ Якушкинскій, во, видимо, болѣе исправнай — дана въ «Сочиненіяхъ Пушкина», изд. Академіи Наукъ. *Переписка*, т. I, С.-Пб. 1906, стр. 81—82. Ср. *Бумаги А. С. Пушкина*, вип. I, М. 1881, стр. 136 и «Русск. Арх.» 1881, I, стр. 224. Въ своихъ примѣчавіяхъ къ тексту стиховъ посланія Вигелью И. О. Морозовъ, не зная цензурныхъ ихъ злоключеній, открыты, что «они были напечатаны, по музейной рукою, но не совсѣмъ точно, В. Е. Якушкинъ въ «Русск. Стар.» 1884 г., т. 42, стр. 558—559 (Сочиненія Пушкина, изд. Акад. Наукъ, т. III, С.-Пб. 1912, стр. 337).

⁴ Ср. «Примѣчанія Редактора» — «Русск. Стар.» 1884, VI, стр. 538—539. Полностью набросокъ «Сводя грустно за столомъ» до сихъ поръ не воспроизведенъ.

а новые изъятия изъ оставшейся части произведений признаны были ввиду трудностей перепечатки излишними.

1918.

Ю. Оксманг.

Замѣтки на поляхъ.

1.

Изысканный образъ «Руслана»: «ревнивья одежды» принадлежать поэмѣ Парни «La journée champêtre»: «je vois tomber les jaloux vêtemens».

2.

«Ихъ вдохновенные движения
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ —
Восторгъ и дерзость наслажденья.»

Эти стихи изъ пьесы 1817 г. «Торжество Вакха» являются переводомъ—переложениемъ четырехъ, изображающихъ вакхический танецъ, строкъ изъ IX эпизода «Les déguisements de Vénus» Парни:

«La danse qui peint avec grâce
L'embarras naissant du désir
Et celle ensuite qui retrace
Tous les mouvements du plaisir».¹

изведеніе. Ср. Соч. Пушкина, под. Акад. Наукъ, т. IV, Пет. 1916, стр. 274—276, и А. С. Пушкинъ, Поли. собр. соч. подъ ред. В. Я. Брюсова, М., 1920, т. I, стр. 290—291.

¹ См. «Пушкинистъ», вып. II, стр. 230. Этотъ эпизодъ изъ Парни переведенъ Батюшковымъ. Переводъ Батюшкова вызвалъ замѣчаніе Пушкина: «Подражаніе Парни, но лучше подлинника, живѣе» (Л. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 304).

Изслѣдователь вліянія французскихъ поэтовъ на Пушкина отмѣтить, конечно, какъ измѣнилъ поэтъ картину Парни своимъ образомъ, дерзновеннымъ и тонкимъ, — «милага смятенія». Сходный образъ и въ «Гавріліадѣ»: Гавріль «касается играво до милыхъ тайнъ».

3.

Въ числѣ усадь Ольгина въ деревне бывъ:

«Порой блѣанки черноокой
Младой и свѣжей поцѣлуй» (Гл. 4, стр. xxxix).

А. Шенѣе прельщался тѣмъ-же, и ему нравился

«Le baiser jeune et frais
D'une blanche aux yeux niais» (Au chevalier de Pange,
éд. 1840, p. 178).

4.

Извѣстно, какъ много Пушкинъ подражалъ въ «Гавріліадѣ» «La guerre des Dieux» Парни. Укажу еще нѣкоторыя небезмѣ-
бопытныя сравненія.

Эпитетъ «румянецъ не стыдливый» взятъ изъ первой пѣсни.¹
Подражаніе описанію мистеріи, представляемой въ раю, — раз-
сказъ Сатаны обѣ Адамѣ и Евѣ (см. II пѣснь Парни).² Лири-

1 Des voluptés la dangereuse image
Trouble ses sens; une vive rougeur
Qui n'était pas celle de la pudeur
A par degrés coloré son visage.
(Марія въ комнатѣ Венеры разсматриваетъ эротическія картины).

2 On commença par le commencement,
Et sur la scène on mit le premier homme,
La première Ève, et la première pomme.
Du frais Èden ces heureux possesseurs,
L'un jeune et beau; l'autre jeune et jolie,

ческое отступление «О милый другъ, кому я посвятиль» и т. д. — утонченное и облагороженное подражаніе стихамъ IX пѣсни: «N'écartez point, jeune et modeste Hortense», etc.¹ — Срвн. еще конецъ «Гавріліады»: «Аминь, аминь, чѣмъ концу я разскажъ» сть первыми стихами «Le Paradis perdu»:

Je suis devot et le serai toujours,
Brûlez ces vers où mon jeune délire

Les bras pendans allaient en compagnie.
D'un pas distrait ils marchaient sur les fleurs,
Cueillaient des fruits, avaient l'onde claire,
Pour tout plaisir dénichaient les oiseaux,
Jetaient du sable ou crachaient sur les eaux,
Baillaient ensuite, et ne savalent que faire.
Ils se couchaient ensemble, et dormaient bien;
Ils étaient nus, et ne pensaient à rien.
Le diable arriva; il parlait comme un ange:
Ève l'écoute, et la pomme elle mange.
Sans ce malheur qui fut heureux pourtant,
Le genre humain restait dans le néant.
Que dis-je? heureux, le fruit croqué! par elle,
Et qui servit à son instruction,
Nous vaut à nous une indigestion,
Forte, terrible, et de plus éternelle.

Этому же сюжету Парни посвятилъ юную поэму — «Le Paradis perdu»

1 N'écartez point, jeune et modeste Hortense,
Le voile épais dont le poids vous offense;
Il est utile. Où va donc votre main?..

Даѣте Парни входить въ подробное описание, цитировать которое здесь неумѣстно. Ту же тему онъ разрабатывается въ стихотвореніи 1787 г. «Сонъ Юпіїлъ на Сіїтерѣ», которому подражалъ Пушкинъ въ «Платонизмѣ» (что отмѣчено П. О. Морозовымъ и др. комментаторами):

Au plaisir Nœris a recours,
Ce dieu, pour voler auprès d'elle,
A pris une forme nouvelle...
Mais la rose sur son visage
Par degrés a fait place au lis;
Adieu le brillant coloris,
Le premier charme du jeune âge...

A soupiré de profanes amours.
Je dois, hélas! expier les beaux jours.
Aux chants chrétiens j'ai donc voué ma lyre.

г. Новгородъ
1916 г. Ноябрь.

Замѣтка.

По поводу письма Пушкина къ князю Вяземскому отъ 28-го марта 1820 г.

Опубликовывая въ «Сборникѣ Пушкинского Дома на 1923 годъ» (стр. 9—12) отрывокъ изъ письма Пушкина къ князю П. А. Вяземскому съ неизвѣстными французскими стихами, мы задавались вопросомъ: кому принадлежать эти стихи? Исходя изъ тѣхъ соображеній, что въ дѣтскіе и юные, лицейскіе годы Пушкинъ писалъ стихи на французскомъ языкѣ (изъ нихъ до насъ дошли: эпиграмма «Dis-moi pourquoи l'Escamoteur...», поэма «La Tolyade» (начало), «Stances» (1814), «Mon portrait» (1814), «Княжна Волконской» (1816), «Couplets» (1817) и лишь приписываемое Пушкину стихотвореніе «A son amant Eglé sans rѣsistance...», относимое къ 1821 г.), мы отмѣчали, что болѣе позднихъ письмъ Пушкина на французскомъ языкѣ не известно; однако, намъ казалось, что въ 1820 году онъ какъ будто еще могъ бы позволить себѣ въ шутку пародировать стиль французскихъ поэтовъ XVIII вѣка и набросать письму совершенно въ духѣ Вольтера, Пирона, Грессе и ихъ современниковъ. «Если бы приведенное въ письмѣ девяностоишіе было сочинено не самимъ Пушкинымъ», писали мы: — «какой смыслъ имѣло бы сообщать его Вяземскому? Послѣдний былъ начитанъ и зналъ французскихъ поэтовъ не хуже Пушкина, если не лучше его, и по свойству своего ума и литературнаго дарованія быть особенно склоненъ къ поэзіи сатирической, любя письмы

и самъ изощрялся въ нихъ: Пушкинъ могъ захотѣть похвалиться передъ своимъ другомъ удачною пьескою съ остроумнымъ каламбуромъ въ заключеніи. Какъ бы то ни было, пока не будетъ найденъ источникъ приведенного девяностишія, — его, съ большей или меньшей вероятностью, можно приписывать Пушкину. Нужды нѣтъ, что мы не можемъ подвести реальную русскую основу подъ содержаніе сатирическаго вышада, указать, кого именно эпиграмма имѣеть въ виду подъ пѣвцами Сѣвера и Юга, и что для наименованія грубыхъ, необразованныхъ и мало развитыхъ въ литературномъ отношеніи читателей употреблено имя дикихъ Бизиготовъ, — пріемъ, употреблявшися Вольтеромъ: Пушкинъ могъ нарочно «передразнить» одного изъ своихъ литературныхъ учителей-французовъ и заимствовать у него всѣ пріемы со свойственнымъ ему искусствомъ».

Вся эта аргументація наша была бы убѣдительна, если бы совершенно исключительный случай не далъ намъ повода разбить ее самымъ дѣйствительнымъ образомъ: теперь источникъ приведенного въ письмѣ Пушкина девяностишія найденъ и съ очевидностью доказывается, что авторомъ стиховъ былъ *не Пушкинъ*.

Въ Рукописное Отдѣленіе Пушкинского Дома поступили въ 1923 году альбомъ обычнаго для первой четверти XIX вѣка вида, — въ кожаномъ темнозеленомъ переплѣтѣ съ красными уголками и тисненіемъ, — повидимому, русской работы, — заполненный стихами, — русскими и французскими, притомъ писанными, очевидно, ихъ авторомъ, такъ какъ многія пѣсы посягъ на себѣ слѣды авторскихъ поправокъ и даже передѣлокъ. Сборникъ озаглавленъ такъ: «Стихотворенія. К. Голицына. А. Пушкина. А. Жандра. П. Катенина. И. Крылова. А. Чепегова». Судя по записямъ альбома и по датамъ подъ ними, онъ сдѣланы въ концѣ 1810-хъ, въ 1820-хъ и въ 1830-хъ годахъ, писаны все однорукою, мѣняющимся почеркомъ, за исключеніемъ стр. 73—100, занятыхъ спискомъ 1-го «Философического Письма къ Г.-жѣ ***», — Чаадаева; стр. 107—109, на кото-

рыхъ находится стихотвореніе Лермонтова на смерть Пушкина («Погибъ поэтъ, невольникъ чести»...), да стр. 64—65, на концѣ написано стихотвореніе «Князю Н. С. Голицыну», записанное рукою автора — Ивана [Ильича] Смирнова.¹

Указанный альбомъ открывается стихотвореніями: 1) «Вакхъ. Кантата Ж.-Б. Руссо» (стр. 3—9) и 2) «Торжество любви. Кантата Ж.-Б. Руссо» (стр. 10—14), подъ которыми находимъ помѣты: подъ первымъ — «К. Голицынъ. — 1818. Напечат. въ Сынѣ Отеч. №. Подл. 103—105 стих.», а подъ вторымъ — «1819. К. Голицынъ. 53. Напечатано въ Сынѣ Отечес. №. — Затѣмъ идутъ: 3) стих. «Сонъ», съ помѣтою «съ фран. — К. Г[олицынъ] 1813» (стр. 16), 4) стихотвореніе П. А. Катенина «Пѣвецъ» (стр. 16, 18, 20) и, en regard, — французскій переводъ его (стр. 17, 19, 21), съ помѣтою въ концѣ: «P. G. 1819. — Imprimé dans le Mercure du 19 Siècle, 77 livraison, 25 Sept. 1824, — pag. 516; 5) двѣ эпиграммы, переведенные изъ Сенесе, съ авторскими передѣлками («Anthologie fran aise, pages 313 et 320»), съ помѣтами: «Сенесе. Г[олицынъ]. 1819. Напечатано въ Сынѣ Отеч. 1820 №» и «Сенесе. Г[олицынъ]. 1819. Напечатано въ Сынѣ Отеч. 1820 №» (стр. 20—21), 6) «Отрывокъ изъ Грессетовой Chartreuse», съ помѣтою въ концѣ: «К. Гол[ицынъ]» и «1811 поправ. 1819» (стр. 22—25). Наконецъ, на стр. 26, 27 и 28 находимъ: 7) интересующее настѣ французское стихотвореніе, написанное въ четырехъ, постепенно исправлявшихся и передѣливавшихся авторомъ редакціяхъ; приводимъ эти четыре редакціи, отмѣчая постепенные авторскія передѣлки:

Стр. 26:

EPIGRAMME.

Du bon public les plus chers favoris
Deux grands Auteurs [montent sur le] sont maîtres du Parnasse;

¹ На стр. 170 находимъ стихи къ нему князя Н. Голицына и отвѣтъ Смирнова.

[Tandis que là l'un et l'autre] Lorsque là haut le beau couple
croasse
Le peuple est fou, ce ne sont quo des cris! —
Mais un quidam, distinguant leurs écrits,
De ces MM. nous assigne la place:
L'un est, dit-il, Poète du Midi
L'autre du Nord! — Touchez-là, — c'est bien dit!
[Car] Tant l'un est sec et [car] tant l'autre [me] est de glace! —
P. N. G.
L'autre du Nord! — Touche là — c'est bien dit!
Tant l'un est sec et tant l'autre me glace! —¹

Стр. 27:   EPIGRAMME.

Deux [bons] grands Auteurs [. . . dès] sur le Parnasse,
Des coeurs aimants sont les chers favoris; —
[Et quand] Lorsque là haut le beau couple croasse
[Public est fou; ce ne sont que des cris! —
Le sens commun
[On devient] envain fait la grimace
De l'art des vers il remporte le prix.

[Все вышеннаписанное зачеркнуто нѣсколькими чертами и
далѣе эпиграмма начата снова:]

Deux grands auteurs, grimpés sur le Parnasse
[Des coeurs aimants sont les chers favoris;]
Sont dans le monde et choyés et cheris
[Lorsque là haut ce beau couple croasse,]
Envain leur muse et detonne et
[Le sens commun envain fait la] grimace
[De l'art des vers il remporte le prix].
Des Visigoths ils sont les favoris. —

¹ Вся піеса, кроме двохъ послѣдніхъ стиховъ, перечеркнута многими
штрихами крестъ-ла-крестъ.

Certain quidam, distinguant leurs écrits,
De ces Messieurs nous assigne la place:
L'un est, dit-il, [Poète] le chantre du Midi. . . .

Стр. 28:   EPIGRAMME.

Deux grands Auteurs, les [doyens] heros du Parnasse
Sont dans le monde et choyés et cheris.
Envain leur Muse et detonne et grimace
Des Visigoths ils sont les favoris. —
Certain quidam, distinguant leurs écrits
De ces Messieurs nous assigne la place:
L'un est, dit-il, le chantre du Midi
L'autre du Nord! — Touche là, . . . c'est bien dit!
Tant l'un est sec, et tant l'autre [me] est de glace.

1820.

Такимъ образомъ, въ послѣдней записи мы находимъ текстъ эпиграммы, можно сказать, — дословно совпадающей съ тѣмъ, который сообщилъ Пушкинъ князю Вяземскому въ своеемъ письмѣ отъ 28-го марта 1820 года, имѣемъ подъ первою черновою редакцію подпись автора: Р. Н. Г., а подъ окончательной — дату піесы — 1820 годъ. Всѣ эти данные уже не оставляютъ никакого сомнѣя, что эпиграмма принадлежитъ перу князя Н. Голицына; если же мы заглянемъ въ «Сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина, съ пріобщеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній князя Николая Голицына», изданныя въ 2 частяхъ въ С.-Петербургѣ въ 1832 г.,¹ то мы увидимъ изъ предисловія П. И. Бахтина (стр. XI), что Катенинъ пожелалъ, чтобы «вмѣстѣ съ его стихотвореніями были напечатаны члены поэтическія произведенія пріятеля его кн. Н. С. Голицына», которыхъ, къ

¹ Эта книга, даже въ двухъ экземплярахъ, была въ библиотекѣ Пушкина (см. наше описание библиотеки, С.-Пб. 1910, стр. 49—50), который, какъ изѣбѣло, написалъ о ней отзывъ въ «Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду» 1833 г. № 26.

сожалѣнію, слишкомъ мало для изданія особою книгою, и что помѣщены они въ концѣ 2-й части изданія. Дѣйствительно, въ этой, 2-й части, на стр. 177—187, напечатаны двѣ піесы: «Вакхъ» и «Торжество любви», — т. е. тѣ двѣ каптаты изъ Ж.-Б. Руссо, которыя помѣщены въ самомъ началѣ описываемаго нами альбома и — съ подиціями князя Голицына, а на стр. 179—180-й части 1-й находамъ французскій переводъ стихотворенія Катенина «Пѣвецъ Усадъ», съ указаніемъ, что онъ принадлежитъ князю Голицыну и напечатанъ во французскомъ журналѣ (въ статьѣ Бахтина о русской поэзіи), издававшемся въ 1824 г. въ Парижѣ подъ названіемъ «Le Mercure du XIX siÃ©cle».

Наконецъ, для окончательного установленія личности автора эпиграммы, укажемъ, что на стр. 65—66-й альбома находится посланіе къ И. Ф. Л[еонтьеву], 1828 года, въ которомъ авторъ приглашаетъ друга къ себѣ въ селенье Климентино: селенье же это, въ Ростовскомъ уѣзда Ярославской губерніи, принадлежало, въ 1818—1832 гг., князю Николаю Сергеевичу Голицыну съ братьями Алексѣемъ и Иваномъ.¹

Итакъ, авторомъ приведенной въ письмѣ Пушкина эпиграммы² былъ князь Николай Сергеевичъ Голицынъ, пріятель П. А. Ка-

¹ И. Н. Ельчаниновъ, Материалы для генеалогіи Ярославского дворянства, вып. IV, Ярославль, 1914 г., стр. 140; ср. вып. IX, Ярославль, 1916, стр. 34.

² На стр. 48-й альбома находится слѣдующая русская передѣлка эпиграммы, принадлежащей, конечно, самому Голицыну:

Е П И Г Р А М А :

Простакены въ голубѣ чтецовъ.
Два барда и два друга:
Поетомъ Норда Мергеновъ,
Сластина. Поетомъ Юра.
Хотите лъ перевѣдь простой
Хвалы сей новомодной?
Одинъ изъ нихъ Поеть сухой,
Другой Поеть холодной. —

[Климентино]. 1828.

Кого изъ поэтовъ-современниковъ авторъ имѣть въ виду подъ именами Мергенова и Сластина, угадать не можемъ.

тенина. Дѣйствительно, изъ переписки Катенина съ его другомъ Н. И. Бахтинымъ, изданной покойнымъ А. А. Чебышевымъ,¹ видно, какою тѣсною дружбою быть связанъ Катенинъ съ Голицынымъ. Они были почти сверстники,² а сблизила ихъ, во всей вѣроятности, любовь къ литературѣ и совмѣстная и одновременная въ теченіе пяти лѣтъ служба въ л.-гв. Преображенскомъ полку: Голицынъ переведенъ быль въ этотъ полкъ прапорщикомъ 17-го января 1810 г. изъ лейбъ-Гренадерскаго полка и прослужилъ въ немъ до 18-го ноября 1816 г., выйдя въ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ»; Катенинъ же быль въ полку съ 1-го февраля 1811 до 14-го сентября 1820 г.³ Послѣ выхода обоихъ друзей въ отставку, они поселились въ своихъ помѣстьяхъ: Голицынъ — въ вышеназванномъ сельцѣ Климентинѣ, Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи, откуда єздилъ въ столицы, а Катенинъ — въ селѣ Шаевѣ, Кологривскаго уѣзда Костромской губерніи, при чемъ оба они часто и подолгу гостили одинъ у другого: это видно изъ писемъ Катенина къ Бахтину, начинаящихся съ 1821 года; въ письмахъ этихъ имя Голицына мелькаетъ постоянно,⁴ и Катенинъ не скучится на лестные эпитеты по адресу своего друга и единомышленника, который вполнѣ сходился съ шкль въ литературныхъ вкусахъ и направлѣніяхъ, въ образованіи на французскій ладъ и въ страстной любви къ словесности и театру: онъ «прелюбезный человѣкъ», «человѣкъ очень хороший»; Катенинъ «ждетъ его и не дождется», называется «преумнѣмъ и прелюбезнымъ», «другомъ», «закадычиваєтъ» «преумнѣмъ и прелюбезнымъ», «другомъ», «закадычиваєтъ»

¹ Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. (Материалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка). Съ вступительной статьёй и примѣчаніями А. А. Чебышева, С.-Пб. 1911.

² Катенинъ родился 11-го декабря 1792 г., а Голицынъ — 17-го августа 1796 года.

³ Исторія л.-гв. Преображенскаго полка 1683—1883, т. IV, С.-Пб. 1883, стр. 68; здесь князь Н. С. Голицынъ ошибочно показанъ Николаемъ Федоровичемъ; ср. «Мѣсяцесловъ» за 1814 г., ч. I.

⁴ См. стр. 20, 24, 34, 46, 47, 49, 51, 52, 68, 69, 85, 88, 93, 97, 119, 125, 130, 131, 132, 135, 139, 141, 152, 155, 168, 169, 174, 181, 182, 183, 184, 186, 189, 191, 194, 195, 203.

нымъ другомъ», «человѣкомъ умнымъ и со вкусомъ», «истинно прекраснымъ»; прѣѣдь его «рѣшительно воскрешаетъ» больного Катенина, который въ одномъ письмѣ своемъ приводить выдержку изъ письма Голицына, какъ авторитетное литературное сужденіе (1828 г.).¹ Неожиданная смерть Голицына — въ Москвѣ, 26-го марта 1833 года² глубоко огорчила Катепина, и онъ помянулъ своего друга въ посвященіи къ изданной въ 1834 г. въ Петербургѣ сказкѣ своей «Князя Милуша»:³ «Сочиненіе веселое посвящаю тебѣ, любезный другъ», писалъ здѣсь Катенинъ, обращаясь къ князю Павлу Борисовичу Голицыну: «но съ горестнымъ чувствомъ, которое безъ сомнѣнія дѣлишь и ты, зная, что предпринялъ и готовилъ съ любовью трудъ сей въ подарокъ незабвенному нашему князю Николаю Сергеевичу. Часть 1-й пѣсни написана въ его деревнѣ. Я тогда мучился опасной болѣзнью; онъ, по виду здоровый, за мною ухаживалъ; и вдругъ, нечаянно, невѣроятно, я полумертвый ожидалъ, — а не стало его»...⁴

Для окончательного выясненія вкусовъ и вообще литературной физіономіи князя Н. С. Голицына, вернемся къ его альбому и сообщимъ дальнѣйшее его содержаніе, отмѣчая лишь наиболѣе въ немъ интересное.

На стр. 29-й альбома находимъ французскіе стихи Голицына, написанные имъ въ 1810 г. и исправленные въ 1820 г.: «J'ai vu le superbe palais...», а на стр. 30-31-й его же «Романсъ», по темѣ, стилю и размѣру напоминающій Пушкинскій романсы «Жиль на свѣтѣ рыцарь бѣдный» изъ «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ»; вотъ его текстъ:

РОМАНСЪ.

Собирая войною,
Рыцарь на враговъ удалъ,
Предъ иконою сватою
Такъ къ Маріѣ возывалъ:
«Спаса Матерь всеблагая!
Здѣлай, въ жизнь чтобы мою
Я, красавица обожая,
Быть безстрашнѣй вѣхъ въ бою». —
На гранитѣ при отъездѣ
Клятву чести онъ发ъ,
И съ Царемъ своимъ онъ вмѣстѣ
Въ полѣ бранное потекъ,
И гласить въ битвѣ ужасной,
Гдѣ кровавый льется токъ:
«Страсть сердечная прекрасной,
Храбрымъ — лавровый вѣнокъ». —
Врагъ сраженъ его рукою;
Царь тогда ему сказаль:
«Ощелившись, другъ, ты мною,
Чрезъ тебя я славенъ сталь.
Съ дочерью моей младою
Обручися ты вольномъ,
Дочерь славится красою,
Ты же — лавровымъ вѣнцемъ». —
Пастырь, лѣтами почтенный,
Съ юной, иѣжлою чистой
Предъ иконою позлащеною
Обошелъ святой налой, —
И все зрители согласно
Тутъ взывали отъ сердецъ:
«Страсть сердечная прекрасной,
Храбрымъ — лавровый венецъ».

¹ «Прелюбезнѣй» Катенинъ называетъ Голицына и въ одномъ письмѣ 1828 г. къ А. М. Колесовой-Каратыгиной — «Русск. Стар.» 1893 г., № 3, стр. 656; ср. № 4, стр. 211.

² Московскій Некрополь, т. I, стр. 300, — надгробіе въ Донскомъ монастырѣ.

³ Она была въ библіотекѣ Пушкина (см. выше описание, стр. 49).

⁴ А. А. Чебышевъ предполагаетъ, что именно къ князю Н. С. Голицыну обратило письмо Катенина съ курьезнымъ отзывомъ о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, напечатанное въ сборнике «Помощь голодающимъ», 1892 г.

Стихотворение это, несмотря на некоторые недочеты въ формѣ, любопытно по многимъ отношеніямъ, — особенно въ виду стоящей подъ нимъ даты, относящей нась ко временамъ первыхъ опытовъ Катенина, съ которымъ Голицына вообще приходится поставить рядомъ, вологнную.

На стр. 31-й и 36-й находимъ эниграммы на Н. А. Полеваго; первая изъ нихъ — довольно известная:¹

КЪ ПОРТРЕТУ ПОЛЕВАГО.

Журнала нового издатель:
Второй онъ гильдіи купецъ,
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи гупцъ.

A.

вторая, — принадлежащая перу самого князя Н. С. Голицына, еще, кажется, неизвестна:

ЭПИГРАММА.

Обрѣтый сынъ брадатаго отца,
Въ статяхъ своихъ, прескучныхъ и предавленыхъ
Толкуетъ все, безъ мѣры и конца,
О балахъ и гостинныхъ;²
Такъ и Вольтеръ обѣ разъ пѣль
Хотя войти въ него надежды не имѣть.³ —

К. Н. Г. 1825.

На второмъ съ конца листѣ альбома обѣ эпиграммы эти написаны и вторично, при чёмъ подъ первой, озаглавленной «Портретъ Полеваго» и данной въ другой редакціи, подпись — Неизвестный; подъ второю же никакой подписи не приведено.

¹ Ее сообщалъ Н. И. Бахтинъ Катенину въ письмѣ отъ 26-го апреля 1825 года, какъ новинку, «вышедшую въ Москвѣ и присланную ему княземъ Н. С. Голицынымъ (Письма, нарв. изд., стр. 85).

² Ореографія Г. Полеваго. Прим. князя Н. О. Голицына.

³ Далѣе еще двѣ строки, тщательно зачеркнутыя.

На стр. 32-й альбома находимъ французскую эниграмму Голицына, а на стр. 67-й русскую эпиграмму, — направленныя на князя П. А. Вяземскаго: и въ той, и въ другой эниграммѣ говорится о «рельефахъ Омировыхъ пировъ», — т. е. о той ошибкѣ Вяземскаго, падь которой потѣшился Катенинъ, что видно пѣнь письма Вяземскаго къ Пушкину отъ 19—20-го февраля 1820 г. и изъ отвѣта Пушкина Вяземскому отъ второй половины апреля 1820 г.¹ Вотъ эти эниграммы:

ЭПИГРАММЫ.

Certain journal dirigé par deux chefs.²
Vient d'assurer que l'homme aux bas reliefs
Reçut du Ciel le rare privilège
Sans se gêner, sans étude ni frais
De deviner ce qu'il ne put jamais
Tout comme un autre apprendre à son collége.
Or sur cela les plaisants ont beau jeu
Et vont disant: nous y sommes, pardieu!
C'est justement le devin du village
Qui bafoué par tout homme un peu sage
Est admiré des commères du lieu.

1821.

Прсуммый Кнзъ*, Германій извѣстный
Рельефами Омировыхъ пировъ,
Вдругъ занемогъ болѣзнию столь чудесной,
Что стала въ пѣнь велъ стала докторовъ.
Одинъ чудакъ пришелъ съ своей загадкой
И говорить: Вотъ ей мой переводъ:

¹ Переписка Пушкина, Акад. изд., т. I, стр. 12—13 и 14—16; обѣ этихъ срѣлефахъ поминалъ Катенинъ еще въ 1822 г., въ одной статьѣ своей въ «Сынѣ Отечества» (ч. 76, № 13), говоря о Вяземскомъ (см. «Остафьевский Архивъ кнзей Вяземскихъ», т. II, стр. 249, 584).

² Вѣроятно извѣстъ въ виду «Сынѣ Отечества», ч. 1821 г. издававшійся подъ редакціей Н. И. Гречча и А. Ф. Воейкова.

Въ стихахъ своихъ Князь золотенъ какъ лѣдъ,
А въ проѣзѣ онъ рутатель самой жаркой;
Озиобъ и жаръ тутъ видите, — я вотъ
Я заключилъ: Князь болѣнь лихорадкой.

Н. Голицынъ.

Укажемъ еще, что въ альбомѣ находятся, изъ сочиненій Голицына,—переводъ на французскій языкъ оды В. П. Петрова: «Ode sur la victoire des russes sur les Turcs à Tchesme» (стр. 37—44), съ датою 1824 г., и вѣсколько эпиграммъ и мелкихъ стихотвореній. Остальная часть альбома занята копіями произведеній другихъ авторовъ, слѣдившими рукою Голицына; изъ Пушкина выписана только «Черная шаль. Молдавская Песня» (стр. 33—36), изъ Крылова — басни: «Прихожанинъ» (стр. 113—115), «Лисица и Осель» (стр. 115—117) и «Муха и Пчела» (стр. 118—120),¹ переводы А. А. Жандра изъ 3 дѣйствія Расиповой «Гоеоліи» и Хоры оттуда же, «Разсказъ Тераменовъ» (изъ «Федры», — Расина) въ переводѣ А. Чепелюга;² болыше же всего въ альбомѣ записано копій съ произведеній П. А. Катенина, ревностными поклонникомъ котораго былъ Голицынъ: кроме упомянутаго «Пѣвца Услада» съ переводомъ Голицына, находимъ здѣсь слѣдующія его стихотворенія: «Ахиллъ и Омиръ» (1826 г.; вошло въ Соч., ч. I, стр. 70—84), «Миръ Поэта» (1822—1823 г.; вошло въ Соч., ч. I, стр. 46—69), «Сонетъ» (1825 г., изъ Филакай, Соч., ч. II, стр. 116), «Грусть на кораблѣ» (1814 г., Соч., ч. I, стр. 22), «Отрывокъ изъ Королева Ципры. — Дѣйствіе I, явл. 3» (въ Соч. че вошло), «Уголинъ» (1817 г., изъ Данте, Inferno, Canto XXXIII; Соч., ч. II, стр. 109—111), «Господѣ Семеновой послѣ представленія Есопри» (въ Соч. не

вошло), «Сравненіе» (въ Соч. не вошло; см. ниже), «Софокль» (1818 г., Соч., ч. I, стр. 26—36) и «Пѣснь о первомъ сраженіи Русскихъ съ Татарами на рекѣ Калкѣ» (напечатано было подъ такимъ же заглавіемъ въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., ч. 59; подъ заглавіемъ «Мстиславъ Мстиславичъ» вошло въ Соч., ч. I, стр. 37—45). Приводимъ текстъ стихотворенія «Сравненіе», очень типичаго для Катенина:

СРАВНЕНИЕ.

Какъ отрокъ въ лѣтній день на кровлю возбѣжалъ,
И въ обѣ руки вѣты безлаѣственну пріявлъ
Не помяя рождахъ словъ, ни возвращеній строгихъ,
Рѣзаяся, голубей гониетъ мохноногихъ.
Лишь только вѣты онъ длинною взмахнетъ,
Отъ страха стадо все пернатое испорхнетъ
И долго, сизыми трепещуще крылами
Вѣется въ высотѣ широкими кругами.
Когда жъ по малу всѣ отъ страха отдохнутъ,
Спускается медленно вкругъ отрока начнуть;
Онъ снова вѣты на нихъ подыметъ, и пернаты
Вдругъ разлетатся всѣ, вновь робостью обѣяты.
Такъ буйтуръ Всеволодъ едва на вражій строй
Взмахнѣть изъ сильныхъ рукъ желѣзной булавой, —
Враги, вокругъ его тѣшившися съ мечами
Всѣ вдругъ ужаснися раздищутся толпами.

Катенинъ.

Былъ-ли Пушкинъ лично знакомъ съ княземъ Н. С. Голицынымъ, намъ неизвѣстно; но что онъ могъ встрѣчаться съ нимъ въ свой посѣ-лицейскій періодъ жизни въ Петербургѣ, въ 1817—1820 гг., — между прочимъ, и у Катенипа (котораго Пушкинъ, несмотря на несходство вкусовъ, умѣлъ цѣшить), — не подлежитъ сомнѣнію; такимъ образомъ, французскую Голицынскую эпиграмму, сообщенную въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 28-го марта 1820 г., Пушкинъ могъ узнать и отъ

6*

¹ Съ ошибочною подписью Крылова и съ датою 1816 г. выписана еще одна строфа изъ «Пѣвца въ Бѣсѣдѣ Славянороссовъ» Батюшкова (1813 г.) о графѣ Хвостовѣ.

² Си. о немъ тѣль письмахъ Грибоѣдова и въ письмахъ Катенина къ Н. И. Бахтину, С.-Пб. 1911. Въ Соч. Катенина, ч. II, стр. 69—71 — есть переподъ того же рассказа.

самого ея автора; а сообщить ее именно Вяземскому могла побудить поэта хорошо известная ему нелюбовь Голицына (и Катенина) къ князю, — нелюбовь, вызвавшая какъ мы видѣли, двѣ эпиграммы Голицына па своего литературнаго противника, написанныя, быть можетъ, въ отвѣтъ Вяземскому на его «Посланіе къ И. И. Дмитріеву» (относящееся еще къ началу 1819 г.,¹ и ставшее известнымъ въ Петербургѣ уже въ началѣ мая), въ которомъ онъ посвятилъ Катенину нѣсколько довольно рѣзкихъ строкъ.

Б. Модзилевскій.

ПУШКИНЪ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ, XXXI—XXXII.

Семья Ризничъ.

(Новые материалы).

Эпизодъ Одесского увлечения Пушкина Амалией Ризничъ имѣть большую литературу. Отраженіе этого увлеченія въ творчествѣ Пушкина обстоятельно изслѣдовано П. Е. Щеголевымъ,¹ что же касается до фактическаго материала о Ризничахъ, то оно изданъ былъ профессоромъ Ришельевскаго Лицей К. П. Зеленецкимъ на основаніи показаній Одесскихъ старожиловъ, профессоромъ Харьковскаго Университета М. Е. Халанскимъ, по даннымъ, полученнымъ имъ отъ Бѣлградскаго профессора Сречковича, лично знавшаго Ризничъ въ 50-ыхъ годахъ въ Кіевѣ,² и Б. Г. Модзилевскимъ въ Г.т. «Архив Раевскихъ» (С.-Пб. 1908).

Весною 1919 г. въ I Отдѣленіе I Секціи Едино Государственнаго Архива Государственного Фонда (бывшій Архивъ Государственного

¹ П. Е. Щеголевъ — «Амалия Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина». Очеркъ этотъ напечатанъ впервые въ «Вѣстникѣ Европы» 1904, январь, и затѣмъ вошелъ въ сборникъ: «Пушкинъ. Очерки». Изд. Шиповникъ, С.-Пб. 1912. Согласно сдѣланному П. Е. Щеголевымъ подробному и вполнѣ убѣдительному анализу характера отношеній поэта къ Амалии Ризничъ, могутъ быть съ достовѣрностью отнесены къ ней лишь: «Элегія» 1828 г. («Простиши ли мнѣ ревнивыи мечты», Акад. изд., III, 164, прим., 308—313), написанная піи съ смертью «Элегія» 1825 г. («Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», Акад. изд., IV, 44, прим., 78—79) и строфы XV—XVI шестой главы «Онѣгина» (Венг. III, 290).

² К. П. Зеленецкій — «Г-жа Ризничъ и Пушкинъ» — «Одесский Вѣстникъ» 1856; перепечатано въ «Русскомъ Вѣстнике» 1856, № 11, стр. 208—209, а затѣмъ проф. В. А. Яковлевымъ — «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», Одесса. 1887. М. Е. Халанскій — «Пушкинъ и г-жа Ризничъ — Харьковскій Университетскій Сборникъ. Въ память А. С. Пушкина (1799—1899), Харьковъ. 1900.

¹ «Остальевский Архивъ князей Вяземскихъ», т I, стр. 206 и др.; ср. т. II, стр. 249, 259, 260, 261, 280, 281, 534—535.

Совѣта) поступила часть бумагъ графа П. Д. Киселева,¹ среди которыхъ оказалось 41 письмо (всѣ написаны по-французски) Ивана Степановича Ризничъ, дающаго язъ первыхъ, такъ сказать, рукъ вѣкоторыя свѣдѣнія о первой своей женѣ. Эти письма могутъ также служить для характеристики самого Ризничъ — человѣка, въ обществѣ котораго Пушкинъ постоянно бывалъ въ Одессѣ и съ которымъ, по удостовѣренію Зеленецкаго (правда подвергающему Щеголевыши сомнѣнію), онъ даже находился въ перепискѣ.²

Ризничъ, по происхожденію своему сербъ изъ Дубровника (Рагузы), родился 13-го октября 1792 г. въ Триестѣ, гдѣ отецъ его, Стефанъ Ризничъ, занимался торговыми дѣлами и гдѣ у сына

¹ Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ, р. 7 (8). Л. 1788 въ Москвѣ, сынъ Главво-приисутствующаго въ Оружейной Шалатѣ д. ст. соп. Дмитрия Ивановича Киселева, женатаго на княжнѣ Прасковѣ Петровнѣ Урусовой; начавъ службу коллежскому юнкеромъ (25. I. 1803), онъ былъ произведенъ въ корнеты Кавалергардскаго полка (5. X. 1806), принималъ участіе въ кампаніяхъ 1807 и 1812—14 гг., былъ пожалованъ флагель-адъютантомъ (2. IV. 1814), состоялъ при Александрѣ I во время Вѣнскаго Конгресса и, произведенный въ генералъ-майоры (6. X. 1817), былъ затѣмъ назначенъ (22. II. 1819) начальникомъ штаба 2-й арміи, въ каковой должности оставался 10 лѣтъ, будучи въ это время пожалованъ генералъ-адъютантомъ (5. X. 1823) и произведенъ въ генералъ-лейтенанты (1828). При сѣбѣ во время Турецкой кампаниіи Главнокомандующаго гр. Витгенштейна и назначенніи на него вѣсто гр. Дубича, Киселевъ, участь въ строй — командиромъ 4 резервнаго кавалерійскаго корпуса и послѣ войны были назначены полномочными представителями дипломатіи Княжествъ Моздавіи и Чадахі (14. IX. 1829). Въ 1834 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантаріи, въ томъ же году назначенъ Членомъ Государственного Совѣта, пожалованный 26. III. 1839 въ графское достоинство. П. Д. Киселевъ былъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ (1838—1856) и посломъ въ Парижѣ (1856—1862); † 14. XI. 1872 въ Парижѣ; погребенъ въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ. Графъ П. Д. Киселевъ былъ женатъ (ст. 1821) на графинѣ Софіи Станиславовнѣ Потоцкой (р. 1804), дочери генералъ-аншефа Потоцкаго и Софіи Константиновны де Челиче (de belle Phalaigie), бывшей до того въ замужествѣ за граверомъ О. О. Виттокъ. Въ 1829 г. П. Д. Киселевъ разошелся съ женой.

² «Живя въ Михайловскомъ, онъ [Пушкинъ] быть въ перепискѣ съ синимъ Ризничемъ, какъ сказывали наимѣ люди, близкіе къ посыдѣнному» — «Русский Вѣстникъ», 1856, № 11, с. 207. Такъ, или иначе, но А. Н. Раевскій и В. И. Туманскій находили нужнымъ въ письмахъ къ Пушкину въ Михайловское упомянуть о Ризничѣ, съдовательно эти свѣдѣнія могли интересовать Пушкина сами по себѣ.

впослѣдствіи (1823) была своя контора.¹ По общимъ отзывамъ Ризничъ полуучилъ отличное образованіе, обучался онъ въ Падуанскомъ и Берлинскомъ Университетахъ, зналъ не сколько языковъ, имѣть хорошую библіотеку,² быть большимъ любителемъ театра и итальянской оперы.³ По окончаніи образованія молодой

¹ «Лѣта 1792 родился младенецъ пола мужскаго и-ца Октомврія дне 13-го; отецъ младенца Г-нъ Стефанъ Ризничъ, матери же Анастасія, жителіе Града Триеста; крестися и Миронъ Святымъ памазаю чрезъ ииси Германака Наумія Петровича Парота Церкви Сполителя Христова Спіріоніа Чудотворца въ Триестѣ сущіи и-ца Октомврія дне 24-го лѣта поминутаго; и дано бысть во Святому Крещенію младенцу имя Іоаннъ, воспріемникъ бысть лѣница Елена Куртовичъ». — Издѣль протокола крещаемыхъ (стр. 21, № 73), выданный въ Триестѣ 1. VI. 1837, № 294, и засвидѣтельствованный того же числа въ Триестской Cancellaria della Comunita Greco-Шірика и 3/15. VI. 1837 Россійскимъ консуломъ въ Триестѣ графомъ Павломъ Кассини.

Въ качествѣ документа о своемъ происхожденіи Ризничъ, при ходатайствѣ о причислѣніи его къ русскому дворянству, представилъ нижеиздѣланій документъ, выданный отцу его Стефану Ризничу:

Rector et Consiliarii Reipublicae Rhacusinae. — Omibus et singulis, quibus praesentes nostrae patentes litterae pertinerent aut quovis modo exhibitae fuerint, plenam indubiamque fidem faciunt acque testamti D. Stephanum Risanich esse Nobilem Civitatis Episcopalis Stagnensis ditionis Lujus Reipublicae cumque frui debere omnibus officiis, honoribus praerogativis et praeminentiis, quas et quae Respublica Nostra caeteris Nobilibus Stagnensibus impertiri solet.

Datum Rhacusii ex Nostro Palatio Die XV-я Mensis Ianuarii 1808.

Оба эти документа извлечены изъ хранящагося въ Сенатскомъ Архивѣ дѣла Герольдинъ о дворянствѣ рода Ризничей по Кіевской губерніи.

² «Ma bibliothèque augmente journallement et à votre retent j'espère que vous la trouverez шieu гарніе» (письмо къ П. Д. Киселеву отъ 14. VIII. 1825).

³ Письмо А. Н. Раевскаго къ Пушкину (21. VIII. 1824): «Rismanitch a repris les rôles du gouvernement du théâtre: les actrices n'obéissent plus qu'à sa voix. Quel dommage que vous n'y soyez pas!» (Переписка Пушкина, Алак. изд., I, 127). По словамъ одного изслѣдователя прошлаго Одесскаго городскаго театра, «въ управлѣніи его (театра) дѣлами принимать самое живое участіе въ качествѣ спредставителя города и защитника интересовъ публики негодіалътъ Ризничъ, считавшійся въ тридцатыхъ годахъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ общественныхъ дѣятелей Одессы и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ служившій единственныйъ посредникомъ для переговоровъ какъ съ автор-переводчиками, такъ и съ приглашавшимися изъ Италии артистами» (О. М. Лернеръ, «Одесская Старина», исторические очерки, по даннымъ изъ архива бывшаго Новороссийскаго генералъ-губернатора, Одесса, 1912, с. 18). «J'oubliais une bonté. Notre entrepreneur de théâtre a fait banqueroute et nous sommes menacés de n'avoir pas de spectacles pour le reste de l'année. Une commission dont je fais partie s'occupe maintenant des moyens pour faire marcher le théâtre, mais comme on ne donne pas de l'argent et que

Ризничъ, по словамъ Халанского, жилъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, пытъ тамъ банкирскій домъ, а затѣмъ перебѣхъ въ Одесу, гдѣ открылъ экспедиторскую контору, главнымъ образомъ для экспорта хлѣба.¹

Когда обосновался Ризничъ въ Одессѣ, съ точностью установить не удалось, но Одесская Городская Дума вносила вѣдомствѣ удостовѣрѣла, что онъ, «будучи австрійско-подданнымъ негоціантомъ, при запискѣ въ Одесское I-ой гильдіи купечество, выполнилъ присягу на подданство Россіи въ Одесскомъ Городовомъ Магистратѣ 10-го января 1822 года».²

le temps des miracles n'existe plus je doute très fort que nous puissions réussir» (письмо Ризнича къ П. Д. Киселеву, отъ 14. VIII. 1825). Комиссія, о которой идетъ рѣчь въ настоящемъ письмѣ, была образована послѣ объявленія несостоятельности антрепренера Цезаря Негри для полного управления хозяйственной и артистической частью театра; въ составѣ ея, помѣхъ Ризнича, входили: чиновники канцелярии генераль-губернатора тит. сов. Рено, городской голова Филиппъ Луччичъ, Александръ Собальскій, Шарль Сикоръ, Брюно. Дѣло съ театромъ осложнилось вслѣдствіе прекращенія спектаклей въ связи съ кончиною Императора Александра I. Въ слѣдующемъ году (21. V. 1826) графъ М. С. Воронцовъ представлялъ всеподданѣйший докладъ о результатахъ дѣятельности комиссіи и просилъ съ покрытиемъ произошедшаго вслѣдствіе этого дефицита и обѣ увѣличеніи за будущее время ежегоднаго отпуска изъ городскихъ доходовъ средствъ на содержаніе театра (О. М. Лернеръ, ор. сіѣ, стр. 17—19).

Комментаторы Пушкина обычно относятъ къ Ризничу послѣдніе три стиха XXVI строфы «Странствія Онѣгина» о мужѣ молодой негоціантѣ въ ложѣ театра:

А мужъ — въ углу за икою дремлетъ,
Въ просонахъ форы закричитъ,
Зѣбнетъ — и снова захрапитъ.

Такая характеристика (на пей, между прочимъ, П. Е. Шеголевъ основываетъ свое соображеніе въ возможности переписки Пушкина съ Ризничемъ) совершенно не вѣжется, на мой взглядъ, съ вышеприведенными свѣдѣніями о театральной дѣятельности Ризнича, и это пріурочивание надо признать мало обоснованнымъ.

¹ Хлѣбная операція Ризнича распространялась и на другіе города юга Россіи; въ 1825 г. въ Таганрогѣ было отдѣленіе его Одесской конторы: «J'ai reçus... le paquet pour Madame de Kiselef qui lui sera acheminé avec la poste de demain sous l'enveloppe de ma maison de Taganrog qui est déjà prévenue de l'arrivée prochaine de Madame» (письмо отъ 14. VIII. 1825).

² Свидѣтельство Одесской Городской Думы отъ 8. X. 1814, № 8020, въ дѣлѣ Герольдіи.

Зеленецкій предполагаетъ, что Пушкинъ познакомился съ Ризничемъ въ одинъ изъ первыхъ своихъ пріѣздовъ въ Одесу. Въ 1822 г. Ризничъ, по словамъ Зеленецкаго, уѣхалъ въ Вѣну съ намѣреніемъ жениться и весной 1823 г. вернулся въ Одесу съ молодой женой. Амалія Ризничъ была родомъ итальянка изъ Флоренціи, какъ удостовѣряетъ Сречковичъ, и дѣвичья фамилія ея была Риппи. Ко времени пріѣзда Пушкина на постолиное жительство (июнь 1823) Ризничъ былъ женатъ, пользовался въ Одесскомъ торговомъ мірѣ виднымъ положеніемъ,¹ имѣлъ свой собственный «недурной» домъ на Херсонской улицѣ (противъ новаго зданія Ришельевскаго Лицѣя) и въ томъ же 1823 году получилъ чинъ коммерціи совсѣмъ и исправлялъ должность члена городского строительнаго комитета (съ 12. IV. 1823 по 28. IV. 1824; форм. списокъ).

Къ тому же 1823 году относятся въ поступившемъ въ Архивъ собраний первыя письма Ризнича къ Павлу Дмитріевичу Киселеву, бывшему тогда начальникомъ Штаба 2-ой арміи въ Тульчицѣ. Въ общемъ содержаніе этихъ писемъ носить скорѣѣ дѣловoy характеръ. Въ нихъ говорится о разнаго рода порученіяхъ, которыя давалъ Ризничу Киселевъ по очисткѣ пошлинной и пересылкѣ разныхъ заграничныхъ товаровъ, по получению изъ цензуры вынужденныхъ изъ Парижа книгъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, о приходящихъ изъ Константинополя судахъ и о получаемыхъ при ихъ посредствѣ вѣстяхъ о ходѣ Греческаго возстанія, о турецкихъ дѣлахъ, обѣ эпидеміи чумы. При чтеніи этихъ писемъ невольно приходитъ на память XXIII строфа изъ «Странствія Онѣгина»:

¹ Въ Одесскомъ городскомъ архивѣ, въ старыхъ дѣлахъ о принятіи въ Одесскіе купцы есть указъ Херсонской Казеннай Палаты, полученный въ Одесскомъ Магистратѣ въ сентябрѣ 1826 г., о немѣніи препятствій къ заслугамъ Ризнича въ купцы. Тамъ же есть еще слѣдующія свѣдѣнія о Ризничѣ, относящіяся пониженію къ 1823 г.: «австрійскій подданный, негоціантъ изъ Триеста, принялъ русское подданство и представилъ удостовѣреніе, что имѣть въ Одесѣ обзаведеніе въ 50.000 рублей. Иванъ Ризничъ — 30 лѣтъ, жена Амалія — 20 лѣтъ, ихъ сынъ Стефанъ — 1 годъ». — См. Извѣстія Одесскаго Библіографическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ, т. IV, Одесса. 1915, замѣтка А. де-Рибаса (стр. 1—2): «Еще о Пушкинѣ и Ризничѣ».

Дить разчета и отваги,
Идеть купецъ взглянуть на флаги,
Проехать, шлють ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили въ нынче карантинъ?
Пришли ли бочки ждановыхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И мѣтть ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Изъѣдка сравнительно въ этихъ письмахъ посадаются Одес-
скія новости о Воронцовѣ, о Нарышкиныхъ и наконецъ подробн-
ности личной жизни Ризница, которая въ данномъ случаѣ и пред-
ставляются для насъ интересъ. Во время частыхъ прѣѣздовъ
П. Д. Киселева въ Одессу Ризничъ имѣлъ возможность ближе-
сть съ нимъ познакомиться, и въ 1824 году письма его носятъ иѣ-
сколько иной характеръ, чѣмъ строго официальный письма
1823 года. Приводимъ цѣлкомъ письмо 7. VI. 1824.

Excellence! Ayant su de M-r Dostanich¹ le départ de Votre

1 Оставной флота капитанъ-лейтенантъ Степанъ Степановичъ Достаничъ, сынъ женатаго на гречанкѣ черногорца, поступившаго на русскую службу при графѣ Орловѣ-Чесменскомъ, впослѣдствій, въ чинѣ полковника, бывшаго командиромъ Днѣпровскаго гренадерскаго полка и умершаго въ 1793 г. въ Николаевѣ. С. С. Достаничъ, воспитывавшійся съ 1796 г. въ Черноморскомъ Корпусѣ, быть произведенъ въ 1808 г. въ гардемарины, 11. I. 1807 въ мичмана, 1. I. 1812 въ лейтенанты, уволенъ отъ службы капитанъ-лейтенантомъ—11. XII. 1814 (Общий Морской Списокъ, VII, 49); въ 1818 онъ былъ Одесскимъ полиціймайстеромъ, и въ 1822—членомъ Одесской портовой таможни (Мѣсяцесловы на 1820 и 1823); въ февралѣ 1828 онъ перешелъ на службу въ Штабъ 2-ой арміи въ распоряженіе П. Д. Киселева, повидимому, для несения обязанностей, который иныѣ опредѣляются особымъ терминомъ «контръ-развѣдка». Еще до этого назначенія Достаничъ предлагалъ П. Д. Киселеву свои услуги въ этомъ отношеніи въ качествѣ добровольца. Въ письмѣ отъ 24. III. 1822 изъ Одессы онъ писалъ Киселеву по поводу Пушкинского «корсара въ отсталыхъ Морахъ»: «На арапа по кампії Морали имеютъ подозрѣніе, что они извѣщаютъ въ Константинополь объ некоторыхъ дозахъ, происходящихъ въ Одессѣ, воеже ли угодно Вашему Превосходительству мне позволить открыть подобныхъ людей подозрительныхъ», и употребляя себя на это, стѣнь только, чтобы о семъ

Excellence de St. Pétersbourg je profite de sa complaisance pour lui faire parvenir ces lignes à l'objet de la prévenir que ses vins sont tous arrivés, ainsi que le tabac de Latachie.¹ J'attend en conséquence les ordres de Votre Excellence soit pour l'expédition ou pour garder les dits objets à sa disposition ultérieure.

J'ai appris avec désolation la perte que vous avés faite,²
et moi ainsi que ma femme nous en avons pris toute la part que
nous inspire notre dévouement et notre attachement respectueux
pour Votre Excellence et pour Madame Votre épouse. Une expé-
rience pas très éloignée ne m'a que trop fait connoître la douleur et
l'affliction que des malheurs pareils font éprouver aux plus mal-
heureux parents: pour savoir que toute consolation est inutile et
que le tems seul peut y porter remède: aussi je me borne à vous
présenter les voeux sincères que je porte au ciel, pour qu'il venille
réparer Votre perte et Vous rendre sous ce rapport heureux
à l'avenir.

Moi aussi, je suis bien malheureux avec la santé de ma femme. Après ses couches elle allait de mal en pis. Une fièvre lente, une toux continue et quelques crachements de sang me donnaient les

известить графа Ланжерона, чтобы онь мне судействовал, но не обнаруживал мои занятия и тогда я могу иметь успехъ.

О Морали см. также въ «Рассказахъ Одесского старожила» М. Ф. де-Гиаса: см. Л. М. де-Рибасъ — «Изл. пронизаго Одессы», сборникъ статей, Одесса, 1894, стр. 358—361.

¹ Латакія (Ladikije, Latakiya) — сирійський портъ на Средиземномъ морѣ, чисто-крупнотабакъ, пользующийся большой известностью.

2 Речь идет о кончинѣ единственного сына Павла Дмитриевича и Софии Станиславовны Киселевых—Владимира (р. 7. VII. 1822, † 7. II. 1824 въ Тульчинѣ, гдѣ и погребен). Родители въ это время находились въ Москвѣ и о смерти сына ихъ извѣщали упомянутый Достаничъ: «по приѣзде моемъ въ Тульчинъ я засталъ Володю очень болѣвшимъ, а къ некоторые дни казалось будто бы ему легче. По 6-го числа нынѣ онъ имѣлъ болѣе 12 пароксизмовъ конвульсій и кутру чрезвычайно ослабѣлъ, а по полудни милой Володѣ скончался... Въпрочемъ будте уверены, что Володя былъ присмотрѣнъ наилучшимъ способомъ, какъ kommenции, такъ Шлегель и Болиберть, они отъ него не отходили, почевали въ нашемъ домѣ, прилагали все возможное попеченіе объемъ, но что Богу угодно, то испоплилось» (письмо отъ 8. II. 1824 изъ Тульчина).

plus vives inquiétudes. On me faisait croire et espérer que la boune saison porterait quelque secours, mais malheureusement il est arrivé le contraire. A peine le printemps arrivé, ses accès devenaient plus violents. Les médecins alors déclarèrent qu'il fallait absolument et sans perte de temps, qu'elle quittat ce climat, car autrement ils ne pourraient pas répondre, qu'elle pourrait survivre l'été. Vous comprenez bien que je n'avais pas [à] opter et que je me suis promptement décidé pour le départ. Effectivement je l'ai fait partir avec l'enfant, et l'ayant accompagnée jusqu'à Brody¹ j'ai été obligé de retourner ici pour mes affaires, et elle a continué son chemin. Elle ira en Suisse et l'automne j'irai la rejoindre pour me rendre avec elle en Italie à passer l'hiver. Dieu veuille seulement qu'elle puisse recouvrer la santé.

Quant à Odessa, nous allons notre train ordinaire. La chassée avance, mais les avis sont très partagés; sur la boue et sur la poussière, si nous en aurons d'avantage ou moins. La nouvelle troupe ne vaut pas l'ancienne excepté l'orchestre qui est parfait. Dans le commerce il y a plus de mouvement à cause de la mauvaise récolte des récoltes en Espagne et [au] Portugal qui font supposer des grands besoins en blés.

Je prie Votre Excellence de me mettre aux pieds de Madame de Kisseleff et de vouloir bien agréer l'assurance des sentiments de considération et du profond respect avec laquelle j'ai l'honneur d'être de Votre Excellence

très humble et très obéissant serviteur

Jean Risnich.

Odesa
7/19 Juin 1824.

¹ 30. IV. 1824 изъ Одесского магистрата было выдано свидѣтельство на право выѣзда за-границу причисляющемсяъ въ Одесское первой гильдіи купечество Ивану Ризничу съ семействомъ, а въ первыхъ числахъ мал Амадія Ризничъ, вместе съ малолѣтнимъ сыномъ Александромъ, слугою и двумя служанками выѣхала въ Австрію. К. П. Золемецкій, «Замѣтка о Пушкинѣ» — «Библиографическая Записка» 1858, № 5, с. 188.

Какие же выводы можно сделать изъ этого письма? Повидимому женитьбу Ризнич на Амадіи Риппа слѣдуетъ пріурочить къ самому началу 1822 г., такъ какъ у нихъ въ 1823 г. былъ уже первый ребенокъ (сынъ Степанъ), вскорѣ умершій. П. Е. Шеголевъ уже высказывался въ томъ смыслѣ, что увлечеи Пушкина Амадіей Ризнич относится къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія его въ Одессѣ («Пушкинъ», стр. 219), то есть къ лѣту 1823 г. Оно было непродолжительно, такъ какъ очевидно совпадало по времени со второй беременностью Амадіи Ризнич. Затѣмъ послѣдовало въ самомъ началѣ 1824 г. рожденіе второго ребенка, съ которымъ большая и выѣхала въ маѣ за-границу. Слѣдуетъ также если не отвергнуть, то значительно ограничить утверждѣніе, что «изъ высшемъ круга тогдашняго Одесского общества... г-жа Ризнич прията не была». Такому категорическому утверждѣнію противорѣчить и известный отзывъ о г-жѣ Ризнич В. И. Туманскаго,¹ но лучшимъ доказательствомъ его ценральности служитъ личное знакомство ея съ Софіей Станиславовной Киселевой. Въ большихъ провинциальныхъ городахъ, какъ Кіевъ. Одесса, въ особенности съ разноплеменнымъ населеніемъ, общество обычно разбивается на определенные, довольно обособленные кружки. Мнѣ думается, что если Ризнич не бывали въ интимномъ обществѣ графини Е. К. Воронцовой, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они совсѣмъ не были приняты въ высшемъ обществѣ.

Поѣхали-ли Ризнич, какъ они предполагали, осенью 1824 г. къ женѣ за-границу, изъ писемъ къ Киселеву не видно, такъ какъ слѣдуетъ затѣмъ годовой перерывъ, за который писемъ или совсѣмъ не было, или они не сохранились. Слѣдующее письмо

¹ Въ письмѣ отъ 16. I. 1824 г. Василій Ивановичъ Туманскій писалъ изъ Одессы къ своей двоюродной сестрѣ С. Г. Туманской: «Замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичаются людей, скрывая подъличной скромности или свою простоту, или свое невѣжество» (Стихотворенія и письма В. И. Туманскаго, подъ ред. С. И. Брайловскаго, изд. Суворина, С.-Пб. 1912, с. 256).

вышеприведенного письмо Ризича датировано 19. VI. 1825 г. Оно посвящено главнымъ образомъ описанию цензурныхъ мытарствъ при получениі для Киселева заграничныхъ книгъ, а въ коротенькомъ письмѣ, помѣченномъ «*Odessa. 26/8 Juin 1825*», имѣется приписка, сдѣланная почеркомъ, свидѣтельствующимъ о волненіи писавшаго: «*Je viens de recevoir dans l'instant mème la triste nouvelle de la mort de ma pauvre femme*».

Свѣжимъ Одесскимъ отголоскомъ этого извѣстія и былъ со-
нетъ В. И. Туманского «На кончину Р[изничъ]», помѣченный
«Одесса. Іюль 1825» и посвященный Пушкину.¹

Какъ бы то ни было, убылъ ли «Гименей, какъ сѣверный
морозъ, цвѣтокъ полудевнаго луга», имѣли ли мѣсто въ дѣйстви-
тельности похожденія съ Собанскими или княземъ Яблоновскимъ,
но версію о смерти Амалии Ризичъ, въ бѣдности, брошенной
мужемъ и призрѣнной его матерью, сдѣдуетъ окончательно от-
бросить.

Какова же была дальнеѣшай судьба Ризича послѣ смерти
его первой жены?

За 1826 г. сохранилось извѣстіе, сообщенное въ печати
А. И. Маркевичемъ, что въ этомъ году были изданы *на средства
Ризича* въ Лейпцигѣ извѣстная «Сербянка» Симы Милутиновича,
вмѣстѣ съ первою книжкой его стихотвореній.²

Въ 1827 г., 6-го января, Ризичъ получилъ орденъ св. Вла-
димира 4 ст. «въ награду отличного исполненія дашаго поруче-
нія» (грамота на орденъ 10. I. 1827, № 13).

¹ Ibid. стр. 150. Сонетъ этотъ былъ напечатанъ въ альманахѣ Раиса и
Озобишина «Сѣверная Лира на 1827 годъ» (цензурное разрѣшеніе 1. XI. 1826).

² «Пушкинскіе дни въ Одессѣ. 1799—1899. 26—27. V. 1899». Сборникъ
Имп. Новороссійскаго Университета, Одесса. 1900. Статья А. И. Марке-
вича — «Пушкинъ и Новороссійский край», с. 134.

Сима Милутиновичъ (р. 8. X. 1791, † 30. XII. 1847) — сербскій поэтъ,
главную литературную славу котораго составила его «Сербянка» — пѣснь
эпико-лирическихъ пѣсень, въ которыхъ прославляется освобожденіе Сербіи
при Карагеоргіи и Милошѣ въ 1804—1815 г. См. его біографію: А. Н. Иль-
инъ и В. Д. Спасовичъ — «Історія славянскихъ літературъ», т. I,
С.-Пб. 1879, стр. 222—225.

Въ письмѣ отъ 2. III. 1827 В. И. Туманскій писалъ изъ
Одессы Пушкину (Переписка, Акал. изд., II, стр. 8):

«Одна изъ нашихъ новостей, могущая тебя интересовать,
есть женитьба Ризича на сестрѣ Собанской, Виттовой любов-
ницѣ. Въ приданое за нее получилъ Ризичъ въ будущемъ
6000 черв., а въ настоящемъ Владимицкій крестъ за услуги
оказанныя Одесскому Лицею. Надобно знать, что онъ въ Лицѣ
никогда ничего не дѣмалъ. Новая м-ть Ризичъ вѣроятно не
заслужить ни твоихъ, ни моихъ стиховъ по смерти: это малютка
съ большимъ ртомъ и съ Польскими ухватками. Домъ ихъ доселѣ
не открывался для нашей братии».

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что крестъ для Ризича выхлоноталъ
графъ И. О. Виттъ, но по другимъ основаніямъ, а не за заслуги
по Ришельевскому Лицею, членомъ Правленія котораго по хозяйствен-
ной части Ризичъ, какъ видно изъ его формулярного списка,
былъ назначенъ уже послѣ — 29. I. 1827 и оставался имъ до
6. IX. 1828.

Про свою вторую женитьбу на графинѣ Полинѣ Адамовнѣ
Ржевуской Ризичъ впослѣдствіи писалъ П. Д. Кисслеву (письмо
отъ 1. III. 1828):

«*Je suis comme vous le savés marié à une fille du feu comte
Adam Rzewuski.*¹ La dot de ma femme consistant en 12 pi. du-
cats environ ne peut par suite de différentes circonstances de

¹ У графа Адама Ржевускаго (р. 1760, † 1825) женатого на Юстинѣ
Гдуловской, были дѣти: графъ Адамъ (р. 5. I. 1801, впослѣдствіи генераль-
стъ-кавалеріи и генераль-адъютантъ, † 17. IV. 1888), графъ Генрихъ (изѣ-
стный польскій писатель и романистъ, † 26. II. 1826), графъ Эрнестъ (р. 1812,
† 1862, полковникъ квазачихъ войскъ, впослѣдствіи Бердичевскій уѣздный пред-
водитель дворянства) и четыре дочери: Каролина (извѣстная красавица, бывшая
замужемъ четыре раза — за Еронимомъ Собанскимъ, за графомъ И. О. Вит-
томъ, за С. Х. Тирковичемъ и наконецъ за французскимъ писателемъ Жюльеномъ
Лакруа; она † 19. VII. 1885, 89 лѣтъ), Эвелина (Ева), р. 6. I. 1805, † 9. IV. 1882,
погребена въ Парижѣ на кладбищѣ Рѣг Лаклайе; она была замужемъ за Вац-
лавомъ Ганьскимъ и впослѣдствіи за извѣстныемъ французскимъ романистомъ
Оноре Бальзакомъ), Паулина (за Ризничемъ) и Александра (за Меношко).
См. Иг. Дунін-Ворковскіи — «Almanach Blékitny», Lwów - Warszawa, с. а.
826—829; подробное примѣчаніе Б. Л. Модзалевскаго въ «Архивѣ Рѣв-

famille que lui être payée en terre et comme la terre qu'on lui propose est d'une double valeur de la somme mentionnée je suis obligé si je veux liquider la petite fortune de ma femme d'avancer le surplus de mon argent. Dans ma qualité de conseiller de commerce et de chevalier de St. Wladimir je puis bien posséder des terres et paysans mais je n'ai pas le droit de les transmettre à mes enfants. Vous sentés bien tous les inconvénients qui m'en résultent par là de la privation de ce droit et la fâcheuse alternative que ma position me présente, d'attendre Dieu sait combien d'années avant que ma femme puisse reconvoyer le sien, ou d'avoir un immeuble sans pouvoir le transmettre à mes enfants».

Темъ временемъ происходяла на Балканахъ события, указывавшіи на возможность близкой войны съ Турцией, и весь 1827 г. П. Д. Киселевъ былъ занятъ подготвкой и разработкой плана будущихъ военныхъ дѣйствій. Обративъ, между прочимъ, внимание на то, что морскихъ перевозочныхъ средствъ, заключавшихся въ судахъ нашей Черноморской флотилии и коммерческихъ, совершенно недостаточно, Киселевъ привлекъ къ этому дѣлу Ризнца.

Odessa. 1 Juillet 1827.

Mon Général, Je m'empresse de vous remettre ci-joint la note dont vous m'avez fait l'honneur de me charger, et j'espere qu'elle vous arriverat à temps pour la remettre avec tous les autres mémoriaux à ce sujet, à Pétersbourg.

скихъ», т. II, с. 311—315; «Исторический Вѣстникъ» 1899, кн. 10, с. 283; «Русский Некрополь въ чужихъ краяхъ», I, С.-Пб., 1916 стр. 3, 49.

По поводу второго брака Ризница И. П. Липранди въ своихъ Замѣткахъ на статью «Пушкинъ въ Южной Россіи» («Русский Архивъ», 1866, ст. 1477) пишаль: «Ризничъ одинъ изъ первыхъ негоціантовъ, особенно засланный графомъ (Бороницкыемъ), по смерти заѣсь упоминаемой жены своей, скоро женился на дочери Шнейковскаго изъ Кієва (на другой сестре вносковѣдствій женился графъ Потоцкій, Тузычинскій, и она то была причиной его погибели). Эти супружія, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не вѣрны; Липранди, очевидно, все перепуталъ, но графъ Мешиславъ (Михаилъ) Потоцкій († 25. XI. 1878), братъ С. С. Киселевой, дѣйствительно былъ женатъ съ 1844 г. вторымъ бракомъ на Эмилии Шнейковской († 1894), дочери полковника польскихъ венковъ Каэтана Шнейковскаго отъ брака его съ дѣвицей Венсовичъ (Пр. Dauin-Botkowski, op. cit., p. 752).

J'ai corrigé le brouillon que j'ai eu l'honneur de vous faire voir, et j'ai fait de mon mieux pour le rendre intelligible.

La chose essentielle si jamais on se décide à quelque chose, c'est de se hâter de donner les ordres surtout s'il s'agit[*t*] de cet automne car la saison est déjà avancée et il faudrait avoir du tems devant soi, d'abord pour pouvoir ramasser le nombre suffisant des batiments, et ensuite pour le faire d'une mani re avantageuse pour la couronne.

Si ce que je dis, et les moyens que je propose sont agré s   S. Pétersbourg, et que l'on veuille de moi, je suis pr t si on le demande de me rendre moi m me   S. Pétersbourg pour recevoir des ordres et pour donner les d tails dont on pourrait avoir besoin, mais vous le sent s tr s bien, Mon G n ral, que je n'aimerais pas aller   Pétersbourg autrement que dans la certitude d' tre honor  des ordres du Gouvernement, car dans ma position de chef d'une maison de commerce il me serait impossible d'abandonner mes affaires et ma famille pour le plaisir de courrir 4000 wersts. Si puis il s'agit[*t*] de donner des renseignements simplement, je ne demande pas mieux autant qu'il est en moi de t moigner ma bonne volont  d' tre utile et trop heureux de m riter l'attention des respectables chefs des administrations.

Apr s cet expos  de ma profession de foi, vous dir s, en accompagnant ma note, tout ce que votre bont  pour moi saurat vous inspirer. Il ne me reste   moi qu'à vous remercier de la confiance que vous m'avez t moign e.

Записка Ризнца была признана Киселевымъ достойной вниманія и представлена Дубичу 8. VII. 1827, съ заключеніемъ, что если она не будетъ признана удобной къ исполненію, то во всякомъ случаѣ можетъ послужить материаломъ при совѣщаніяхъ и оружіемъ противъ спекуляцій, которыхъ будутъ предложены правительству.¹ Осуществленіе намѣчавшихся мѣропріятій полу-

¹ А. П. Заблоцкій-Десятовскій — «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», С.-Пб. 1882, т. I, с. 264.

ностью или въ известной части возложено было на Ризнicha, ко-
торый въ письмѣ отъ 1. III. 1828 писалъ Киселеву:

Votre Excellence connaît la manière dont j'ai été employé pour l'achat des 25/m. cztwerts blés et elle se rappellerat aussi que c'est sur l'invitation qu'elle a bien voulu me faire que j'ai eu pour la première fois l'honneur de lui présenter le proget sur les affrètements des batiments et d'après lequel on a opéré par mon entremise ici, à Nicolaeff et Cherson le notissement de 70 batiments environ. Le zèle et l'emprise que j'ai mis pour les intérêts du gouvernement m'ont mérité des témoignages reitérés d'approbation de la part de M-r le comte Pahlen qui dernièrement eut aussi la bonté de me présenter à Son Excellence Monseigneur le comte Diebitsch pour le rang de conseiller de cour.

Въ томъ же письмѣ Ризничъ просилъ П. Д. Киселева о со-
дѣйствіи къ получению этой награды по соображеніямъ лучшаго
устройства своихъ имущественныхъ дѣлъ въ связи съ покупкою
имѣнія на приданія средства жены (см. выписку выше); хло-
поты увѣличились полныемъ успѣхомъ и, въ письмѣ изъ Одессы
отъ 3. VI. 1828, Ризничъ писалъ П. Д. Киселеву:

... J'ai reçu le grade de Conseiller de cour de la munificence de Sa Majesté. Je l'avais su à Elisabethgrad de M-r le Général Putapoff et hier M-r le comte Diebitsch l'a annoncé officiellement au comte Woronzow. Comme c'est en grande partie à vous que je dois cette faveur je vous en présente mes remerciements les plus sincères.

Указомъ 7. VI. 1828 г. за № 39383, Правительствующій Сенатъ далъ знать графу М. С. Воронцову, что Государь Имп-
раторъ, согласно именному указу отъ 3. VI, «по засвидѣтельство-
вавіямъ Управлявшаго Новороссійскими губерніями и Бессараб-
скою областью тайного советника графа Палена и Вашему объ-
отличномъ усердіи и дѣятельности Одесского негоціанта коммер-
ціи советника Ризнicha, оказанныхъ имъ при экстренной закупкѣ въ Одесѣ значительного количества хлѣбныхъ запасовъ для про-
довольствія войскъ 2-ой арміи всемилостивѣйше пожаловать со-

изволилъ его, Ризнicha, въ падворные советники». Это время
является кульминационнымъ пунктомъ успѣховъ Ризнicha. Уже въ
следующемъ году являются какія то неясные намеки на обост-
рение его отношений съ графомъ М. С. Воронзовымъ, на какіе то
распускаемые о немъ клеветнические слухи, имѣющіе цѣлью по-
вредить его репутаціи въ общественномъ мѣніи,¹ а затѣмъ

¹ Привожу иѣсколько выдержекъ изъ писемъ Ризнicha по этому поводу:

Odessa. 5 avril 1829.

... Vous connaissez ma position ici vis à vis du comte Woronzow. Je me soncie fort peu de me remettre sur le pied à me voir prodiguer ses caresses, et encore moins des infamies que des êtres bas et lâches ont cherché et cherchent peut être encore de débiter sur mon compte, mais je tiens et dois tenir beaucoup à prémunir contre ces calomnies les personnes à qui je dois de la reconnaissance et à l'opinion des quelles j'attache le plus grand prix. La mani re amicale avec laquelle vous m'avez parlé à ce sujet me rassure sur votre compte. M-r le comte Pahlen me connaît assés pour ne pas y ajouter foi, mais M-r le comte Diebitsch qui ne me connaît que pour m' avoir fait du bien sur votre recommandation et celle du comte Pahlen, pourrait, si jamais ces bruits parvenaient jusqu'à lui, être induit en erreur. La gr ce que je vous demande et pour laquelle je vous aurai toute ma vie la plus vive reconnaissance c'est que vous daignez si jamais l'occasion s'en présente lui parler de moi. Je ne demande ni place, ni r compenses, je demande seulement de votre indulgence pour moi que vous lui dites ce que vous savez de moi sans m me nullement mettre à contribution la protection, dont vous m'honorez, en ajoutant que se declare faux et controv u par la plus vile perfidie ce qu'on vous a dit d'injurieux à mon sujet ici. On n'ose pas et je les défie attaquer ma g tion dans les affaires du Gouvernement, mais on profite de l'animadversion que le comte Woronzow m'a vou  pour chercher à me nuire dans l'opinion publique. Vous m'avez toujours honor  de votre protection, vous m'avez fait du bien, vous m'avez donn  l'impulsion à ce projet de notissement qui m'a valu tous ces désagr gements et vous ne me refuser s pas la faveur d'un bienfait auquel mon honneur et mon amour propre s'y trouvent attach s...

Odessa. 23 may. 1829.

Mon Général. J'ai re u en son temps la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 15 avril de Galatz... Je vous dois mille et mille remerciements pour la mani re bienveillante avec laquelle vous avez accueilli la pri re contenue dans ma lettre du 5 avril. L'assistance que vous daignez me donner que les mauvais propos d'Odessa n'ont en rien chang  l'opini n que vous avez toujours voulu avoir de moi, me rassure sur toutes les vives inqui tudes que m'avait inspir  une conversation que j'ai eu avec vous à ce sujet... Depuis votre d part j'ai  t  presque continuellement malade et ma sant  ne va pas du tout bien. Ceci me d cide de partir pour l'étranger pour faire une cure quelque part en Italie d'o  avant de retourner en Russie ce qui ne serat pas probablement avant les contrats de Kiew je

произошла катастрофа — полное его разорение, послѣ которого онъ писалъ П. Д. Киселеву 12. XII. 1833:

Hopciza. 12 d'cembre 1833.

Votre Excellence connaît ma catastrophe en commerce: je ne Vous importunerai pas avec les détails qui l'ont ammenée ni avec tout ce qui a pu être dit par les amis et les ennemis; je me borne-rai seulement à dire à V. E. que mon innocence a été reconnue par la généralité de mes créanciers et qu'un document légal m'a été délivré à ce sujet. J'ai fait précéder à ma prière cette circon-stance pour faire connaitre à V. E. qu'ayant été réhabilité par un document dans les formes, je suis rentré dans la jouissance de tous les droits civils comme par le passé. Dès ma catastrophe j'ai envoyé ma famille dans une campagne appartenante à ma femme où je me trouve actuellement.¹ Cette campagne grecée des dettes anciennes et nouvelles, me fournirait à la rigueur de quoi exister quoique très petitement et c'est tout ce qu'il me faudrait si je n'avais pas déjà 4 enfants à l'éducation et à l'avenir desquels comme père j'ai l'obligation de songer.² Ne pouvant pas rentrer dans les affaires, faute de moyens, j'ai fait soumettre par ma femme à l'Emperatrice [sic] la situation de ma famille et ma prière pour une place consulaire. Elle a daigné nous promettre sa haute pro-

---

compte aller à Paris pour quelques affaires que j'ai là bas. Si Vous avez des ordres en Italie ou Paris Vous n'avés qu'à disposer adressant vos lettres à Vienne à la maison de M-rs Grymüller et Cie qui me les fera parvenir. Dans tous les cas je ne pourrai pas partir d'ici avant 6 semaines.

¹ Киевской губернії имѣніе Гопчина, откуда написано это письмо. Это имѣніе составляло раньше часть имѣнія гр. Ржевуских (съ 1762) «Погребищеский ключъ», расположенного при м. Погребищахъ, на р. Росії, въ 70 верстахъ отъ Бердичева; село Гопчина (въ 5 верстахъ отъ м. Погребищъ) съ 1828 г. принадлежало дочери гр. А. А. Ржевускаго, Паулинѣ Адамовнѣ Ризничѣ. Въ этомъ селѣ И. С. Ризничемъ была построена въ 1855 г. деревянная православная церковь въ честь Пресв. Троицы и при церкви устроено, при его содѣйствіи, приходское училище — см. Похилевичъ, «Сказание о населенныхъ мѣстностяхъ Киевской губерніи», Киевъ, 1864, с. 263. Въ формулярѣ И. С. Ризничѣ за жену его показано родовое имѣніе въ Киевской губ. Махновскаго уѣзда крестьянъ 492 души муж. пола.

² О детяхъ Ризничѣ см. ниже.

tention. Le comte Orloff grâce à la bienveillance dont nous honore sa belle mère¹ a bien voulu aussi m'assurer de son appui. Voilà où en est maintenant ma position, et l'espoir d'obtenir une place dans le plus grand vague.

Par une lettre que je viens de recevoir de S. Pétersbourg l'on m'annonce que V. E. y était incessamment attendue. Ceci me fait prendre la liberté de recourir à Elle pour la suplier de me pro-téger et si l'occasion se présente de dire de moi ce qu'Elle en sait du tems encore de son séjour à Toulczyn et Odessa et lorsque j'avais l'honneur de l'approcher. Depuis lors je ne dirai rien sur ce qui me concerne si ce n'est que j'appelle Dieu en témoin devant l'assurance que je Vous donne que de ma catastrophe je n'ai retiré qu'une position malheureuse et un surcroit d'engagements pour acquitter les dettes confidentielles comme celles envers les comtes Woronzow et Witt et le général Narichkine.² Ce dernier à qui toute ma vie je porterai la plus vive reconnaissance pour la mani re bienveillante dont il a usé envers moi est le seul qui a daigné entrer dans quelques d間ails et se procurer une connaissance de l'état de mes affaires et de la conduite que j'ai tenu.

Это было послѣднее его письмо къ П. Д. Киселеву. При со-дѣйствіи-ли послѣдняго или, что вѣроятнѣе, по протекціи лицъ, упоминаемыхъ въ этомъ письмѣ, Ризничъ вскорѣ устроился на службу и З. II. 1834 былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ по-рученій при Киевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ, которымъ тогда былъ генераль-адъютантъ графъ Василий Васильевичъ Левашовъ. По представлению генераль-губернатора генераль-адъютанта Д. Г. Бибикова, Ризничъ за-

¹ Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ былъ женатъ на Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовѣ, дочери тайн. сов. Александра Александровича Жеребцова отъ брака его со свѣтѣйшей княжной Александрой Петровной Іошуиной, ко-торая вторымъ бракомъ вышла замужъ за брата П. А. Ризничѣ ген.-ад. графа А. А. Ржевускаго; графиня А. П. Ржевская † 15. II. 1859 и погребена въ Спасо-Преображенской церкви кладбища Фарфорового Завода.

² Генераль-адъютантъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ (р. 5. II. 1785, † 17. XI. 1846), женатый на графинѣ Ольгѣ Станиславовнѣ Потоцкой († 7. X. 1861), сестрѣ С. С. Киселевой.

тѣмъ былъ назначенъ 11. VIII. 1839 Директоромъ Киевской Конторы Государственного Коммерческаго Банка; 28. II. 1841 произведенъ въ коллежскіе совѣтники, 23. IV. 1843 получилъ орденъ св. Станислава 2 ст., 25. II. 1848 назначенъ старшимъ (отъ правительства) Директоромъ Киевской Конторы Банка. Въ этой должности опять указанъ по Адресъ-Календарю на 1849 г., а на 1850 г. въ Адресъ-Календарѣ значится на этомъ мѣстѣ уже другое лицо.

Хлопоты о причислѣніи къ русскому дворянству Ризничъ началь еще 23. I. 1834 г., подавъ по этому поводу прошеніе въ Киевское Дворянское Депутатское Собраліе. Это послѣднее, опредѣленіями своими отъ 24. V. 1838 и 10. VII. 1847, постановило о внесеніи его рода въ IV часть родословной книги. Производство по этому дѣлу было на ревизіи въ Центральной Комиссіи, высо-чайше учрежденной для разслѣдованія дѣйствій депутатскихъ собраній Юго-Западнаго Края, а потому поступило въ Герольдію, которая 24. III. 1848 утвердила опредѣленіе Киевскаго Депутатскаго Собр. съ тѣмъ, чтобы родъ Ризніча былъ перенесенъ изъ IV въ III часть родословной книги (указъ Прав. Сената 15. VI. 1848, № 2220). Въ 1853 году (18. VII) И. С. Ризничъ, проживавшій тогда въ Гончицѣ и имѣвшій чинъ статского совѣтника, ходатайствовалъ въ Сенатѣ объ утвержденіи герба и о выдачѣ ему диплома.¹

Этимъ ограничиваются мои свѣдѣнія о самомъ Ризничѣ. Остается лишь упомянуть, что отъ второго его брака съ

¹ Изъ справки, любезно сообщенной мнѣ В. К. Лукомскимъ, видно, что дипломъ Ризничу изготовленъ не быть, но, согласно представленному мнѣ рисунку, былъ составленъ проектъ герба:

Въ червленомъ поясѣ два серебряныхъ пояса; щитъ увенчанъ дворянскими шлемами въ короною, нашлемникъ — червленое орлиное крыло съ двумя серебряными поясами, память червленый съ серебромъ.

Въ объясненіи къ своему гербу Ризничъ писалъ, что серебряные полосы (они называли ихъ полосами), «употребляемые изъ древле нашимъ родомъ въ память перехода предковъ изъ Гагузской республики, означаютъ двѣ дороги; красный цветъ означаетъ радость, белый же чистоту» (Дѣло Гербового Отдѣленія, 1853 г., № 128).

гр. Пауліной Адамовной Ржевуской у него было пять человѣкъ дѣтей: двѣ дочери и трое сыновей; сыновья были православными, дочери католичками. Старшая дочь *Marija* родилась въ 1828 г. и впослѣдствіи была замужемъ за сенаторомъ графомъ Эдуардомъ Федоровичемъ *Келлеромъ* (р. 1817, † 13. IX. 1893).²

Старшій изъ сыновей — *Степанъ-Адамъ* (двухимелный) родился 10. II. 1829 г. въ Тріестѣ и крещенъ былъ (17. II) въ той же церкви Св. Спиридона, гдѣ крестили его отца; воспріемниками были Михаилъ Вучетичъ и бабка по отцу — вдова Анастасія Ризничъ.³

Вторая дочь — *Александра* родилась 1831 г., была замужемъ за Лепельскимъ предводителемъ дворянства Навлюмъ Станиславовичемъ *Цыхановскимъ*.⁴

Георгій родился 23. IV. 1837 въ Гончицѣ (метр. свид. Киевской Дух. Конс. 10. V. 1838, № 1811), воспріемниками его были ст. сов. Степанъ Христофоровичъ Чарковичъ и помѣщика

² О гр. М. И. Келлерѣ см. въ педагогѣ вышедшихъ въ Берлинѣ воспоминаніяхъ ея дочери: *Gräfin Marie Kellermichels! — Bilder aus einer verschwundenen Welt. Lebendgeglaublichen*, Berlin, August Scherl, s. a. (1922). Между прочимъ гр. М. Э. Клейнмихель сообщаетъ, и свѣдѣнія о сноси. хѣдѣ Ризничѣ (стр. 8), который, по ея словамъ, имѣлъ открытый дочь въ Кіевѣ и гдѣ деревнѣ, быть уѣзданымъ предводителемъ дворянства и за свой счетъ воспитывалъ въ Кіевѣ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, молодыхъ сержантъ, среди которыхъ быть и Милютина Йовановича, будущий Сербскій митрополитъ Михаилъ.

³ Экстрактъ протокола крещенія, при церкви Св. Отца Спиридона въ градѣ Тріестѣ сущей Славено-Сербскаго общества (л. 132, № 409), выданный 25. II. 1829, № 131 и засвидѣтельствованный русскимъ консуломъ въ Тріестѣ 4/16. III. 1829.

Степанъ Ризничъ былъ, повидимому, тутъ студентъ Шѣживскаго института Ризничъ, о которомъ помѣстилъ А. И. Маркевичъ замѣтку въ «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства» 1900 г., № 82. Сынъ его, Иванъ Степановичъ, былъ причисленъ къ роду опредѣляемому Кіевскаго Двор. Деп. Собр. отъ 19. I. 1878. — «Списокъ дворянъ Кіевской губерніи», Кіевъ, 1906, с. 222.

⁴ У нихъ была большая семья: 4 сына и 5 дочерей; изъ послѣднихъ двѣ — *Marija* († 1876) и *Пауліна* († 1911) были послѣдовательно замужемъ за шведскій ген.-лейт. барономъ Вильгельмомъ Шернштедтъ (*Friibert Leonard Wilhelm Stjernstedt*, р. 25. II. 1846), а третья, *Ядвиги* за графомъ Раулемъ де-Форланомъ (*de Forsanz*), бывшимъ французскимъ военнымъ атташе въ Россіи. См. *Adam Boniecki* — «Herbarz Polski», томъ III, W. 1900, с. 158; *Adam Lewenhaupt* — «Sveriges Riddarskaps och Adels Kalender» 1912, р. 1099.

Евгения [sic] Адамовна Ганьска;¹ въ 1854 г. онъ былъ опредѣленъ на службу въ уланскій герцога Нассаускаго (Одесскій) полкъ.

Иванъ родился 13. XI. 1841 въ Кіевѣ (м. кн. Старо-Кіевской Троицкой церкви, свид. Консисторії 22.IV. 1848, № 3190); восприемниками его были ст. сов. Владимиръ Ильичъ Адрониковъ и жена Кіевскаго вице-губернатора княгиня Матильда Октавіевна Кудашева.

A. Сиверсъ.

Англичанинъ о Пушкинѣ зимою 1829—1830 гг.

Томасъ Рэйкъ (Raikes), эсквайръ, какъ напечатано на заглавномъ листѣ книги, изданной имъ въ 1838 году: «A visit to St. Petersburg in the winter of 1829—1830» (London. 1838, 8°), въ письмѣ къ другу, дѣйствительному или мионческому, отъ 24 декабря 1829 года такъ описываетъ свое знакомство съ Пушкинымъ:

«I met last night at Baron Rehansen's the Byron of Russia; his name is Poushkin, the celebrated and, at the same time, the only poet in this country. His fame is established and unrivalled; no competitor attempts to win laurel from his brow. His poems are read with delight by his countrymen, who alone can appreciate their merit; and his labours are no without reward—he can always command ten roubles for every line from his publisher. In such a dearth of literature and literary taste, it will be no great injustice to suppose that his compositions may be overrated by his readers; and, as his genius is no likely to be excited by emulation, they will probably not be voluminous, particularly

«Я встрѣтилъ прошлымъ вечеромъ у барона Р. русскаго Байрона — Пушкина, знаменитаго и, видѣтъ съ тѣмъ, единственнаго поэта въ Россіи. Его слава уставовлена и не имѣть соперниковъ, никто не пытается оспаривать лавры на его челѣ. Его поэмы читаются съ наслажденiemъ его соотечественниками, которые одни способны оцѣнить ихъ; и труды его вознаграждаются — онъ можетъ всегда требовать десять рублей за каждую строчку отъ своего издателя. При такой скучности литературы (существующей) и литературнаго вкуса, нельзя не предположить, что сочиненія его могутъ быть переоцѣнены его читателями; и такъ какъ его гений не возбуждается (подстрекается) соревнованіемъ, они,

¹ Объ обоихъ этихъ лицахъ см. прим. на стр. 95.

as content with his present fame, he seldom has recourse to his muse, except when his finances begin to fail. I could observe nothing remarkable in his person or manners; he was slovenly in his appearance, which is sometimes the failing of men of talent, and avowed openly his predilection for gambling: the only notable expression, indeed, which dropped from him during the evening was this: «J'aime-rois mieux mourir que ne pas jouer». Though a decided liberal, and *sourdement* implicated in the late conspiracy, he has always been treated with great attention and kindness by the Emperor; his muse, also, was enlisted in the revolutionary cause, and produced a poem, which, under such circumstances, no other despotic sovereign could ever have forgotten or forgiven.

It made a great sensation here: it bears the trait of genius; and, as is has never been

вѣроятно, не очень объемисты, частью потому, что онъ, будучи доволенъ своею славою, рѣдко обращается къ своей музѣ, кроме тѣхъ случаевъ когда его денежныя средства приходять въ упадокъ. Я не замѣтилъ ничего особеннаго въ его личности и его манерахъ; внешность его неряшива, этотъ недостатокъ является иногда у талантливыхъ людей, и онъ откровенно сознается въ своемъ пристрастіи къ игрѣ: единственное примѣчательное выражение, которое вырвалось у него во время вечера, было такое: «J'aimerais mieux mourir que ne pas jouer». Хотя рѣшительный либералъ и *sourdement* замѣщанный въ послѣднемъ заговорѣ, онъ постоянно пользовался внимательнымъ и ласковымъ отношеніемъ императора; его музѣ также причаста къ революціонной дѣятельности и произвела стихотвореніе, которое, при существующихъ обстоятельствахъ, ни одинъ деспотический государь не могъ бы никогда забыть или простить.

Оно произвело здѣсь сильное впечатлѣніе и носитъ отпечатокъ геніальности; такъ какъ

printed, I have obtained a copy of the French translation. оно никогда не было напечатано, то мы сообщали его во французскомъ переводе.¹

«Le Poignard».

«Le dieu de Lemnos t'a forgé pour les mains de l'immortelle Nemesis. Oh! Poignard vengeur, mystérieux gardien de la liberté, dernier juge de la violence et de l'opprobre. Lorsque la foudre divine est muette, lorsque le glaive des loix est rouillé, tu brilles, tu viens réaliser les espérances ou les malédictions.

«L'ombre du trône, la pourpre des habits de fête, dérobent en vain ton éclat aux regards du scélérat que tu menaces! son œil épouvanté te presse et te cherche au milieu des rcpas splendides. Tes coups inévitables le trouvent et sur les routes, et sur les flots, près des autels, et sous la tente; malgré le rempart des verroux, et sur un lit de repos, et dans les bras de sa famille.

«Le Roubicon sacré bouillone, franchi par César; Rome succombe; la loi n'est plus qu'un vain fantôme! Soudain Brutus se lève, et César meurt, abattu au pieds de Pompée, que rejouit son dernier soupir.

«De nos jours la Proscription ténébreuse, enfant de la Révolte, pousoit des cris sanguinaires. Un bourreau hideux veilloit auprès du cadavre mutilé de la liberté nationale: cet apôtre du carnage envooyoit les plus nobles victimes à l'Enfer insatiable, mais le tribunal des lieux te remit à l'Eumenide vengeresse.

«Oh, Sand! martyr de l'indépendance, meurtrier libérateur! Que le billet soit le terme de ta vie, la vertu ne consacre moins ta cendre proscrite: un souffle divin s'y conserve encore; ton ombre couragene plane sur le pays si cher à ton coeur, elle ménace toujours la force usurpatrice; et sur ton auguste mausolée brille, au lieu d'épitaphe, un poignard sans inscription»

Under so arbitrary a go- При такомъ неограничен-
vernment I know not which is помъ правительствъ я не знаю,

¹ Переводъ этого взяты цѣликомъ изъ книги Ancelot: «Six mois en Russie», изд. въ Брюсселѣ въ 1827 (стр. 284), бывшей въ библиотекѣ Пушкина. Ред.

most extraordinary,—the audacity of the poet who composed, or the magnanimity of the sovereign who overlooked, such a violent and treasonable production.”¹

¹ At the time these letters were written, Poushkin was still one of the disaffected at Petersburg; but the Emperor, wishing to encourage his talent, gradually drew him nearer to his person: he pardoned some other exceptional productions; and at last bound him, by a promise, not to publish any verses without previously submitting them to his perusal. He then made him one of his chamberlains, and treated him with great favour. Poushkin was now in the road to prosperity; he married a young lady of great beauty, but this marriage has lately produced the most fatal consequences. In February last the public papers announced the following catastrophe: “The celebrated Poushkin the most distinguished poet of Russia, has been killed in a duel at S. Petersburg, with his brother-in-law Mr. d’Anthes, a French officer in the Russian service, and adopted son of a foreign minister accredited to this court. The quarrel, which has terminated so fatally, originated in some family disputes. The deceased survived his wound only about two hours; his adversary has also been seriously wounded. The foreign minister, o whom allusion was made, is Mr. Haekert, the representative of Holland in S. Petersburg. This event produced a great sensation in society: the Emperor was sorely afflicted, and Mr. d’Anthes was condemned by a Russian court-martial to the rank of a private; but, being a foreigner, was sent out of the country.

чему больше удивляться: смѣлости ли поэта, который написалъ такое дерзкое и преступное стихотвореніе, или же великодушію государя, который отнесся къ нему снисходительно». ¹

¹ Въ то время когда эти строки были написаны, Пушкинъ продолжалъ оставаться на замѣчаніи; но императоръ, желая ободрить его талантъ, постепенно приближалъ его къ своей особѣ: онъ извѣнѣнъ ему нѣкоторыя другія предосудительныя произведенія и съзывалъ общѣщаніемъ не печатать стихій, не представивъ ему предварительно для просмотра. Затѣмъ сдѣлалъ его камергеромъ (*sic!*) и относился къ нему съ болѣшимъ расположениемъ. Пушкинъ былъ теперь на пути къ благополучию; онъ женился на молодой особѣ замѣчательной красоты, но этотъ бракъ въ концѣ концовъ имѣлъ самыя роковыя послѣдствія. Въ февралѣ (1837 г.) газеты сообщили о схѣдующей катастрофѣ: «Знаменитый Пушкинъ, самый замѣчательный Русскій поэтъ, былъ убитъ на дуэли въ С.-Петербургѣ своимъ своякомъ, Дантеомъ, французскимъ офицеромъ, на русской службѣ и пріемнымъ сыномъ иностранного министра при Русскомъ дворѣ. Сюда, которая такъ печально кончилась, возникла изъ-за семейныхъ несогласій. Пушкинъ жилъ только два часа (*sic!*) послѣ получения раны; его противникъ былъ также серьезно (*sic!*) раненъ». Иностранный министръ — это Геккертъ (*sic!*), представитель Голландіи въ С.-Петербургѣ. Это событие произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ: императоръ былъ весьма огорченъ, и Дантеъ по приговору суда былъ разжалованъ въ рядовые, но,

Въ письмѣ отъ 1 марта 1830 года мы читаемъ:

«The other night in society the conversation turned on murders, which are not unfrequent among the lower orders here, though seldom mentioned, as the very limited public press never takes any cognizance of such events. Poushkin, the poet, said with much gravity: «Le plus interessant assassin, que j’ai jamais connu, étoit un domestique, que j’avois il y a quelque temps».

It appears that this man had committed eight murders with impunity, the ninth was detected, and his confession was to the following effect:

«He had hired a sledge at Tzarskoe Zeloe (*sic!*) for a course, which was to cost him fifty copecks. During the drive, he began to reflect that if he killed the Ishvoskuick (*sic!*) (or coachman), he should certainly save the fare and perhaps find some money in his pocket. He, therefore, very quietly took out his knife, stabbed him in the back, and then cut his throat. On

He was a young man of distinguished manners; and, but for this melancholy circumstance, would have attained a high rank in the service.

«Какъ то вечеромъ въ обществѣ разговоръ зашелъ объ убийствахъ, которыя здесь не рѣдки въ низшихъ классахъ общества, хотя рѣдко упоминаются въ здѣшней очень незначительной газетной печати, которая не получаетъ свѣдѣній о такихъ происшествіяхъ. Поэтъ Пушкинъ сказалъ весьма серьезно: «Le plus, etc.»

Повидимому, этотъ человѣкъ безнаказанно совершилъ восемь убийствъ, девятое было раскрыто и онъ сдѣлалъ такое признаніе:

«Въ Царскомъ Селѣ онъ нанялъ сани для поѣзки, которая обошлась бы ему въ 50 копеекъ. Во время юзды онъ сталъ соображать, что если онъ убьетъ извозчика, то онъ конечно сбережетъ себѣ плату за проѣздъ и, быть можетъ, найдетъ сколько нибудь денегъ въ его карманѣ. Ради этого онъ очень спокойно вынулъ ножъ, ударилъ имъ извозчика въ спину и затѣмъ перевѣтъ качествѣ иностранца, выславъ за гравицу. Онъ былъ молодой человѣкъ, весьма воспитанный, и, не будь такого грустнаго события, онъ достигъ бы высокаго положенія на службѣ.

rifling the wretched driver, he found only twenty-four copecks: he, therefore, murdered a fellow-creature on calculation for the sum of about eight pence sterling». рѣзаль ему горло. Ограбивъ несчастнаго, онъ нашелъ только 24 копейки, следовательно онъ убилъ человѣка изъ за денегъ счетомъ около восьми пенсовъ».

Приблизительно черезъ годъ послѣ знакомства Пушкина съ Рэйксомъ, вышла въ свѣтъ, какъ извѣстно, восьмая глава «Евгенія Онѣгина». Быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ имѣнія этого знакомства, Пушкинъ писалъ:

И путешеſтвиkъ залетный,	Своей осанкою заботной.
Блестящїй Лондонскій нахаль,	И молча обмыненный взоръ
Гостей ушьбу вызывалъ	Ему былъ общий приговоръ.

Въ другой редакціи: вмѣсто «блестящій Лондонскій нахаль» — «Перекрахмаленный нахаль». Интересно сопоставить это выражение Пушкина съ отзывомъ Рэйкса о неряшливої его виѣшности.

Въ «Британской Энциклопедіи», изданія 1886 г., о Томасѣ Рэйксе вѣтъ ни слова. Для чего онъ предиринималъ утомительную и опасную въ 1829 г. поѣздку зимою чрезъ Германію и Прибалтийскія губерніи въ С.-Петербургъ, догадаться трудно; изъ книги видно, что ему приходилось переправляться черезъ Вислу и ся рукавъ, во время зимняго ледохода, съ огромными усилиями, а затѣмъ ѿхать, сбиваясь съ дороги, почю по песчаной коеѣ, покрытой снѣгомъ, между моремъ и Куриль-Гачомъ. Въ Петербургѣ онъ остановился у Англійского посланника и врацался въ высшемъ обществѣ столицы. Очевидно, что онъ прїезжалъ не съ торговыми цѣлями и едва ли какъ туристъ-любитель, который, конечно, отложилъ бы такую поѣздку до лѣтняго, болѣе благопріятваго времени.

Изъ предисловія къ книгѣ видно, что авторъ интересовался организаціей государственной власти въ Россіи и жизнью Русскаго общества, въ виду того, что, по мѣрѣ развитія силъ Россіи и мірового ея значенія, «она начинаетъ вліять на реальные интересы Великобританіи».

C. Глинка.

Литературный обѣдъ у Смирдина съ участіемъ Пушкина.

Въ грандіозную мозаичную картину «Пушкинъ и его современники» можно внести еще одинъ цветной кусочекъ — воспоминаніе М. Е. Лобанова о Смирдинскомъ обѣдѣ, бывшемъ 19 февраля 1832 года.

Хранится оно въ Публичной Библіотекѣ, въ собраніи рукописей П. Н. Тиханова, и написано М. Е. Лобановымъ на двухъ листахъ (въ поль-листъ) такимъ образомъ, что листы раздѣлены пополамъ вертикально, причемъ на лѣвой половинѣ идетъ текстъ, а на правой пропуски и примѣчанія. Бумага имѣеть водяные знаки: наверху — 1820, во двѣ цифры на листѣ и «вверхъ ногами» по отношенію къ тексту; на первомъ листѣ буквы Я. И. И., на второмъ В. Ф. С.

Воспоминаніе это Лобановъ, повидимому, собирался расширять въ маленькое изслѣдованіе о ростѣ книжныхъ лавокъ и съ ними — роста интереса къ чтенію русской публики, но желаніе это почему то имѣеть не было исполнено, такъ какъ мѣста, где требовались цифровыя или фактическія данныя, имѣеть не заполнены; поэтому воспоминаніе имѣетъ характеръ наброска, — во всякомъ случаѣ достаточно интереснаго. Конечно, нельзѧ не пожалѣть, что въ описаніи «обѣда» больше мѣста удѣлено Булгарину и братіи, чѣмъ

Пушкину, Жуковскому, Крылову и др., но, вѣроятно, для Лобанова разговоры съ Гречемъ и Булгаринымъ имѣли большее значеніе, чѣмъ многое другое, происходившее на «обѣдѣ».

Вотъ это воспоминаніе:

«Обѣдъ у книгопродавца А. Ф. Смирдина.

19 февраля 1832 года.

Въ нашемъ отечествѣ все движется впередь исполненскими шагами. Многіе помнятъ еще, что въ Петербургѣ въ 1786 году была одна только книжная Русская лавка или, лучше сказать, будка въ домѣ, что нынѣ Соборовъ, хозяинъ ея былъ Иванъ Петровичъ Глазуновъ, а прикащикъ Г. Сошкиковъ, издавшій въ послѣдствіи: Библіографію. — Отъ этой бѣдной прародительницы въ 48 лѣтъ расплодились Русскія книжныя лавки и магазины числомъ до...¹.

Тогда писатели довольствовались одною славою или только известностію, и дарованіе ихъ собирало одни похвалы и уваженіе современниковъ; нынѣ присоединяются къ тому значительныя выгоды, обезпечивающія ихъ состояніе.

Ломоносовъ и Державинъ едва ли собрали какіе плоды за ихъ безсмертныя произведенія: сей послѣдній разсказывалъ своимъ приятелямъ, что, желая, по просьбѣ супруги своей, расчистить свой садъ и привести его въ нѣкоторый порядокъ, онъ слагалъ каждое утро, во время пурпурія и хитрой того времени причесіи, по одному небольшому стихотворенію и издалъ ихъ съ прибавленіемъ вѣкоторыхъ другихъ подъ заглавиемъ Анакреонтическія стихотворенія и, продавъ оныя за 300 рублей книгопродавцу, употребилъ на устройство своего сада. Нынѣ Г. Пушкину платили по червонцу за стихъ; Загоскину за Рославлева книгоизро-

давцы дали 40,000 рублей; Булгаринъ тремя романами: Иванъ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ, Петръ Ив. Выжигинъ собралъ... Ив. Андреевичъ Крыловъ составилъ изданіями своихъ басенъ до 100,000 рублей. Нынѣ Смирдинъ предлагается ему за каждую новую басню безусловно по 300 рублей и¹ если оть напишеть въ мѣсяцъ двѣ басни, то будетъ имѣть въ годъ 7200 рублей доходу, что совершило бы его существованіе, если бы даже онъ и не имѣть другихъ доходовъ. Таковы успѣхи Словесности и книжной торговли въ послѣднее 50-лѣтіе.

Книгопродавцы наши, богатыя и доставляя писателямъ выгоды, чувствуютъ пользу сближенія съ ними. У насъ еще нѣть Диотовъ и, кажется, еще опасно было бы теперь отважиться на роскошныя изданія, но А. Ф. Смирдинъ есть, безъ сомнѣнія, предшественникъ грядущаго Русскаго Диота. Можетъ быть еще при жизни нашей мы увидимъ великолѣпныя изданія Ломоносова, Державина, Крылова и др.

Г. Смирдинъ, перемѣстивъ свою лавку отъ Синаго го моста на Невскій проспектъ, пригласилъ всѣхъ Русскихъ Литераторовъ, находящихся въ Петербургѣ, праздновать свое новоселье — на обѣдь.

Въ пространной залѣ, которой стѣны уставлены книгами — это зала чтенія — накрыть былъ столъ для 80 гостей. — Въ началѣ 6-го часа сѣли пировать. — Обѣдъ былъ обильный и въ отношеніи ко вкусу и опрятности довольно хороший. — Это еще первый не только въ Петербургѣ, но и въ Россіи по полному (почти) числу писателей пиръ и стѣдевательно отмѣнно любопытный; тутъ соединились въ одной залѣ и обиженные и обидчики, тутъ были даже ложные допосчики и лазутчики.

Нѣкоторые Литтераторы не могли участвовать въ обѣдѣ и

¹ Написано — «сторѣвъ ить 25», но зачеркнуто.

¹ Отъ «и ссли» до «Таковы» все зачеркнуто.

обещались послѣдѣй. — Еще не дошло до половины трапезы — являлся Гр. Д. И. Хвостовъ, раздаєтъ письменные экземпляры своихъ стиховъ: *Новоселье А. Ф. Смирдина*. —

— Гречь читаетъ ихъ собранию, раздаются рукоплесканія и крики: фора!

А. Ф. Воеиковъ читаетъ ихъ вторично и вторично привѣтствуютъ изумленнаго Автора. — Стихи, къ удивленію, не дурны, приличны слушаю, и нѣтъ въ нихъ ни одной глупости. — Авторъ, обстрѣянный въ долголѣтніхъ литературныхъ походахъ и сатирами и эпиграммами, въ сущности не зналъ, что думать ему объ этомъ пріемѣ: вѣрить ли чистосердечно, или пришить за настышку? . . .

Рукоплесканіе было дѣйствительно не злобное. Мирное, пріятное собраніе не расположено было къ оскорблению ближняго. Графъ обошелъ весь столъ, со всѣми разговаривалъ, но очень былъ разсѣянъ, дѣлалъ несвязные вопросы и давалъ странные отвѣты. Восторгъ, волновавший все его существо, еще не уходилъ. — Онъ скоро уѣхалъ; вѣроятно, какія-нибудь проказы слабаго естества его принудили его къ тому. Между тѣмъ пріѣхалъ В. А. Жуковскій и присѣлъ подлѣ Крылова.

— А. С. Пушкинъ сидѣлъ съ другой стороны подлѣ Крылова.

Провозглашенъ тостъ: Здравіе Г. Императора, Сочинителя прекрасной книги: Уставъ Цензуры! сказанный Гречемъ, — и раздалось громкое и усердное ура! — Чрезъ нѣсколько времени: Здравіе И. А. Крылова! — Единодушно и единогласно громко привѣтствовали умпаго Басноисца, по справедливости занимающаго первое мѣсто въ нашей Словесности.

И. А. всталъ съ рюмкою шампанскаго и хотѣлъ предложить здоровье Пушкина: я остановилъ его и щепнулъ его¹ довольно громко: здоровье В. А. Жуковскаго: и за здоровье Жуковскаго

усердно и добродушно было пито, потому уже здоровье Пушкина!

Здоровье И. И. Дмитріева, Батюшкова, Гнѣдича и др.

Я долгомъ почелъ удержать добродушнаго Ив. Анд. отъ ошибки какого то разсѣянія и возстановить старшинство по Литературнымъ заслугамъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что заслуги Г. Жуковскаго,¹ по сіе время, выше заслугъ Г. Пушкина.²

¹ Вскорѣ, именно въ 1835 г., Лобановъ сильно разсердился на Жуковскаго и съ тѣхъ порь старайтъ отзываться о его умѣ и способностяхъ очень дурно. Яблокомъ раздора послужила трагедія Лобанова — «Борисъ Годуновъ», о которой Жуковскій сказалъ самому Лобанову (и, навѣрно, въ этоѣ же духѣ, но болѣе откровенно, государю), что «она очень хороша для чтенія», но не для представлія. На этотъ отзывъ Лобановъ, со свойственною ему обидчивостью и рѣзкостью, отвѣтилъ:

— «В. А. Еѣ кабинетѣ мудрено рѣшать такой вопросъ. Это нахобно представить публикѣ. — Недавно вы хлопотали обѣ Осадѣ Пскова, трагедія Бар. Розена, вы содѣствовали ея блестящему представлію, вы даже предсказывали рѣпитеильный успѣхъ, — а что же вышло? — Трагедія рѣпитеильно упала, не выдержавъ и трехъ представлений.

Ж. Это для меня загадка.

Л. А для меня загадка: почему моя пьеса не можетъ быть играна».....

«Писаль бы ты, подумалъ я, твои баллады да кой какія пѣснѣкія побасенки, а не совался бы судить о томъ, что выше твоего ума, и не мѣрилъ бы балладическімъ твоимъ прічиною произведеній Русскаго ума и сердца».

И дальше, въ этомъ же письмѣ, онъ называетъ Жуковскаго Жукуткой, злодѣемъ и даже Сатаною, чтѣ, пожалуй, одинъ только Лобановъ и могъ сказать про Жуковскаго.

² Отношенія и отзывыъ Лобанова о Пушкинѣ очень вѣяны; въ припадкѣ запальчивости и непрѣзини онъ могъ о комъ угодно отзываться несправедливо, какъ это уже мы видѣли изъ отзыва его о Жуковскомъ. Такъ и о Пушкинѣ, въ томъ же письмѣ, изъ котораго я привелъ предыдущій отрывокъ, онъ пишетъ: «Послѣ этого дѣло у моей трагедіи будетъ яснѣе. — Могъ ли переварить се Жуковскій въ своемъ желудкѣ? Жуковскій, столько сдѣлавшій мнѣ добра, какъ мы видѣли, Жуковскій, пріятель Пушкина, (автора) котораго писеу: Борисъ Годуновъ онъ пренозносилъ и ю усаждалъ тупой свой разумъ».... «Нѣты!.. Онъ хотѣлъ ее зарѣзать однѣмъ разомъ (принѣчаніе: прі-

¹ Вѣроятно, оптика.

Послѣ того были тосты: память Ломоносова, Державина, Карамзина, Кантемира, Озерова, Богдановича и др.

До сихъ поръ все шло чинно, благоразумно и благоприятно. — Но какъ въ столь многочисленномъ собраніи Авторовъ, частію задорныхъ, а особливо самолюбивыхъ, не возможно, чтобы не разыгрались наконецъ и буйныя страсти, мы вдругъ услышали изъ нечистаго рта Воейкова тостъ: Сумарокова, Тредьяковскаго и Шишкова, и въ ту же минуту раздалось: (*à bas*) не надо. —

Крикунъ или крикуновъ этихъ не знаю.

— Пользуясь минутою опозорить журнального своего противника, Гречъ тотчасъ предлагается: Здоровье А. Ф. Воейкова, и тутъ же загремѣло грозное *не надо!*

Не для того пригласилъ Смирдинъ къ себѣ въ гости, чтобы произвести подобныя сцены; не для того собрались почтевые Литтераторы, чтобы видѣть ихъ; но гдѣ Булгаринъ, Гречъ и Воейковъ, первый буйный полякъ, второй крикливыи и безхарактерный полу-пѣмецъ, а третій — демонъ, — тамъ неизбѣжны такія зрѣлища. Они тѣ же въ обществѣ, какъ въ журналахъ, т. е. неистовые и сумазбродные гаяры.

Кромѣ сей выходки г. Воейкова, который хотѣлъ опозорить не, скажу знаменитаго, но трудолюбиваго писателя, а болѣе —

говаривая, вѣроятно, какъ смѣть, исхѣлъ Пушкина, написать Бориса Годунова! и кому же: Лобанову!».

Если разбирать эти слова только съ цѣлью извлечь логическое заключеніе, безъ какого-либо психологического фона, то, конечно, тупой умы едва ли становятся услаждающимъ произведеніемъ искусства. Отсюда — и «Борисъ» Пушкина — произведеніе для тупоголовыхъ. Но едва ли Лобановъ думалъ такъ въ дѣйствительности, такъ какъ въ примѣчаніи онъ, вѣроятно, самъ не ожидалъ, ясно говорить, между строкъ, о *некромбимо-высокомъ* положеніи Пушкина среди маленькихъ писателей — его современниковъ.

Но, конечно, это все заключенія косвенные; изъ документовъ же о Лобановѣ, которые я видѣлъ, нельзя извлечь ничего точнаго, дающаго возможность ясно характеризовать взгляды и отношенія Лобанова къ Пушкину.

честнаго человѣка и самъ понесъ заслуженный позоръ въ глазахъ общества Писателей и тотчасъ исчезъ, все послѣ обѣдненіе время до поздняго вечера пропало спокойно: кой-гдѣ были небольшія вспышки, задирки, объясненія; но вообще господствовало дружелюбіе.

Гречъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Старый мой пріятель, кто-то изъ настѣ измѣшилъ?»

— Не я, былъ мой отвѣтъ; я не измѣнялъ дружбы.

Булгаринъ, съ которымъ прекратилъ я даже и пляниное знакомство съ тѣхъ поръ, какъ онъ продалъ душу свою чорту, пѣсколько разъ лавировала около меня, наконецъ, спросилъ о моемъ и жены моей здоровыи и получивъ учтивый, но сухой отвѣтъ. Снова въ другой разъ... ко мнѣ и сказалъ: я никогда противъ васъ не писалъ. — Я и не жалуюсь на васъ.

— Я писалъ противъ перевода Рачина, не оскорбляя вашего имени.

Однакожъ, переводчикъ Федры и Ифигенія¹ не можетъ не принять... впрочемъ порицанія журналистовъ не ушибъ, а похвалы не возвысятъ достоинства.

— Вотъ листъ, сказалъ онъ, на которомъ всѣ гости подписью своею обязались доставить Г. Смирдину пѣсы для изданія альманаха² въ его пользу.³

¹ Вторая жена Лобанова — Ольга Карловна (родж. Вульферть), пишетъ, что любимыми писателями Лобанова были Ломоносовъ и Расинъ, что первыи его перевозъ изъ «Ифигеніи въ Авалиѣ» одобрили Гнѣдичъ, Багюшковъ и др., что Лобановъ читалъ его у пр. А. С. Строганова, А. Н. Оленина и у Державина; И. И. Дмитровъ, самъ дѣмаль къ нему примѣчаній; Нелединскій читалъ его императрицѣ Маріи Федоровнѣ; трагедія держалась на сценѣ съ 1815 г. по 1823 г. «Федра», въ переводе Лобанова, была представлена «на театрѣ» 9 ноября 1823 г.

² Въ альманахѣ, изданнымъ въ 1832 году въ память Смирдинскаго новоселья, участвовалъ и М. Е. Лобановъ. На гравированномъ фронтеписѣ изображена сцена Смирдинскаго обѣда, съ портретно-скожими фигурами Крылова, Пушкина, Хвостова, Булгарина, самого Смирдина и др.

³ Даѣте зачеркнуто: «я подписалъ на него свое имя, сказавъ».

— Я дамъ отрывокъ изъ моей Трагедіи.
— Вы пишите Русскую Трагедію? вскричалъ Булгаринъ.
— Да.
— Какую?
— Когда кончу, тогда скажу — я не люблю хвастать при начальѣ, помня, что копія дѣлу вѣнецъ. Я пошелъ къ столу и подписалъ на листѣ мое имя.
Гости разошлись въ половинѣ 11-го часа.

Сообщилъ К. Шимкевичъ.

Письмо о дуэли и смерти Пушкина.

Въ перепискѣ моего отца съ однѣмъ его другомъ — Варварою Михайловною Похвисневою, судя по ея письмамъ, приглаждавшею къ помѣщичьей семье, проживавшей то въ деревнѣ Тульской губ., Ефремовскаго уѣзда, то въ Москвѣ, я встрѣтилъ одно письмо, имѣющее отношеніе къ смерти Пушкина. Это письмо написано было В. М. Похвисневою изъ Москвы 12 февраля 1837 г. и послано было въ Рязань отцу моему, тогда капитану Арештсвѣву, служившему, какъ это видно изъ адреса, въ Бѣлевскомъ егерскомъ полку. Оно служитъ продолженіемъ письма, начатаго и написанаго 10 февраля, по оставленнаго дома до наступленія, какъ выражается корреспондентка, почтоваго дня. Сообщаю это второе письмо въ дословной копіи съ сохраненіемъ орографіи и пунктуациії.

«Поговоривъ съ вами о себѣ я хочу еще поговорить вмѣстѣ съ вами обѣ общій важной потери. — Вѣрно до васъ достигла роковая вѣсть о смерти Пушкина! Къ несчастью она слишкомъ справедлива!.. Онъ имѣлъ дуэль съ французскимъ маркизомъ Дантесямъ, и мѣткая пуля противника похитила у насъ нашего Генія, нашу народную славу! — Да, это отечественная потеря, и чье Русское сердце не содрогнется при мысли что у насъ пѣтъ больше нашего Пушкина — поэта! и Пушкина будущаго историка! Вы знаете, что послѣдніе годы жизни онъ совершилъ посвятить себя трудамъ историческимъ, и какъ говорятъ достойно писалъ исторію Великаго Петра! Все кончено!

Знаете ли Вы причину дуэли? Я могу Вамъ вѣрно сообщить ее. Городская молва и праздность Петербургскихъ салоновъ возму-

тили домашний покой Поэта-мужа; его закидали пасквилями, передавая съ городской почтой, и со всею юдостью насмѣшкой называли его счастливымъ соперникомъ Данте, уже жившаго на Гончаровой, родной сестрѣ Пушкиной, — назначили также мѣсто ихъ частыхъ свиданій въ домѣ голландскаго посланника Гекерна, который усыпилъ Данте. Взбунтованный ревностью, пылкій поэтъ написалъ оскорбительное письмо къ посланнику и былъ вызванъ Дантесомъ, какъ его сыномъ. Дуэль была назначена смертной, они сошлись на 8-ми шагахъ, и выстрѣль Данте повергъ Пушкина на землю, онъ же ослабѣвъ спустилъ курокъ и только ранилъ его въ руку. — Пушкинъ жилъ еще два дня, но въ лютыхъ страданіяхъ. Вчера я читала письмо П. А. Вяземскаго (нашего извѣстнаго литератора); онъ подробно описываетъ всѣ слова умирающаго, бывшъ неотлучно при немъ съ Жуковск. и Велигурск. Представьте себѣ, какое благородное великодушіе оказалъ онъ! Первое слово было къ женѣ: «ты ни въ чемъ не виновата, будь покойца, я счастливъ, что еще съ тобою» — и предъ всѣми присутствующими старался оправдать ее, — тогда какъ ее преступленіе было всѣмъ хорошо извѣстно, — и на нее теперь пала кровь его! Какая преступная женщина! Онъ просилъ Арендта сказать срокъ его жизни и тотъ безошибочно назначилъ два дня. — Онъ просилъ его ещеѣхать къ Государю и просить прощеніе ему и полк. Данзасу его секунданту и вѣѣть другу. Покамѣстъ Арендтъ не возвращался, больной твердилъ: «простить ли Государь моего Данзаса?» Потомъ говорилъ: «жду Арендта и Царскаго слова чтобы умереть спокойно»... Арендтъ возвратясь привезъ ему записку написанную карандашемъ Самимъ Императ.:¹ «если Богъ не приведетъ свидѣться въ здѣшнемъ мірѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ умереть христіаниномъ. Дѣтей и жену беру на свои руки». — Пуни-

¹ Это указаніе на записку Николая I любопытно по сообщаемому Пехвиснѣеву тексту; см. статью Ю. Г. Оксмана въ сборникѣ: «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Б. Л. Модзалевскаго, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цвяловскаго», Атеней, 1924, стр. 57—58. Ред.

кинъ отвѣталъ на это: „скажите Государю, что жалѣю о потерѣ жизни потому лишь что не могу ее посвятить ему, я весь былъ его“. — Полк: Даваешь спрашиваль не препоручить ли ему докончить съ Дантесомъ, но онъ отвѣтилъ: „прошу тебя не мсти, я прощаю имъ, хочу умереть христіаниномъ“.

О! какое лицемѣрное уныніе разлито на всѣхъ лицахъ, всѣ мысли, разговоры полны одиѳъ, никто еще не привыкаетъ къ мысли что нѣть болѣе Пушкина!...

Теперь закончу просьбой: если есть досужное время, напишите мнѣ о вашемъ здоровье и не сердитесь. Будьте же здоровы и покойны сколько желаетъ сего Вашъ истинно преданная Варвара Пехвиснѣева».

Это письмо отражаетъ въ себѣ впечатлѣніе, произведенное смертью Пушкина на рядового образованнаго человѣка того времени и въ концѣ указываетъ на настроеніе, созданное этимъ событиемъ у многихъ образованныхъ людей въ Москвѣ.

Интересно сопоставить съ нимъ отзывъ на смерть Пушкина тоже образованнаго человѣка, по принадлежавшаго къ другому поколѣнію — свѣтѣйшаго князя М. С. Воронцова, бывшаго тогда новороссійскимъ генераль-губернаторомъ. Фактъ сообщенъ былъ мнѣ Одесскимъ старожиломъ Ник. Григ. Тройницкимъ. Николай Григорьевичъ былъ большимъ любителемъ литературы и самъ былъ причастенъ къ ней. Въ тридцатыхъ годахъ онъ редактировалъ «Одесскій Вѣстникъ», бывшій тогда официальнымъ органомъ генераль-губернатора. На праздникѣ въ Одессѣ, въ честь открытия въ Москвѣ памятника Пушкину, Тройницкій, по просьбѣ Новороссійского Университета и Одесскаго Славянскаго Общества, прочелъ свое стихотвореніе, посвященное Гоголю, съ которымъ онъ лично былъ знакомъ и у котораго былъ вѣѣть съ Львомъ Сергеевичемъ Пушкинымъ въ то время, какъ, по возвращеніи изъ Италии, Гоголь нѣкоторое время жилъ въ Одессѣ.

Во время совѣщаній относительно устройства праздника въ честь Пушкина Новороссийскимъ Университетомъ и Славянскимъ Обществомъ (состоявшагося 6 июня 1880 года) Тройницкій рассказалъ мнѣ, что въ Февралѣ 1837 года, когда была получена въ Одессѣ вѣсть о смерти Пушкина, онъ тотчасъ же подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ написалъ для «Одесского Вѣстника» замѣтку, посвященную памяти поэта, и сейчасъ же побѣжалъ къ Воронцову за разрѣшеніемъ ея напечатанія. Прочитавъ замѣтку, Воронцовъ сказалъ: «Можно печатать, но не много ли это». — «Мало, Ваше Сиятельство», возразилъ Тройницкій. Въ отвѣтъ на это Воронцовъ добавилъ: «Вѣдь были у насъ великие поэты, Ломоносовъ, Державинъ..., куда же Пушкину до нихъ».

Въ этомъ короткомъ разговорѣ вскрывается прошность, отдѣлявшая два поколѣнія въ ихъ возврѣніяхъ на Пушкина.

Г. Асанасьевъ.

Упоминанія о Пушкинѣ и его произведеніяхъ въ „Колоколѣ“ Герцена.

- 1) «Колоколъ» 1851 г., 1 августа, № 2, стр. 15. Изъ Петербурга (письмо къ издателю): «...Или Правительство думаетъ, что Пугачевскій бунтъ былъ таковъ, какимъ представляется его Пушкинъ въ своей сказочной исторіи?»
- 2) Тамъ же, стр. 17. Москва и Петербургъ [перепечатка статьи Герцена]: «Тамъ [т. е. въ Петербургѣ] издаются журналы, тамъ цензура умнѣе, тамъ писалъ и жилъ Пушкинъ, Карамзинъ...»
- 3) 1 декабря, № 6, стр. 47. Западныя Книги [статья И—ра]: цитируются стихи Пушкина

Акажись не подобаетъ
Лудуку такая честь?

Пушкинъ.

- 4) 15 сентября 1858, № 24, стр. 200. Въ объявленіи объ изданіи Записокъ Екатерины II цитируется стихотвореніе Пушкина: «Тутъ (т. е. въ Запискахъ) въ зачаткахъ, въ распускающихся почкахъ можно изучить ту женщину, о которой Пушкинъ сказалъ:

Насильно Зубову мила
Старушка милая жила
Пріятно, по насыщеннѣ блудно,
Вольтеру лучшій другъ была,

Писала прозу, флоты жгла
И умерла, салась на судно.
И съ той поры въ Россіи жла,
Россія бѣдная держава,
Съ Екатериной прошла
Екатеринская слава».

5) 1 января 1860 г., № 60, стр. 494. Въ статьѣ Герцена: «1860 годъ»: «Что звачть высочайшее повелѣніе не аплодировать профессорамъ?... И зачѣмъ государь пополнишь должностъ педеля и инспектора?... Какъ иначе Пушкинъ разумѣлъ царское достоинство, заставивъ Годунова сказать сыну, что слово государя, какъ благовѣсть должно только раздаваться, возвѣщая великое событие или великое несчастіе».

6) 1 марта 1860, № 64, стр. 534. Письмо изъ провинцій, подписанное «Русскій человѣкъ»; говоря о неправильной тактикѣ Герцена по отношенію къ императору Александру II, авторъ письма писалъ: «Такъ обольстиль, по разсказу Мицкевича, Николай I Пушкина. Помните ли этотъ разсказъ? Когда Николай призвалъ къ себѣ Пушкина и сказалъ ему: «Ты меня напавши за то, что я раздавилъ ту партію, къ которой ты принадлежалъ, но вѣрь мнѣ, я также люблю Россію, я не врагъ Русскому народу, я ему желаю свободы, по ему нужно сперва укрѣпиться»...»

7) 15 апреля 1860 г., №№ 68 и 69, стр. 567, въ статьѣ: «Письмо изъ Россіи»: ...«Грустно, грустно и грустно! Не пришлось бы Россіи сказать Александру Николаевичу, какъ сказала Татьяна Онѣгину: «А счастье было такъ возможно, такъ близко»

8) 15 мая 1860, № 71, стр. 593, въ статьѣ: «Библіотека дочь Сенковскаго»: «Много смѣшного, искѣшаго, уродливаго является въ нашемъ литературно-ученомъ мірѣ, мы никогда не затрагиваемъ этихъ сторонъ. Что за бѣда, если люди, не смѣвшіе громко сказать слово при трехъ свидѣтеляхъ, теперь рѣшаютъ публичными спорами — ариѳметические и этнографические вопросы. Что за бѣда, если они даютъ обѣды со спичками какому-нибудь «знат-

ному иностранцу», удивленному своею знаменитостью, о которой онъ не подозрѣвалъ. Что за бѣда, если и онъ, оправившись, начинаетъ чувствовать свое величие и, какъ графъ Нулинъ, радоваться, что у насъ «умы ужъ развиваются начинаясь», и желать, чтобы мы просвѣтились наконецъ».

9) 15 октября 1860, № 83, стр. 689. Энграff къ статьѣ «Лишие люди и желчевики» взять изъ статьи Колокола «Very Dangerous!!!», № 44, стр. 363: ...«Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражали действительно скорбь и разорванность тогдашней русской жизни... Но время Онѣгинахъ и Печоринъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ лишихъ людей»...

10) Въ той же статьѣ, на стр. 690,—повтореніе вышесказанного: «Онѣгины и Ленскіе, липніе и желчевые люди, — всѣ они, какъ ветхозавѣтные пророки, были вмѣсть протестомъ и надеждой: ими Россія усиливалась отѣлаться отъ Петровскаго периода или переработать его въ свое настоящее тѣло и въ свою здоровую плоть».

11) Въ той же статьѣ, на стр. 690, Герценъ, характеризуя поколѣніе послѣ декабристовъ, говорить: «Это уже далеко не тѣ свѣтлые, самоцѣльные, восторженные, раскрытые всему юноши, какими являются памъ при выходѣ изъ Лицея Пушкинъ и Пушкинъ»...

12) 15 декабря 1860, № 88, стр. 744: въ объявленіи о книгахъ,—приводится содержаніе «Полярной Звѣзды» съ указаніемъ на стихотворенія Пушкина.

13) 1 февраля 1861, № 91, стр. 761. Къ передовой статьѣ взять энграff:

Прошло сто лѣть....
И передъ младшою столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Норфиропсная вдова.

14) 1 марта 1861, № 93, стр. 788: въ объявленіи о VI книжкѣ «Полярной Звѣзды» указывается на письма Рыльева къ Пушкину.

15) 15 апреля 1861, № 96, стр. 812, въ сообщеніи о юбилѣѣ князя П. А. Вяземскаго, читаемъ: «Какой трудъ совершилъ онъ въ полетоѣтії? Быть братомъ Карамзина, другомъ Пушкина...»

16) 1 сентября 1861, № 106, стр. 892: «Въ Берлинѣ у Р. Вагнера (*Unter den Linden*, 57) вышло изданіе стихотвореній Чулакина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій. Это изданіе въ двухъ форматахъ: одинъ въ величину Петербургскаго изданія 1859 года, другой маленький, очень удобный. Свѣбженное примѣчаніями, это изданіе обрадуетъ не только нашихъ библіофиловъ, но и всю читающую публику. Мы очень жалѣемъ, что г. Вагнеръ не вошелъ съ нами въ сношеніе до изданія: мы могли бы присоединить къ нему нашъ сборникъ, который выйдетъ въ сентябрѣ подъ заглавиемъ: «Русская потаенная литература XIX столѣтія. Отъ перваго—Стихотворенія». Въ нашъ сборникъ вошли стихотворенія разныхъ авторовъ. Почти всѣ стихотворенія Пушкина, находящіяся въ немъ, находятся въ изданіи г. Вагнера; едва ли даже послѣднее не богаче нашего; нашъ сборникъ обширѣе только стихотвореніями другихъ писателей. Мы вовсе не враждебно смотримъ на конкуренцію Берлинской типографіи и отъ души привѣтствуемъ ея прекрасный трудъ. Мы надѣемся, что онъ будетъ съ участіемъ встрѣченъ русской публикой».

17) 22 апреля 1862, № 130, стр. 1078, въ статьѣ: «Сепаратизмъ и тайны советникамъ журнализа», подписанной И.—ръ: «Къ этому fond присоединяется еще Берлинское иѣщепоклонство тридцатыхъ годовъ, вертеровскихъ временъ и фатство графа Нулина, патріотически (курс. подл.) радующагося, «что умы у насъ ужъ развиваются начинаясь», и душевно желающаго, чтобъ à la fin des fins и мы «просвѣтились».

18) 1 апреля 1863, № 160, стр. 1319, въ статьѣ Герцена: «1831—1863 г.»: «Но если никто не вѣрилъ въ божественность

Императорской власти, то въ силу ея вѣрили все, любившіе её я ненавидѣвшіе, свои и чужіе, герцогъ Веллингтонъ и маркизъ Себастіанъ, Метгернхѣтъ и Казимиръ Перье, ораторы, нападавшіе на Россію, и Пушкинъ, писавшій имъ отвѣтъ въ стихахъ».

19) Тамъ же, въ той же статьѣ, на стр. 1320: «Байронизмъ Пушкина и Лермонтова не былъ просто подражаніемъ, — онъ былъ также своевременецъ и националентъ Петровской Руси, какъ потрясающій смѣхъ Гоголя».

20) 15 апреля 1863, № 161, стр. 329, въ статьѣ: «Книго-сожигатель Савва». Говоря о назначеніи на должность второго викария при Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ Савве, ректора Троицкой Духовной Академіи, «Колоколь» пишетъ: «Савва этотъ известенъ темъ, что, поступивши въ ректора, узнавъ, что у семинаристовъ есть печатныя и писанныя сочиненія Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго и другихъ авторовъ, почю сдѣлалъ обыскъ у семинаристовъ въ ящикахъ и шкафахъ и къ большому своему удовольствію нашелъ рукописи сочиненій Пушкина, Гоголя и разныя свѣтскія книги... Всѣ найденныя книги и рукописи положили на костеръ и сожгли»...

21) 1 августа 1863, № 168, стр. 1387, въ «Письмѣ кн. П. В. Долгорукова къ редактору *Современника* по поводу указанія г. Аммосова, что подметныя письма къ Чулакину составлялись Долгоруковъ, послѣдній горячо опровергаетъ это извѣстіе.

22) 15 августа 1863, № 169, стр. 1390, въ статьѣ «Вѣслицы и журналы»: «Воображеніе привыло у насть до того ко всѣмъ ужасамъ, что страшные образы вытокъ и истязаній являются первыми въ голову. Одинъ мирный фельетонистъ, который пишеть вовсе не о Муравьевѣ и о Полыѣ, а о прогулкѣ въ Кронштадтъ, вотъ какъ выражается о непогодѣ, застигнувшей его. «Это была не та буря, про которую Пушкинъ говоритъ:

То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.

Нѣтъ! а это былъ какой то раздирающей душу и нервы ревъ, какъ

если бы положить рядомъ батальонъ солдатъ и нещадно начать пороть его батожемъ, — тогда бы, мнѣ кажется, это было бы нѣсколько похоже!»

23) 15 Февраля 1864, № 179, стр. 1472. Эпиграфъ къ статьѣ: «Разорены освобожденіемъ!»

И прекрасны вы не кетати,
И умы вы не впадъ...

А. Пушкинъ.

24) 15 октября 1864, № 190, стр. 1564, въ статьѣ «Рука всевышшаго брошюру разбросала», говоря о брошюре Шедо Ферроти, о нападкахъ Каткова, Герценъ добавляетъ: «Пушкинъ правъ — все измѣняется подъ нашимъ зодіакомъ, Левъ становится, какъ ничего, Козерогомъ».

25) 15 июня 1864, № 186, стр. 1529, въ статьѣ: «Письма къ будущему другу», письмо четвертое, Герценъ пишетъ: «Я помню появление первыхъ иѣсень Онѣгина...»¹

Н. Столлянскій.

ПУШКИНЪ И ЕГО СОВРЕМЕНИКИ, XXXI—XXXII.

Пушкинъ и „Сѣверная Пчела“.

I.

(1825—1837).¹

1834 г.

№ 156. иб. 1834 № 1. Въ замѣткѣ о содержании второй части «Новоселья» указана «Позма А. С. Пушкина Апджело».

№ 157. иб. 1834 № 8 и 9. Въ статьѣ: «Новые Книги. Историческая Драма Россія и Баторій». (Соч. Барона Розена). «Сходство сей Драмы съ Борисомъ Годуновымъ А. С. Пушкина заставляетъ обратить вниманіе на оба произведенія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ общей мысли. Въ Драмѣ: Россія и Баторій мы видимъ — начало политического поприща Годунова, въ сочиненіи А. С. Пушкина — конецъ. Въ первой — пародъ уже обожасть Бориса; во второмъ — уже ненавидѣть; въ первой — мы понимаемъ умъ Бориса, понимаемъ слѣдственно и причины любви народной: видимъ, какъ Борисъ, обивая колючую правду въ хлопчатую бумагу, умѣеть неизрѣдѣно укрощать суровую душу окосточенного Иоанна, а народу какъ не чувствовать лготы? Въ Драмѣ А. С. Пушкина, или лучше въ галерѣѣ картинъ, писанныхъ великимъ талантъ со словъ Карамзина, — причины народной ненависти, всеобщаго развращенія, холодности — для пасть столько же закрыты, какъ и въ исторіи Карамзина. Видимъ судьбу, одну судьбу — и солнныхъ людей, невольно исполняющихъ си назначеніе... [Дамътъша выпѣска — изъ № 9]. Характеръ царевича Иоанна [въ драмѣ Розена] создать не менѣе удачно. Желаніе исправиться, быть добродѣтельнымъ, естественность перелома и естественность дальнѣйшихъ его стремленій къ добру —

¹ О восторженномъ отношении молодого Гордена къ Пушкину см., между прочимъ, въ «Воспоминаніяхъ Т. Н. Пасекъ» — «Русск. Стар.» 1873 г., № 2, стр. 197 и № 3, стр. 313, 314, 315. Ред.

¹ См. «Пушкинъ и его современники», вып. XIX—XX, стр. 117—190, и XXIII—XXIV, стр. 127—191.

согревают теплотою всю Драму и представляют весьма много мѣстъ, гдѣ истинно движется чувство, чтѣ такъ трудно сбояести въ Русской Исторической Драмѣ, отъ временъ отдаленныхъ до Петровыхъ. Историческія картины А. С. Пушкина служать важнѣйшимъ къ тому доказательствомъ: существо старыхъ правовъ нашихъ, отсутствие женщинъ, и самыи характеръ народа принуждаютъ Писателя быть холоднымъ, если онъ хочетъ быть исторически вѣрнымъ... Языкъ Русской Драмы, кажется, скоро будетъ доведенъ до нельзя, по множеству образцовъ, намъ предлагаемыхъ, хотя и весьма различного достоинства: нѣтъ однако же сомнѣнія, что лучшій, приличнѣйший языкъ для Русской Драмы есть языкъ А. С. Пушкина...». [Подп.: Н. К.]

№ 158. ib. № 23. Въ статьѣ: «Новые Книги»: «Недавно вошло въ обыкновеніе между Литераторами — Издателями печатать Записки какого-нибудь, будто бы умершаго Автора, который при жизни будто бы не хотѣлъ издавать въ свѣтъ своихъ сочиненій.— Говорить, что Г.г. Издатели думаютъ посредствомъ сего придать болѣе занимательности издаваемымъ ими твореніямъ; какъ бы то ни было, но читающа публика охотно читаетъ подобныя записки, если они удовлетворяютъ требованіямъ современнаго проповѣщенія». [Подп.: Я. Т.]¹

№ 159. ib. № 25. «Содержаніе второй книжки журнала «Библіотека для Чтенія»: «въ отдѣленіи Русской Словесности по части стихотвореній прелестная поэма А. С. Пушкина, Сказка о Мертвѣй Царевіцѣ, занимаетъ первое мѣсто».

№ 160. ib. № 38. Въ статьѣ: «Новые Книги: Повѣсти Машкова»: «Авторъ избралъ эпиграфомъ стихи Пушкина:

Блаженъ, кто про себя таинъ
Души высокія познанья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство возданья!

¹ Т. е. Я. В. Толмачевъ. Во всей тирадѣ можно видѣть намекъ на «Повѣсти Бѣлкина». Ред.

Излагаемъ, что Авторъ самъ не насладился этимъ блаженствомъ» [Подп.: Н.].

№ 161. ib. № 44. Въ статьѣ: «Смѣсь». Замѣтка безъ заглавія начинается фразою: «Въ одномъ Берлинскомъ Журналѣ увѣряють, что въ Россіи считается нынѣ 5485 отечественныхъ Писателей, изъ коихъ Редактору, по собственному его признанію, извѣстны только двое: Александръ Пушкинъ и Оадей Булгаринъ...».

№ 162. ib. № 47. Въ приводимомъ «Содержаніи марковской книжки журнала «Библіотека для Чтенія» указаны: «Будрысь;— Восвода;—двѣ Баллады ... Пиковая Дама, Повѣсть—А. С. Пушкина...».

№ 163. ib. № 49. Въ статьѣ: «Музыка»: «иѣсколько №№ Лирическаго Журнала: Юный Пѣвецъ, въ концѣ заключаются композиціи Алябьева, Бахметева, Есаурова, Бернара на слова Пушкина, Дельвига и др.».

№ 164. ib. № 66. «Новые книги: Запорожская Старина»; въ разборѣ приводятся два стиха Пушкина:

Жила давно минувшихъ дней,
Предалья старины глубокой.

№ 165. ib. № 87. Приводится содержаніе II части «Новоселья»: ... «IV. Анджело (Поэма въ 3 частяхъ) А. С. Пушкина».

№ 166. ib. № 99. «Новые Книги: Новоселье, ч. II». Въ рецензіи только упоминается фамилія Пушкина.

№ 167. ib. № 101. Содержаніе апрѣльской книжки Библіотеки для Чтенія: стихотвореніе А. С. Пушкина «Красавица».

№ 168. № 103. Въ статьѣ: «Новые Книги: Новоселье, ч. II»: «Поэзія украшена новою поэмой А. С. Пушкина.... Въ Поэзіи первое мѣсто занимаетъ Анджело, небольшая Поэма Пушкина,— стихотвореніе, какимъ уже давно не дарили онъ публику! Разговоръ между Анджело и Изабеллою, которая умоляетъ его простить обвиненнаго ея брата, исполненъ высокой драмы и живо

рисуеть характеры хитраго обольстителя и невинной, полной любви къ брату сестры. Эта Поэма стоять особаго разбора». [Подш.: Мурманский].

Пушкинъ-Ефремовъ VIII. 462.

№ 169. ib. № 123. Въ статьѣ: «Новые Книги: Новые досуги сельского жителя»: «Наші Пoэты, изг҃я большую претензию на пародность, очень мало думаютъ о простотѣ народѣ. Изъ всѣхъ нашихъ Пoэмы, Оды, Посланий, Трагедий, даже стихотворныхъ пѣсень (я разумѣю: искусственныхъ), — народу читать нечего. Какъ сидѣльцу Гостинаго двора поспѣть *Торквато Таско?* Какъ торговцу изъ Милотицкъ лавокъ отѣнить *Анджело?* Гдѣ купицамъ, мѣщанамъ и вообще всему честному простонародью — читать Державина, Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова? Самыи умныи бороды и головушки не поймутъ и не найдутъ ничего въ нашихъ отѣчественныхъ Писателяхъ: наши Пoэты выше толпы читателей-простолюдиновъ; даже *черни* стихотворная, помѣщающаѧ свои отрывки, полу-начатые и полу-конченные, въ альманахахъ и безоберточныхъ Журналахъ, даже эта черни стихотворная недоступна черни читающей!». [Подш. М.].

Лернеръ, 313 (имѣть ссылки).

№ 170. ib. № 161. Въ статьѣ: «Новые Книги: Встрѣча у Цыганъ. Соч. В. П.»: «Главные герои Повѣсти — Цыганы, не такіе, какъ у Пушкина, степные, вольные дѣти Природы и невѣжества, простоты и порока, — а Цыганы образованыи, городскіе, живущиye не среди полей, а въ Москвѣ бѣлокаменной, не въ шатрахъ, а въ каменномъ домѣ, не подъ кровомъ небесъ, а подъ же лѣзою крышею. У нихъ нѣть ни медвѣдя, ни Земфиры, ни Алеко, за то есть щѣльй хоръ, есть молоденъкая красавица Варя, есть отступникъ общества Д — въ, у которого *ничего не осталось ни для мира, ни для вечности...* Педавно еще одинъ изъ нашихъ отечественныхъ поэтовъ воспѣвалъ на сладострастной, разгульной своей лирѣ главную предводительницу Московскаго хора Цыганъ, забывъ и Музъ и Грацій и всю миѳологическую

своловъ, которая даже и намъ, *не поэтамъ*, до смерти надѣла...» [Подш.: В. В. В.] [В. М. Строевъ. Ред.].

№ 171. ib. № 176. Въ статьѣ «Музыкальное Извѣстіе» приводится содержаніе 5 и 6 номера журнала «Олова арфа», гдѣ была помѣщена и «Испанская пѣсня, слова А. С. Пушкина, музыка Есаулова».

№ 172. ib. № 192. «Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ. С.-Петербургъ. 1834. Въ т. Гинце. Въ 8 д. л. XIII и 247 ст. Это не новость, а второе изданіе *Повѣстей покойного Бѣлкина*, съ прибавленіемъ двухъ отрывковъ изъ Историческаго Романа и *Пиковой дамы*, которую мы недавно читали въ одной изъ книжекъ Библиотеки для Чтенія. И Повѣсти Бѣлкина, и отрывки изъ Романа (не помню, гдѣ-то напечатанные) [подстрочная скобка: «Въ Сѣверныхъ Цѣвѣахъ»]. Изд.], и Пиковая дама знакомы, известны читателямъ, но все таки о нихъ поговорить слѣдуетъ: вѣдь онѣ изданы А. С. Пушкинъ. Прежде всего о предисловіи. Съ какого-то времени во Франціи вошло въ моду издавать сочиненія *покойниковъ*. Раскрываете собраніе повѣстей — и вотъ передъ вашими глазами длинное *отъ Издателя*, въ которомъ разсказано о жизни и трагической смерти настоящаго (будто бы!) Автора. Этимъ литературнымъ *маневромъ* думаютъ возбудить участіе и вниманіе читателей, но едва ли достигаютъ своей цѣли. Настоящій Авторъ всегда почти бываетъ извѣстенъ: Французы такие болтуны! Къ чему же мистификація, тайна, предисловіе! А. С. Пушкинъ издалъ чужія Повѣсти, Повѣсти покойного Бѣлкина. Былъ ли на свѣтѣ Бѣлкинъ, нѣть ли, намъ все равно: а важны для насть его Повѣсти, изъ которыхъ А. С. Пушкинъ руку приложилъ. Въ Повѣстяхъ Бѣлкина было, при первомъ изданіи, пять повѣстей: теперь столько же. Первая повѣсть (*Выстрѣль*) слаба изобрѣтеніемъ, характеровъ нѣть, ибо они не выдержаны: все, все разписано, читто не представлено въ дѣйствіи; одна часть повѣсти (стр. 31—37) совсѣмъ бесполезна, излишня и чревно ни къ чему не ведеть. Вторая повѣсть (*Метель*) ужъ чрезъ чуръ неправдоподобна. Ирапорщикъ (кажется, Ирапоришкъ)

подговариваешь провинциалку бѣжать и обѣичаться. Она бѣжитъ изъ дома родителей въ назначенный часъ, одна; между тѣмъ Прапорщикъ сбивается съ дороги и не попадаетъ въ церковь, гдѣ долженъ быть обрядъ вѣчания. Другой офицеръ ёдетъ мимо церкви; его останавливаютъ, вѣчиваютъ: только по окончанію обряда, невѣста узнаетъ, что этотъ офицеръ — не ея Прапорщикъ, — и падаетъ въ обморокъ. Въ этой Повѣсти каждый шагъ — не правдоподобіе. Кто согласится жениться мимоѣзомъ, не зная на комъ? Какъ невѣста могла не разглядѣть жениха подъ вѣнцомъ? Какъ свидѣтели его не узнали? Какъ свидѣнникъ ошибся? Но такихъ «какъ» можно поставить тысячи при чтеніи *Метели*. Третья Повѣсть (*Гробовщикъ*) — не Повѣсть, а только анекдотъ, растянутый довольно длинно. Гробовщикъ, возвращаясь полу-пьяный съ вечеринки, на которой посмѣялись надъ его ремесломъ, вздумалъ приглашать къ себѣ въ гости мертвѣцовъ, заснуль и видѣлъ во снѣ, что все похороненные въ его гробахъ пришли къ нему на пирунку. Развязывать Повѣсть — пробужденіемъ отъ сна героя — вѣрное средство усыпить читателя. Сонъ — что это за завязка? Пробужденіе — что это за развязка? Притомъ, такого рода сны такъ часто встрѣчались въ Повѣстяхъ, что этотъ способъ чрезвычайно какъ устарѣлъ. Четвертая Повѣсть (*Станционный Смотритель*) удачно изобрѣтена и живо рассказана. Она не растянута, какъ другія Повѣсти Бѣлкина, хотя описание станціи и Смотрителей (на стр. 93—97) тоже очень незанимательно. Оно, быть можетъ, поправилось бы въ стихахъ, если бы было *оперено летучею рифмою*, но въ прозѣ оно вяло, невыразительно, и — если говорить правду — скучно. Пятая Повѣсть (*Барышня крестьянка*) такъ же мало правдоподобна, какъ и *Метель*. Все дѣйствіе основано на переодѣваніи: — старое средство Французскихъ комедій. Вероятно ли, чтобъ молодой человѣкъ не узналъ своей любовницы, потому только, что она нарумянила щеки, насуршила брови, надѣла пукли? Ни въ одной изъ Повѣстей Бѣлкина нѣтъ идей. Читаешь, — мило, гладко, плавно; прочтешь, — все забыто, въ памяти нѣтъ ничего, кроме приключений. Повѣсти Бѣлкина

читаются легко, ибо онѣ не заставляютъ думать. Въ нихъ нельзя не замѣтить слова я, которое повторяется безпрестанно, почти на каждой страницѣ. Вездѣ Бѣлкинъ да Бѣлкинъ, къ чему это? Читатель хочетъ Повѣстей, а не Бѣлкина. За Повѣстями следуютъ два отрывка изъ Исторического Романа, которому еще не дано ни какого имени. Отрывки очень хороши, какъ отрывки, но они не стоять того, чтобы ихъ печатать отдельно. Представляютъ ли они общій характеръ Русского общества во времена Петра Великаго? — Нѣтъ. Представляютъ ли они хоть какоенибудь полное приключеніе? — Нѣтъ. Къ чему же ихъ печатать отдельно? Въ заключеніе всего — напечатала *Лиховая Дама*, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ мы читали сѣ въ Библіотекѣ для Чтенія, безъ всякихъ поправокъ или перемѣнъ. Подробности этой Повѣсти превосходны: Германъ замѣтателенъ по оригинальности характера; Лизавета Ивановна — живой портретъ компаньонокъ нашихъ старыхъ знатныхъ дамъ, рисованный съ натурѣ мастеромъ. Но въ цѣломъ — важный недостатокъ, общій всѣмъ Повѣстямъ Бѣлкина, — недостатокъ идеи. Впрочемъ строгое сужденіе объ этихъ Повѣстяхъ невозможно: онѣ прикрыты эгидою имени Пушкина. [Подстрочное примѣчаніе: «И еще очаровательностью изложенія. Мы не знаемъ въ Русской Литературѣ Повѣсти, которая была бы написана такъ легко, пріятно, правильно и отчетливо, какъ *Лиховая Дама*. Изд. С. Пч.».] Извѣщаю о сочиненіи Пушкина, нельзя не сказать, гдѣ оно продается. Повѣсти, изданныя Пушкинымъ, продаются по 6 рублей въ книжной лавкѣ Андрея Глазунова подъ № 25. Иногородные должны адресовать требованія на имя управляющаго лавкою, Лисенкова. Обглядывая обертку книжки, мы нашли объявление о новомъ историческомъ трудѣ А. С. Пушкина. Онъ будетъ называться: *Исторію Нугаческаго бунта*, состоять изъ двухъ томовъ и продаваться у Лисенкова, по 20 рублей экземпляръ. Не дорого! [Поди.: Р. М.].¹

Пер. III. 92. 95. Совр. VI. 143. Зелинский VI. 1. Пушкинъ

¹ Т. е. В. М. Стросевъ. Ред.

Ефремовъ VIII. 533. 545. Вен. V. 475. Ждановъ II. 96.
Чернеевъ. 293.

№ 173. ib. № 193. Въ статьѣ «Словесность: Сны»: «Страненъ сонъ Татьяны, въ Онѣгинѣ Пушкина, но не удивительенъ, потому что онъ поэтическое созданіе, смѣлое, сатирическое, мѣткое и правдоподобное, но все-таки выдумка». [Подп. В. В. В.].

№ 174. ib. № 198. «Содержаніе 8-ой книжки Библіотеки для Чтенія»:.... «Подражаніе древнимъ, А. С. Пушкина».

№ 175. ib. № 222. «Содержаніе 10-ой книжки «Библіотеки для Чтенія»:.... «Элегія, А. С. Пушкина».

№ 176. ib. Приложеніе № 6. «Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ Исторія Пугачевскаго Бунта А. С. Пушкина, столь интересно ожидаемая любителями Русского Слова».

Пер. III. 65. 68. 76. 80. 84. 86. 87. 88. 90. 93. 95.
196. Пушкинъ-Ефремовъ VIII. 582.

№ 177. ib. № 266. Въ статьѣ: «Нѣчто о нынѣшней критикѣ»: «Слѣдуя примѣру Гете, наши Парнасскіе аристократы не отвѣ чаются на критики; я очень хорошо знаю, что эти критики, сами по себѣ, не стоятъ возраженій; но, для пользы Словесности, пора бы унять эту шумную волынку, молодечеству коей предади мы почти всю область нашей журнальской литературы. Здо побѣждается добрая; и такъ всякий, кто горячо любить Словесность своего края, долженъ стараться образумить пынкую молодежь наставительными выраженіями. Нѣсколько молнией изъ руки Жуковскаго и Пушкина возстановили бы порядокъ на Парнасѣ и заставили бы лучше обдумывать дерзновенныя рѣчи». [Подп.: Европа Розенъ].

№ 178. ib. № 270. Въ статьѣ: «Челобитнія словъ сей, оный»: «Ни великій Ломоносовъ, ни творческій Державинъ не избѣгали насъ, и даже краснорѣчивый Карамзинъ и геніальный Пушкинъ жили въ ладу съ нами». [Подп.: Ф. Б.].

№ 179. ib. № 274. «Содержаніе 12-ой книжки «Библіотеки для Чтенія»: «Петербургъ, отрывокъ изъ Поэмы А. С. Пушкина. ...Бирюзки, Повѣсть А. С. Пушкина.

№ 180. ib. № 295. «Исторія Пугачевскаго Бунта, Два тома С.П.Б. 1834, въ типографии II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ б. 8, въ I-й ч. 168 и 110, во 2-й 336 стр.. съ картою, портретомъ и снимками. Просимъ извѣстить нашихъ читателей, что это новое сочиненіе Александра Сергеевича Пушкина, продающееся въ книжной лавкѣ А. В. Глазунова подъ № 25-мъ у И. Т. Лисенкова. Цѣна 20 р. съ пересылкою 22 р.».

№ 181. ib. № 296. «Исторія Пугачевскаго Бунта, А. С. Пушкина, продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 20 р., съ пересылкою 22 р.».

Лернеръ. 325.

1835 г.

№ 181а. ib. № 13. Статья «Письмо Тверскаго Жителя къ пріятелю, въ Петербургѣ» заканчивается фразою: «Очень радъ, что знаю, какъ говорить Пушкинъ, столько лягушъ, что могу тебѣ сказать: vale!». [Подп.: С. Заволинский].

№ 182. ib. № 28. Объявленіе о 2-ой книжкѣ Библіотеки для Чтенія: «Сербская пѣсня, А. С. Пушкина».

№ 183. ib. № 29. Въ статьѣ: «Новые книги: Семейство Комаринъхъ»: «Пусть увѣряютъ, что Пушкинскій періодъ кончился, что теперь настаетъ новая эпоха. Это, можетъ быть, справедливо въ отношеніи къ столицамъ: но въ Саратовской губерніи царствуетъ и продолжается еще Пушкинскій періодъ. Доказательство несомнѣнно, печатное доказательство передъ нами. Семейство Комаринъхъ написано явно подъ вліяніемъ Онѣгина; формы тѣ же, но нѣть Онѣгинскаго звучного стиха, Онѣгинской прелести, замысловатости, остроумія, насыщенности: нѣть той колкой эпиграммы на наши пріавы, обычай и привычки, которая такъ часто колѣтъ читателя въ Онѣгінѣ. Но такова судьба подражателей: форму займетъ, а души взять несдѣ... Авторъ, воспользовавшись случаемъ, показываетъ, что онъ не держится мнѣній Пушкина, и говоритъ:

Хоть я женатый человѣкъ,
Но, признаюсь тебѣ, читатель,
Я милыхъ ручекъ обожатель.
Въ нашъ проспѣщенный, умный вѣкъ
Объ пожкахъ много говорили;
Чтъ Пушкинъ по свѣту пустилъ,
Онъ пару нежекъ расхвалилъ —
За нихъ пять сотни расхвалили.
Но согласенъ, читатель мой,
Что въ пожкѣ башмачекъ плаинаетъ,
А ручка просто восхищаетъ.
Своей открытой красой.

Ну! теперь ясно, что Авторъ не подражаетъ Пушкину, любить ручки, а не пожки... И такъ, намъ грозить еще *та* глава и даже *тыль* главы, потому что Романъ не будетъ менѣе Пушкинского Онѣгина. Намъ остается одно утѣшеніе: думать, что Комаринскія главы будутъ короче Онѣгинскихъ. Дай Богъ, чтобъ надежда наше не обманула. [Поди. Р. М.].

№ 184. ib. № 38. «Исторія Пугачевскаго Бунта, соч. А. Пушкина, 2 тома, СПб. 1834, въ тип. II Отдѣления Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ б. 8 д. л. въ I-й ч. 168 и 115 стр., во 2-й 336 стр. со снимками и портретомъ. Не только всеобщая, но и каждая частная Исторія должна стремиться къ pragmatismu, т. е. поставить свой предметъ къ человѣческому намъ отношеніе, чтобы имѣть полезное на насъ вліяніе. Но читатель спокоенъ: историческое же лицо, совершая свои дѣянія, было обуреваемо страстиами. Между сими двумя расположениями духа есть весьма великое пространство, черезъ которое не досягаетъ участіе, ибо читатель не понимаетъ героя. Какимъ же образомъ ихъ сблизить? Самымъ легкимъ способомъ было бы *восплеменить* читателя; но это дѣло Ораторства и Поэзіи. Исторія, вѣдана съ существенною правдою, относится къ нашему уму и черезъ него дѣйствуетъ на сердце: слѣдовательно,

поступаетъ совершенно противуположнымъ порядкомъ; она этимъ же путемъ и достигаетъ pragmatической цѣли. Исторія распоряжается своимъ матеріаломъ и устроиваетъ его такимъ образомъ, чтобы онъ не имѣлъ ни малѣйшей надобности въ украшеніяхъ поэтическихъ и риторическихъ. Сама не философствуетъ, она въ своей великой экономіи открываетъ намъ философическіе взгляды на праственныій порядокъ міра; она знакомить наше психологически со своими героями, прежде нежели началась бурная штраихъ страстей, и тогда читатель, въ спокойномъ расположении духа, симпатически пойметъ движение человѣческой природы въ неукротимыхъ дѣйствіяхъ исторического лица и, примѣня къ себѣ самому обстоятельства, доводящія равное ему существо до страшныхъ ему преступленій, содрогнется спасительнымъ ужасомъ. — Если Римскій гладіаторъ, съ малолѣтства назначаемый рѣзаться на смерть съ товарищемъ своего несчастія — для одной *потыки* народа, если мужественный Спартакъ, за такое уничиженіе человѣчества, жесточайшимъ образомъ мстить гордому Риму, то не нужно рыгнуть въ его душѣ, чтобы дозваться побудительной причинѣ его дѣйствій: дѣло само собою привлекаетъ живѣйшее участіе къ ожесточенному гладіатору, сверхъ того, умершему истинымъ героемъ! Но если гражданинъ, живущій подъ защитою закона, производить такой же бунтъ и съ большою лютостью терзаетъ свое невинное отечество, словоъ — если является такое чудовище, каковъ былъ Пугачевъ, то какимъ образомъ Историкъ можетъ поставить сей предметъ въ симпатическое къ памъ отношеніе? Мы всегда будемъ глядѣть на Пугачева, какъ на непостижимое, не нашего рода существо, чей душевный организмъ устроенъ иначе, чья дьявольская воля управляетъ законами ада; не понимая его, мы и сочувствовать ему никогда не можемъ. Сіе безспорно, правда, если намъ выведутъ Пугачева, уже бунтовщика и душегубца; но если мы могли вникнуть глубже въ жизнь сего самозванца, дойти до верховья сей великой кровавой рѣки, также имѣвшей истокъ чистый — младенчество невинное; если бы мы, наконецъ, могли видѣть начинаніе его порочныхъ мыслей и

тайны пружины, способствующія къ развитію его душевнаго разврата — то и Исторія Пугачева, не хуже исторіи всякаго другого злодѣя, была бы великимъ нравственнымъ урокомъ для всего человѣчества! Грозная тѣнь Пугачева еще скидается въ мракѣ государственной тайны: нераспечатанное о немъ дѣло, вероятно, содержитъ въ себѣ много любопытныхъ и пояснительныхъ подробностей, не потерянныхъ для потомства. Но сіе обстоятельство крайне затрудняетъ нынѣшнюю Исторію Пугачевскаго бунта, такъ, что она не можетъ быть pragmatischeno. А. С. Пушкинъ съ благороднымъ чистосердечiemъ въ несомнѣнnyй вредъ своему труду во мнѣнїи многихъ, къ сожалѣнію, многихъ, первый упомянулъ о семъ нераспечатанномъ дѣлѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупредилъ важный вопросъ читателю: *кто же управляемъ бунтомъ, если Пугачевъ былъ не что иное, какъ чучела?* При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, при такой неясности предмета, при чрезвычайной строгости къ себѣ самому, въ историческомъ отношеніи, Авторъ исполнилъ все, чего только можно было ожидать отъ его первокласснаго дарования: онъ намъ представилъ полное изображеніе всего плачевнаго эпизода царствованія счастливаго и великаго. Мудрая эколомія и изящное устройство матеріала; точное, истинно художественное раздѣленіе света и тѣни, и, наконецъ, неподражаемая сжатость слога, гдѣ не найдете даже ни одного лишнаго эпитета — все это служить отраднымъ доказательствомъ великаго дарования исторического. Какъ страшны притязанія тѣхъ, кто ожидалъ отъ Цуккини Исторіи, написанной первомъ пламеннымъ, чистымъ Байрономъ!!! Что нашъ великий Поэтъ сумѣлъ быть не *Поэтомъ* въ Исторіи — именно это вмѣняется ему въ лучшую похвалу и доказываетъ, какъ хорошо онъ знаетъ непреложныя границы каждого Изящнаго Искусства. Онъ не убоялся неодобренія многихъ, чтобы только угодить строгимъ шѣпчительямъ его труда. Что ему до тѣхъ, кто въ *Исторіи Пугачевскаго бунта* не находить ни одного чувства, ни одной искры жизни и думаетъ, что Автору исугодно было освѣтить свой трудъ надежданиемъ свѣтомъ и покрыть колоритомъ Пугачевщины etc!

Въ опроверженіе сего мнѣнія выпишемъ одну страницу для тѣхъ, кто еще не читалъ этой книги, какъ и для тѣхъ, кто торопливо читалъ, не понимаю.

Авторъ, сказавъ, что Пугачевъ не былъ самовластенъ, что Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли самозванцемъ, часто действовали безъ его вѣдома, а иногда вопреки его воли, продолжаетъ (ст. 46): «Пугачевъ скучалъ ихъ онекою... [и т. д. до:] оставались въ томъ положеніи». — Потрудитесь вникнуть хоть въ эту *одну* страницу, и вы увидите, сколько въ ней чувства, сколько электрическихъ искръ жизни, какія положенія и картины трогательныя и поразительныя! Жалоба Пугачева, прощеніе Кармиллакаго подъ висѣлицею; его смерть; отвѣтъ казаковъ; покорность Пугачева своему страшному Промыслу; его склоненіе на просьбу Харловой о погребеніи повѣшенныхъ, это сползеніе, эти облытія умирающихъ — и это ли не колоритъ Пугачевщины? Какая полнота, какое богатство слога при такой простотѣ и скратости! Вотъ, какъ надо писать Исторію! Всякая строка — огненная черта, въ которой воображение читателя себѣ рисуетъ великія картины. Изъ *одной* этой страницы можно было бы, не прибавляя ничего существеннаго, написать Трагедію въ пяти дѣйствіяхъ.

Позволяемъ себѣ два замѣчанія па *Исторіи Пугачевскаго бунта*. — Доколѣ дѣло обѣ этомъ самозванцѣ не будетъ распечатано, мы не можемъ вѣрить, чтобы Пугачевъ былъ только стѣннымъ орудіемъ Яицкихъ казаковъ. Жалоба Пугачева: «Улица моя тѣсна!» и слова его на площади Яицкаго городка ничего не доказываютъ. Пойманный, онъ хотѣлъ свалить вину на другихъ, а бунтовщики молчали, отчасти пѣтъ привязанности къ своему Атаману, отчасти и потому, что действительно чувствовали себя виноватыми во многомъ. Человѣкъ съ такимъ сильнымъ духомъ не могъ быть въ зависимости отъ многихъ, и если бы кто управляемъ Пугачевымъ и его бунтомъ, то ни коимъ образомъ не могъ укрыться отъ гласности въ *подобномъ* дѣлѣ.

Намъ кажется, Авторъ довелъ историческую строгость до излишества: большую часть своихъ примѣчаній онъ могъ бы помѣ-

стить въ текстѣ, и книга этимъ выиграла бы, безъ сомнѣнія. Сія излишняя строгость, самыи выборъ предмета неполнаго своею неясностью, заставляетъ догадываться, что Пушкинъ, до приступа къ *труднѣйшему* предмету историческому, хотѣлъ предварительно испытать свои силы на предметѣ *трудномъ*—и съ этой точки зрѣнія излишняя въ сей книжѣ строгость есть драгоценный залогъ его успѣховъ на поприщѣ Исторіи». [Подп.: Баронъ Розенъ].

Зеленскій. IV. 12. Прав. Вѣсти. 1904. № 69 и 70.
Вен. V 475.

№ 185. ib. № 48. «Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу Борисъ Годуновъ трагедія въ 3 дѣйствіяхъ М. Е. Лобанова. Цѣна па лучшей веленевой бумагѣ 3 р.».

№ 186. ib. № 49. «Содержаніе 3-й книжки «Библіотеки для Чтенія»: «Пятнадцать пѣсенъ Заладныхъ Славянъ А. С. Пушкина».

№ 187. ib. № 64. Въ статьѣ: «Новая Книги: Борисъ Годуновъ, трагедія М. Лобанова»: «Злонечный Борисъ... Тебѣ и за гробомъ нѣть спокойствія. Начиная съ Нарѣжнаго и кончая М. Е. Лобановымъ, всякой поднимаетъ тебя изъ могилы, бѣдныи старецъ; выводить на позорище, заставлять говорить такія вещи, которыя тебѣ никогда и въ голову не приходило. Бѣдныи Борисъ... А. С. Пушкинъ написалъ нѣсколько удачныхъ и замѣчательныхъ сценъ изъ исторіи Бориса, и только. Но произведеніе Пушкина было созданіе безъ особенной формы—и поэтому мы не въправѣ ничего болѣе требовать»... [Подп.: Ф. Б.].

№ 188. ib. № 73. Въ статьѣ: «Новая книги: Арабески Н. В. Гоголя»: «И чего тутъ нѣть? и повѣсти, и мысли обь Исторіи и Географіи, и разсужденія о Среднихъ Вѣкахъ, о Брюловѣ и Пушкинѣ...».

№ 189. ib. № 74. «Содержаніе 4-й книжки «Библіотеки для Чтенія»: «Сказка о золотомъ лѣтушкѣ А. С. Пушкина».

№ 190. ib. № 84. Въ статьѣ: «Новая книги: Утренняя звѣзда, альманахъ»: два отрывка изъ Полтавы, поэмы А. С. Пушкина, переложенные на малороссійскій языкъ. [Подп. Андрій Кущий].

№ 191. ib. № 96. «Содержаніе 5-й книжки «Библіотеки для Чтенія»: «Сказка о рыбакѣ и рыбѣ А. С. Пушкина».

№ 192. ib. № 115. Въ статьѣ: «Новая книги: Миргородъ Н. В. Гоголя»: «Къ счастію также, что въ «Миргородѣ» ни слова нѣть ни обь Архитектурѣ, ни о Живописи, ни обь Исторіи, ни о Пушкинѣ, ни обь Брюлловѣ». [Подп. П. М.—скій].

№ 193. ib. № 134. «Поэмы и повѣсти А. С. Пушкина. СПб. 1835, въ Военной Типографіи. 232 ст. [Подстрочная сноска: «Продаются у Издателя, А. Ф. Смирдина: изъ книжныхъ лавкахъ братьевъ Ильи и Николая Глазуновыхъ, и у другихъ книгопродавцевъ. Цѣна экземпляру двадцати рублей»]. Издание этихъ «Поэмъ и Поѣстей» было необходимо; почитатели поэта давно уже его ожидали, потому что не въ состояніи были пріобрѣсти по одиночкѣ эти діягеста мембра его фантазіи. А. Ф. Смирдинъ удовлетворилъ ихъ ожиданію, издавъ собраніе Поэмъ А. С. Пушкина, которое, какъ и вѣсъ его изданія, отличается красотостію и вмѣстѣ умѣренностью цѣны. Хотя, конечно, нельзя назвать дешевымъ изданіе двухъ томовъ посредственной величины, продающихся по 20 рублей; но въ сранненіи съ прежнею непомѣрною цѣною поэтическихъ брошюръ, его составляющихъ, эта цѣна очень умѣрена. Первая часть, вышедшая въ свѣтъ, содержитъ три поэмы: Русланъ и Людмила, Кавказскій Плѣшикъ и Бахчисарайскій Фонтанъ. Во второй части будуть:—Полтава, Цыганы, Графъ Нулинъ, Братья разбойники, Домикъ въ Колючинѣ и Апджею». [Подп.: М. М.].

Сапр. VI. 143. Зеленскій IV. 24. Лернеръ 333.

№ 194. ib. № 152. Въ статьѣ: «Новая книги: Сочиненія В. А. Жуковскаго»: «... Книжной дѣятельности Смирдина нельзя не удивляться.... издалъ.... Пушкина собраніе поэмъ, о которомъ мы еще недавно говорили въ Сѣверной Пчелѣ...». [Подп. М. М.].

№ 194а. ib. № 177. Въ статьѣ: «Путевые Записки»: «Псковская губернія есть родина первого современнаго поэта А. С. Пушкина. Въ Псковской своей деревнѣ онъ написалъ лу-

шее свое произведение, которое переживет все пропаи пѣльми вѣками. Мы не называемъ этого сочиненія, для избѣжанія всякаго спора. — Пушкинъ Песковъ выплатить Россіи за все пропое по части просвѣщенія».

№ 195. ib. № 186. Въ статьѣ: «Отвѣтъ на рецензію «Основаній Словесности А. Глаголева»: «Какъ названы пынѣшнія лирическія стихотворенія Хомякова, Баратынскаго, Языкова, Ф. Глинки, Веневитинова и даже Жуковскаго и Пушкина? Не болѣе, какъ колыбельными пѣснями младенческой романтической музы». [Подп.: А. Глаголевъ].

№ 196. ib. № 191. «Новые книги: Позмы и Повѣсти Александра Пушкина. Часть вторая. СПб. 1835, въ Военной Типографіи, 221 ст. въ 8 д. л. Это вторая и послѣдняя часть собранія большихъ стихотворныхъ произведеній А. С. Пушкина, издаваемаго нашимъ неутомимымъ Смирновымъ. Мы уже говорили о первой; въ вышедшей па дняхъ второй части заключаются слѣдующія поэмы и повѣсти: Братья Разбойники, Цыганы, Графъ Нулинъ, Полтава, Доникъ въ Коломенѣ и Анджело».

№ 197 ib. № 223. Въ статьѣ: «Александровскій театръ»: .... «Балетъ Диадо!... По неволѣ скажешь, вмѣстѣ съ Пушкинъ, обращаясь къ прежнимъ богамъ:

... другія дѣвы,
Сѣбяни, не замѣтилъ васъ!

Иесть тѣхъ, при которыхъ имъ Диадо вѣничалось». [Подп.: В. В. В.].

№ 198. ib. № 228. Въ статьѣ: «Новые книги: Весенние цветы, подарокъ любителямъ»: «Какъ можно ставить ихъ [т. е. произведения второстепенныхъ стихотворецъ вродѣ В. Олица, Н. Маркевича и другихъ] съ прелестными элегіями Пушкина, съ прелестными балладами Жуковскаго!» [Подп.: Р. М.].

№ 199. ib. № 251. Въ статьѣ: «Новые книги: Петръ Басмановъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе барона Розена»: «Давно ли

извѣстный всей Россіи и даже всей Европѣ Е., или пѣть не Е., а И. (неужто вы про него ничего не слыхали?) доказать, что Державинъ былъ такой же романтикъ, какъ и Пушкинъ»... [Подп.: Кон.].

№ 200. ib. № 256. Въ статьѣ: «Петербургскій театръ. Пятнадцать лѣтъ разлуки, драма»: «Вторая картина палинется черезъ пятнадцать лѣтъ. Славинъ въ плѣну у Черкесовъ; обросъ бородою и усами и лежитъ подъ деревомъ съ щѣпами на рукахъ.

За сакиши лежитъ
Онь у колючаго забора...
.....
Гдѣ много милаго любиль...

Извините, невольно заговорили словами *Кавказскаго пленника*, изъ котораго взята вторая картина Г-на Бахтуринъ. Мы ни мало не упрекаемъ автора за то, что онъ адресовался къ таланту Пушкина: если дѣлать литературные займы, такъ всего лучше дѣлать ихъ у талантливыхъ богачей нашей Литературы. Какъ бы то ни было, а Кавказскій пленникъ Славинъ мечтаетъ о милой женѣ, когда къ нему приходитъ Черкешенка Талра, жена Джей, къ которому нашъ офицеръ попался въ плѣнъ. Здѣсь авторъ отступилъ отъ Пушкина, и напрасно. У Пушкина Черкешенка свобода:

Никто донѣшь
Не цѣловалъ ея очей,
Къ ея постели одинокой....

У Г-на Бахтуринъ, Талра — преступница, потому что она жена Джей Амлата. Черкешенка Пушкина привлекаетъ Талра Г. Бахтуринъ отталкиваетъ; одна — невинная, простодушная девушка, любящая душою; другая — прихотливая, чувственная женщина, любящая тѣломъ. Однакоже Талра говоритъ почти то же, что и Черкешенка Пушкина». [Подп.: В. В. В.].

№ 201. № 293. «Въ книжной лавкѣ комиссіонера Императорской Медико-Хирургической Академіи А. Ф. Фарикова, въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной линіѣ, № 13 поступила въ продажу на дняхъ вышедшая книга: *Вастола, или желанія. Попытка въ стихахъ*, соч. *Биланда, въ трехъ частяхъ*, изд. А. С. Пушкинъ. Цѣна 6 рублей, съ пересылкою 7 рублей».

П. Столлярский.

(Продолжение следуетъ).

Объ изданіяхъ „Братьевъ-Разбойниковъ“.

Въ VI-мъ выпускѣ изданія «Пушкинъ и его современники», въ статьѣ «О двухъ изданіяхъ Братьевъ-Разбойниковъ», В. И. Чернышевъ обстоятельно разяснилъ, что второе изданіе 1827 г. «Братьевъ-Разбойниковъ» (съ цензурнымъ дозволеніемъ Ивана Снегирева отъ 9 іюня 1827 г. и съ напечатаніемъ на обложкѣ цѣпой въ 42 коп.) своевременно въ продажу не поступило. В. И. Чернышевъ склонялся, однако, къ мысли, что упомянутое второе изданіе рано или поздно,—по номинальной цѣнѣ или по увеличенной,—въ продажу, въ концѣ концовъ, все-таки поступило. Нынѣ некоторые новыя обстоятельства позволяютъ категорически утверждать, что второе изданіе 1827 г. въ продажу не поступило, и что весь заводъ до самого послѣднаго времени оставался на складѣ. Дѣло въ томъ, что на Московскому, а, кажется, и на Петербургскому книжному рынку давно уже появлялись отдѣльные неразрѣзанные, совершенно новые экземпляры 2-го изданія въ видѣ одного сфальцовавшаго книжного листа безъ обложки. Это служило косвеннымъ доказательствомъ того, что изданіе осталось и лежитъ где-то на складѣ. За послѣднее же время эти экземпляры появились въ столь большомъ количествѣ, что заставили меня отнестись къ этому вопросу внимательнѣе. Изъ уклончивыхъ сперва отвѣтовъ Московскихъ книжниковъ выяснилось, что нѣсколько времени тому назадъ къ имѣніи подъ Москвой одинъ букинистъ купилъ *свыше девятисотъ* экземпляровъ 2-го изданія. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что эти экземпляры были куплены у Сергея Ивановича Кирбевского,

проживающаго въ своемъ имѣніи Гузеевѣ (станція Шелковка, Александровской желѣзной дороги, въ 60 верстахъ оть Москвы). Какъ я узналь, С. И. Кирѣевскій — сынъ славянофила Ивана Васильевича Кирѣевскаго, почтенный старикъ лѣтъ восьмидесяти. Нынѣ изслѣдователи архива братьевъ Кирѣевскихъ сочтутъ, быть можетъ, не невозможнымъ разслѣдованіе таинственныхъ обстоятельствъ 2-го изданія «Братьевъ - Разбойниковъ». Несомнѣнно, однако же, что 900 слишкомъ экземпляровъ составляютъ если не весь заводъ изданія, то большую часть его, и что можно нынѣ категорически утверждать, что изданіе въ продажу не поступило и осталось на складѣ.

Семенъ Богдановскій.

Москва, 26 I 1916 г.

Къ исторіи распространенія сочиненій
Пушкина.¹

Изъ статей П. Л. Юдина «О первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина»² и В. Л. Модзалевскаго «Подпись на сочиненіи Пушкина въ Черниговской губерніи въ 1837 году»³ известно, какія мѣры принимались въ 1837 году для распространенія подписки на такъ называемое посмертное изданіе сочиненій Пушкина среди «лицъ всѣхъ сословій» Оренбургской и дворянъ Черниговской губерній. Въ архивѣ Общества Любителей Русской Словесности въ память А. С. Пушкина при императорскомъ Казанскомъ Университетѣ хранится рукописная статья небезызвѣстнаго юстиціаго археографа и этнографа В. К. Магницкаго (род. 1839, ум. 1901), изъ которой видно, что въ Казанской губерніи власти были озабочены сборомъ подписныхъ дешегъ по этому поводу даже въ глухомъ Ядринскомъ уѣздѣ. Энергичный, какъ его аттестуетъ Магницкій, мѣстный земской исправникъ Головкинскій 14-го іюля 1837 года «цыркулярно» адресовалъ на имя всѣхъ волостныхъ правленій Ядринскаго уѣзда два «приказа» о подпискѣ на 1) «Мысли объ усовершенствованіи сельского хозяйства и улучшениіи быта поселенъ-хлѣбопашцевъ», Шемята,⁴ и 2) собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Приказы писаны разными почерками, при чёмъ писецъ второго оказался настолько

¹ Посмертная статья.

² «Русскій Архивъ» 1893, III, 121—124.

³ «Пушкинъ и его современники», вып. XVII—XVIII, стр. 270—276.

⁴ Книга подъ этимъ заглавіемъ действительно вышла въ 1837 году (цензурное дозволеніе отъ 11-го августа), 80, но безъ имени автора. Число страницъ въ ней было 8 лист. + 238 + 2 лист. + 2 таблицы, тогда какъ въ циркуляре читается, что она, «по словамъ Автора, состоять будетъ не менѣе 850 страницъ». Имя автора было Петръ Шемяотъ. Въ 1840 году книга была издана вторично, въ значительно дополненномъ видѣ (ср. «Русскій Биографический Словарь. Шемяновъ-Шемяотъ», С.-Пб. 1911, стр. 84).

небрежнымъ и безграмотнымъ, что понять его бумагу можно только при сличеніи съ печатнымъ изданіемъ циркуляра графа Д. Н. Блудова.¹ Вотъ начало его съ соблюденіемъ орографіи поддільника: «Его Превосходительство Господинъ Казанскій Военный Губернаторъ и ковалеръ въ предписаній пущенномъ отъ 24 май-нувшаго Іюня за № 5104 Изъяснилъ, что въ началѣ нынѣшняго года россійская словесность лишилась одного изъ знаменитейшихъ талантовъ Ее: украсившихся прежде временная кончина Пушкина поразило горестно друзей литературы и отечественной Славы»... Изъ статьи В. К. Магницкаго можно привести еще слѣдующій отрывокъ: «Что имя А. С. Пушкина еще при жизни его было кое-кому известно въ маленькомъ захолустномъ Ядринѣ, я заключаю по бывшимъ иѣкогда въ моихъ рукахъ рукописнымъ тетрадямъ стихотвореній А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго моего покойнаго родителя, урожденца г. Ядринъ, тщательно написаннымъ имъ въ бытность его въ Казанской Духовной Семинаріи, въ которой онъ кончилъ курсъ въ 1836 году; къ досадѣ онъ у меня не сохранились. Въ настоящую минуту² у меня имѣется нѣсколько тетрадей стихотвореній А. С. Пушкина, найденныхъ въ декабрѣ 1888 г. въ г. Цывильскѣ, въ домѣ вымершаго рода иноzemныхъ дворянъ Завацкихъ, послѣдній семейный представитель коего, Петръ Тимофеевичъ Завацкій, въ первой четверти истекающаго столѣтія служилъ въ Цывильскѣ, по выбору дворянства, подъ-рядъ пять трехлѣтій земскимъ исправникомъ. Сильно интересовало меня доискаться въ связѣ архивныхъ бумагъ, кто въ Шуматовской волости подписался на книгу Шемюта и сочиненія А. С. Пушкина, но никакихъ указаний въ ней не оказалось».

H. Петровскій.

¹ Ср. въ цитированныхъ статьяхъ Юдина и Модзалиевскаго. Циркуляръ этотъ, помѣченный 22-мъ мая 1837 года, былъ напечатанъ «курсивомъ на почтовой бумагѣ и разосланъ всѣмъ губернаторамъ» (ср. у Юдина, стр. 121*). День 22-го мая 1837 могъ бы быть отмѣченъ въ книжкѣ Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина», но здесь (цитирую второе изданіе 1910 года) этого не сдѣлано ни въ основномъ текстѣ (стр. 410—411), ни въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» (стр. 488).

² Статья имѣетъ дату: «Село Шуматово, Ядринскаго у., 4 апр. 1899 г.». *H. П.*

Письмо А. Д. Илличевскаго къ В. К. Кюхельбекеру
(1818 г.).

«Промчались годы заточенья», распалась дружная Лицейская семья, —

И всякъ избралъ свою дорогу
Съ волненьемъ гордыхъ, юныхъ думъ¹...

Однако, дѣйствительность мало считалась съ юными думами, и жизнь для многихъ складывалась далеко не такъ, какъ о томъ мечталось.

Илличевскаго, вскорѣ послѣ окончанія курса Лицея, судьба занесла въ Сибирь, гдѣ протекала служба его отца. 1-го декабря 1817 г. онъ опредѣлился въ Сибирскій Почтамтъ въ г. Тобольскѣ.² Дельвигъ, къ которому Илличевскій былъ ближе другихъ лицейстовъ, напутствовалъ его стихотворнымъ посланіемъ, въ которомъ высказалъ надежду,

Что онъ и въ дальнихъ тѣхъ странахъ
Своихъ друзей не забываетъ,
Гдѣ миръ драхмѣющій во льдахъ
Красою дивной поражаетъ...³

Забыть-ли своихъ друзей Илличевскій? Къ намъ дошло очень мало свѣдѣній о Сибирскомъ періодѣ его жизни (1817—1821);

¹ Стих. Пушкина: «Товарищамъ», 1817 г.

² Н. Гасторейдъ, Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому Лицею, т. II, С.-Пб. 1912, стр. 171.

³ Тв., стр. 174.

по крайней мѣрѣ биографъ его, Н. А. Гастфрейндъ, не приводить ни одного письма Илличевскаго изъ Сибири, которое бросило бы свѣтъ на его жизнь. Поэтому, сообщаемое нами ниже письмо представляетъ вѣкоторый интересъ для биографіи Илличевскаго. Оно показываетъ, что Илличевскій можетъ быть рѣдко, но все же переписывался съ Лицейскими друзьями — Дельвигомъ, Кюхельбекеромъ, — интересовался и другими товарищами, жившими въ Петербургѣ. Оно даетъ нѣсколько лишнихъ штриховъ къ характеристикѣ Илличевскаго: такъ, типиченъ для него холодный стиль письма, характерна фраза, что «литература все еще имѣть его покорѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою».

Письмо, печатаемое нами, случайно сохранилось въ бумагахъ П. И. Кеппена, среди собранныхъ имъ діалектологическихъ материаловъ¹. Списокъ Сибирскихъ областныхъ словъ, сообщенныхъ Илличевскимъ В. К. Кюхельбекеру, — тому причиной. Такъ неожиданна иногда судьба рукописи...

A. Бемъ.

Апрѣля 4 дня 1818.

Любезнейший другъ Вильгельмъ Карловичъ!

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта на мое письмо къ вамъ отъ 24 января, и нетерпѣніе мое было награждено сугубо: вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я получиль писаніе нашего общаго друга пѣмца, москвица и малороссіянина Антона.² Мы вѣсма страшно слышать, что нашъ баронъ называется Малороссію скучною стороною — Малороссію, россійскую Италію, Аркадію, все что вамъ угодно. Понимаю: въ этомъ случаѣ философскій умъ береть верхъ надъ поэтическимъ — и это кажется основательнѣе. Не знаю, какова ему покажется наша Сибирь, если исполнится его предположеніе къ намъ приѣхать — тутъ ли

¹ «Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ, собранныя П. И. Кеппеномъ», т. I, лл. 70—71, хранятся въ Рукописномъ Отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ.

² Барона А. А. Дельвига. Письмо это неизвѣстно.

Уралъ и Иртышъ не произведутъ одно дѣйствіе съ Днѣпромъ и Городнею.

Далеко отъ родныхъ, родимыхъ и друзей
Не только грѣшный свѣтъ, — наскучить Элизей!

Вирочемъ нечего пугаться Сибири, вездѣ есть умныя люди и милья дѣвушки — для меня такъ и въ холодной Сибири тепло — и въ Петербургѣ возвращаться и еще не думаю. Одно только, чѣмъ столица имѣеть передъ всѣми провинціями выгоду, — это литературныя, театральныя, политическія, интригныя и всякия, и всякаго рода интересныя новости. Для меня до многихъ нѣть нужды, — но литература все еще имѣеть меня покорѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугой! Хотя нацримѣръ: вы давно читаете Исторію Карамзина, восхищаетесь, судите и слышите о ней сужденія умныхъ людей — мы же ни того, ни другого! — и знаемъ о ней только по газетамъ — когда-то получимъ мы экземпляры, за которые изъ одной Томской губерніи послано до 4000 р.!!

Теперь два слова о нашемъ Платонѣ.¹ Меня мало утѣшаетъ, что онъ похожъ на мелъ; это значить, что онъ худо учится, посредственно ведеть себя и выдѣть на равнѣ съ послѣдними. Принуждайте его, пожалуйста, къ языкамъ, и если пишете къ намъ, то пе откажитесь пересыпалъ и его писульки.² Пишите ко мнѣ о немъ и о всемъ, что вамъ придетъ на мысль: вамъ больше матеріи, нежели памъ провпадають. Пишите о нашихъ общихъ товарищахъ, живущихъ въ Петербургѣ, которымъ при семъ я кланяюсь низенько. Пишите о себѣ и своихъ произведеніяхъ — однимъ словомъ: пишите, не дождался моего отвѣта, который всегда придетъ черезъ три мѣсяца. Ранѣе нельзѧ за

¹ И. Д. Илличевскій, братъ А. Д. Илличевскаго (род. 1802 г.), впослѣдствіи Товарищъ Министра Юстиціи.

² В. К. Кюхельбекеръ былъ старшимъ учителемъ Русскаго и Латинскаго языковъ въ Петербургскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансионѣ, въ которомъ учился П. Д. Илличевскій.

разстояніемъ. Будьте увѣрены въ моемъ почтеніи, любви и превеликости, съ которыми остаюсь вашъ покорнейший слуга

Алексѣй Иллічевскій.

Я знаю, что вы охотникъ были заниматься языками и особенно отечественными. Послать ли вамъ нѣсколько Сибирскихъ словъ—для шутки! Что значитъ: 1) *урѣйтъ*, 2) *лѣнись*, 3) *ланской юдь*, 4) *предобижденіе*, 5) *плящій морозъ*, 6) *дошлый*, 7) *дѣлокъ*, 8) *зареви*, 9) *блѣркай* и т. п.? Неотгадаете, такъ вотъ что: 1) *напризначать*, 2) *прошлаго года*, 3) *прошедшій годъ*, 4) *оскорблениe, обида*, 5) *трескучай морозъ*, 6) *хитрой, пролазъ*, 7) *далеко и много*, 8) *вмѣсто закричи употребляется* 9) *позови* и т. д. У насъ же говорятъ: *ну!* *вмѣсто да; пошто, слава Богу!* какъ *роигцои поп?* и зовутъ *вмѣсто Толстой, Пушкинъ, Иллічевскій &— Толстыхъ, Пушкиныхъ, Иллічевскихъ*. Ужъ подлинно въ Россіи что городъ, то иоровъ—и Кошакскій правъ, что въ часло нарѣчій Русскаго языка помѣстили Сибирской.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Абаза, Михаилъ, 44.
Александра Федоровна, ипп., жена Николая I, 100, 101.
Александръ I, имп., 86, 88, 98.
Александръ II, имп., 124.
«Альбомъ Старыхъ Музъ», альманахъ, 34.
Алябьевъ, А. А., композиторъ, 131.
Аникисовъ, А., 127.
«Анджело», поэма Пушкина, 129, 131, 132, 148, 144.
Андрониковъ, Владимиrъ Ильичъ, 104.
Анненковъ, Иванъ Васильевичъ, 38.
Анненкова, Павелъ Васильевичъ, 6, 8, 10, 20, 22, 35, 37, 38, 39, 41.
Ансель, J.-A.-F.-Г., 107.
«Анчаръ, древо яда», стих. Пушкина, 3—14.
Араповъ, П. Н., 50, 51, 55.
«Арапъ Петра Великаго», повѣсть Пушкина, 123, 125.
Арендтъ, Николай Федоровичъ, 120.
«А зон ашант Eglé sans r esistance...» стих., приписываемое Пушкину, 71.
«Атеней», временнікъ, 1924, 21, 120.
Асанасьевъ, капитанъ, 119.
Асамасьевъ, Г., авторъ, 122.
Азимей, греческій поэтъ, 15—18.
Байронъ, 105, 140.
Бадашова, типографія, 62, 63.
Бальзакъ, Оноре, 95.
Бальзантъ, Овеляна, рожд. графиня Рже-
вуская, по 1-му браку Ганьская, 95.
Бальшъ, 22.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ, 5, 40.
Бартеневъ, Петъръ Ивановичъ, 41, 64.
«Барышня крестьянка», повѣсть Пушкина, 134.
Батюшковъ, Константиnъ Николаевичъ, 59, 67, 82, 115, 117.
Бахметевъ, композиторъ, 131.
Бахтинь, Николай Ивановичъ, 75, 76, 77, 80, 82.
Бахтуринъ, Константиnъ Александровичъ, 145.
«Бахчисарайский фонтанъ», поэма Пушкина, 143.
Бенъ, Альфредъ Людвиговичъ, 152.
Бенкендорфъ, графъ Александръ Христо-
форовичъ, 4, 5, 6, 10, 46, 47.
Берда заводъ въ Пб., 47.
Бернаръ, композиторъ, 131.
«Берольдъ Савойскій», соч. Пушкина, 20.
Бибиковъ, Дмитрий Гавриловичъ, 101.
«Библиографическія записки», журналь,
39, 42, 43, 44, 92.
«Библиотека для чтенія», журнайл., 130,
131, 133, 135, 136, 137, 142, 143.
Библиотека Пушкина, 42, 75, 78, 107.
«Блажень, кто про себя таиль», стих.
Пушкина, 130.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ,
150.
Богдановичъ, Ипполитъ Федоровичъ, 116.
Богдановскій, Семенъ, авторъ, 148.
Бонди, Сергѣй Михайловичъ, 86.
Ванески, Adam, 103.

- Боратынський**, Євгеній Абрамовичъ, 42, 43, 132, 144.
«Борисъ Годуновъ», трагедія М. Е. Лобанова, 115, 116, 142.
«Борисъ Годуновъ», трагедія Пушкіна, 40, 56, 57, 58, 78, 116, 124, 129.
Брайловский, Сергій Николаєвичъ, 93.
«Братъ-Разбойники», поема Пушкіна, 148, 144, 147, 148.
Брюлловъ, Карлъ Павловичъ, 142, 143.
Брюно, членъ Одеськаго театра. Комитета, 88.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ, 3, 4, 13, 61, 66.
«Будрьсь и его сыновья», баллада Пушкіна, 131.
Булгаринъ, Фаддей Венедиктовичъ, 111, 112, 113, 116, 117, 118, 131, 136.
Белльевъ, Михаїлъ Дмитріевичъ, 87.
Вагнеръ, Р., издатель, 126.
Валуевъ, графъ Петру Александровичъ, 47.
Вальберхова, Марія Івановна, 51.
«Вастола, или Желанія, повѣсть въ стихахъ, соч. Виланда», изд. А. С. Пушкіна, 146.
Веллингтонъ, герцогъ, 127.
Венгеровъ, Семенъ Афанасьевичъ, 18, 24, 25, 36, 64, 85, 136, 142.
Веневитиновъ, Дмитрій Владимировичъ, 40, 144.
«Весенніе цветы, подарокъ любителю», альманахъ, 144.
Вигель, Филиппъ Филипповичъ, 50, 64, 65.
Вілландъ, Христофоръ, 148.
Витгенштейнъ, графъ Петръ Христіановичъ, 86.
Витть, графъ Іванъ Осиповичъ, 95, 101.
Витть, графиня Карадина, см. Собаньская.
Витть, графъ Осипъ Осиповичъ, 86.
Вільгорскій, графъ Михаїлъ Юрьевичъ, 40, 120.
«Влюблennyй бѣсь», сон. Пушкіна, 20, 22, 23, 24.
Водовозовъ, Василій Васильевичъ, 19.
- «Воевода»**, стих. Пушкіна, 131.
Войковъ, Александръ Федоровичъ, 81, 114, 116.
Волконская, книжникъ Зинаїда Александровна, 40.
Волнерь докторъ, 91.
Вольтеръ, 71, 72, 80.
Вонсовичъ, см. Швейковская.
Воронцова, графиня Елизавета Ксаверьевна, 93.
Воронцовъ, графъ Александръ Романовичъ, 46.
Воронцовъ, графъ Михаїлъ Семеновичъ, 88, 90, 96, 99, 101, 121, 122.
«Воспоминаніе», стих. Пушкіна, 14.
«Все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ», эпиграмма Пушкіна, 128.
Вульфертъ, Ольга Карловна, см. Лобanova.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ, 41.
Вучетичъ, Михаїлъ, 103.
«Выстрѣль», повѣсть Пушкіна, 133.
«Вѣдомости Одесскаго Градоначальства», газета, 103.
«Вѣстникъ Европы», журналъ, 20, 86.
Вяземская, княгиня Вѣра Федоровна, 50.
Вяземскій, князъ Петръ Андреевичъ, 8, 40, 71, 75, 81, 83, 84, 120, 126.
«Гавріллада», поема Пушкіна, 8, 10, 36, 39, 68, 69.
Гаевский, Викторъ Павловичъ, 9, 10, 87.
Ганька, Евгений Adamovna, 104.
Ганьская, Эвелина, рожд. графини Ржевуская, см. Балзакъ.
Ганьский, Націавъ, 95.
Гастрофійдъ, Николай Андреевичъ, 151, 152.
Геділь, греческій поэтъ, 15, 16, 17.
Геккеренъ, баронъ, Голландскій посланникъ, 108, 120.
Гельдъ, Германъ Готфрідовичъ, 18.
Геннаді, Григорій Николаевичъ, 6.
Герценъ, Александръ Ивановичъ, 50, 123, 124, 125, 126, 128.
Гершензонъ, Михаїлъ Осиповичъ, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 38, 59.
Гёте, Вольфгангъ, 186.

- Гицце**, типографія, 133.
Глаголевъ, А., 144.
Глазуновъ, Андрей, книгопродавецъ, 135, 137.
Глазуновъ, Иванъ Петровичъ, 112.
Глиника, Сергій Федоровичъ, 110.
Глиника, Федоръ Николаевичъ, 84, 144.
Гібдичъ, Николай Ивановичъ, 115, 117.
Гоголь, Николай Васильевичъ, 45, 121, 127, 142.
Голицынъ, князь Алексѣй Сергеевичъ, 76.
Голицынъ, князь Иванъ Сергеевичъ, 76.
Голицынъ, князь Николай Сергеевичъ, 78–84.
Голицынъ, князь Павель Борисовичъ, 78.
Головинъ, А. П., 19.
Головиній, земський исправникъ, 149.
Гончарова, Єкатерина Николаївна, см. Данте.
Гончарова, Наталя Николаївна, см. Пушкіна.
Гончаровъ, Афанасій Николаевичъ, 46, 47.
Гофманъ, Модестъ Лодвиговичъ, 10.
«Графъ Нулинъ», повѣсть Пушкіна, 125, 126, 143, 144.
Грессе, поэтъ, 71, 73.
Гречъ, Николай Івановичъ, 81, 112, 114, 116, 117.
Грибоедовъ, Александръ Сергіїевичъ, 82.
«Гробовщикъ», повѣсть Пушкіна, 134.
Гроссманъ, Леонідъ Петровичъ, 50.
Грузинскій, князь Яковъ Яковлевичъ, 45.
Гюго, Вікторъ, 58.
Данзасъ, Константінъ Карловичъ, 120, 121.
Данте, Альгієрдъ, 82.
Дантесъ-Геккеренъ, баронесса Єкатерина Николаївна, рожд. Гончарова, 120, 121.
Дантесъ-Геккеренъ, баронъ Жоржъ, 108, 119, 120.
Дарвинъ, Эразмъ, 3.
Дарсій, Д. С., 25, 39.
«Giulietta e Romeo», опера N. Zingarelli, 59, 60.
- Дельвінъ**, баронъ Андрей Івановичъ, 19, 43, 59.
Дельвінъ, баронъ Антонъ Литововичъ, 10, 50, 131, 131, 152.
Демута гостиница, 19.
Державина, Дарья Алексєевна, 112.
Державинъ, Гавріїлъ Романовичъ, 112, 113, 116, 117, 122, 132, 136, 145.
Де-Рибасъ, А., 89, 91.
Де-Рибасъ, Л. М., 91.
Дибичъ, графъ Иванъ Ивановичъ, 86, 97, 98, 99.
Дидотъ, издатель, 113.
«Dis-moi pourquoи l'Escamoteur», епиграмма Пушкіна, 71.
Днітріювъ, Іванъ Івановичъ, 84, 115, 117.
«Дмитрій и Марина», сочин. Пушкіна, 20.
«Дмитрій Самозванецъ», романъ Булгакина, 113.
Добинъ, авторъ, 50.
Долгоруковъ, князь Петръ Владимировичъ, 127.
«Домінь въ Коломії», поема Пушкіна, 23, 24, 143, 144.
«Донъ-Жуанъ», трагедія Пушкіна, 20.
Достоївський, Степанъ Степановичъ, 90, 91.
Dunlop-Barkowsky, генеалогъ, 96, 96.
Дундуковъ-Нордаковъ, князь Александръ Михайловичъ, 80.
«Евгений Онтегнъ», романъ Пушкіна, 8, 36, 58, 68, 85, 88, 89, 110, 124, 125, 128, 136, 137, 144.
«Европеецъ», журналъ, 5.
Екатерина II, имп., 16, 47, 123.
Елисієва, переводчица, 18.
Ельчаниновъ, Іванъ Николаевичъ, 76.
Ертель, 43.
Есауловъ, композиторъ, 131, 133.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ, 9, 10, 132, 136.
Жандъ, Андрей Андреевичъ, 82.
Ждановъ, Ілья Николаевичъ, 136.
Жебелевъ, Сергій Александровичъ, 18.
Жеребцова, Александра Петровна, рожд.

- кн. Лопухина, см. Ржевуская, графиня.
 Жеребцова, Ольга Александровна, см. Орлова, графиня.
 Жеребцовъ, Александръ Александровичъ, 101.
 «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдимъ», стих. Пушкина, 78.
 Жуковскій, Василій Андreasевичъ, 6, 10, 112, 114, 115, 120, 132, 136, 148, 144, 150.
 Жуковскій, Павелъ Васильевичъ, 1.
 Заблоцкій-Десятовскій, Антонъ Парфеновичъ, 97.
 Зазацкій, Петръ Тимофеевичъ, 150.
 Заводжонскій, С., 137.
 Загосчинъ, Михаилъ Николаевичъ, 112.
 «Заклинаніе», стих. Пушкина, 58, 59, 60.
 Замбони (Дзамбони), пѣвецъ, 50.
 Зеленецкій, Константинъ Петровичъ, 85, 86, 89, 92.
 Зеленскій, авторъ, 135, 142, 143.
 «Зимній вечерь», стих. Пушкина, 127.
 «Извѣстія Одесского Библиографического Общества при Новороссійскомъ Университетѣ», 89.
 Измайлова, Павлой Васильевичъ, 14.
 Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ, 151, 152—154.
 Илличевскій, Демьянъ, 150.
 Илличевскій, Платонъ Демьяновичъ, 153.
 «Испанская пѣсня», стих. Пушкина, 138.
 «Историческій Вѣстникъ», журналъ, 96.
 «Исторія Пугачевскаго бунта», соч. Пушкина, 123, 136, 136, 137, 138, 139, 140, 141.
 «Іисусъ», соч. Пушкина, 20.
 Іонъ Хіосскій, греческій поэтъ, 15, 16, 18.
 Навось, Катерина Альбертовичъ, 60.
 «Навасадский пѣтнинъ», поэма Пушкина, 143, 145.
 Назарси, аятропренеръ, 50.
 Найбель, издатель, 17.
 Наптимиръ, князь Антіохъ Дмитріевичъ, 116.
- Карагеоргій, князь Сербскій, 94.
 Карамзина, Екатерина Николаевна, см. Мещерская, княгиня.
 Карамзины, 19.
 Карамзинъ, Николай Михаиловичъ, 116, 123, 126, 129, 136.
 Кассими, графъ Павелъ, 87.
 Катенинъ, Павелъ Александровичъ, 73, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84.
 Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, 128.
 Кашина, Николай Павловичъ, 84.
 Келлеръ, графиня Марія Ивановна, рожд. Ризничъ, 103.
 Келлеръ, графиня Марія Эдуардовна, см. Клейнмихель, графиня.
 Келлеръ, графъ Эдуардъ Федоровичъ, 103.
 Кенье, авторъ, 50, 51, 56, 57.
 Кеппенъ, Петръ Ивановичъ, 152.
 Кернь, Анна Петровна, 19.
 «Кижаль», стих. Пушкина, 107.
 «Кирджали», повѣсть Пушкина, 136.
 Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ, 5, 40, 148.
 Кирѣевскій, Сергѣй Ивановичъ, 147, 148.
 Киселева, Прасковья Петровна, рожд. княжна Урусова, 86, 88.
 Киселева, графиня Софія Станиславовна, рожд. графиня Потоцкая, 86, 91, 92, 93, 96, 101.
 Киселевъ, Владимиръ Павловичъ, 91.
 Киселевъ, Дмитрий Ивановичъ, 86.
 Киселевъ, графъ Навеъ Дмитріевичъ, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101.
 Клейнмихель, графиня Марія Эдуардовна, рожд. графиня Келлеръ, 103.
 Кижевичъ, Дмитрий Максимовичъ, 50.
 «Кижій Волинской», стих. Пушкина, 71.
 Козловская, княгиня Александра Михайловна, рожд. Лонгинова, 35, 45, 47.
 «Молоколь», журналъ Герцена, 123, 126, 127.
 Колосова-Наратыгина, Александра Михайловна, 78.
 Кони, Анатолій Федоровичъ, 40.

- Космократовъ, Титъ (Татовъ, Владимиръ Павловичъ), 19.
 Кошанскій, Николай Федоровичъ, 154.
 «Красавица», стих. Пушкина, 131.
 Crescentini, пѣвецъ, 59.
 Круазе, А. М., 18.
 Крупенскій, Матрѣй Егоровичъ, 1—2.
 Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, 82, 112, 118, 114, 115, 117.
 Ксенофонтъ Колофонычъ, гротескскій поэтъ, 15, 16, 17, 18.
 Кудашева, княгиня Матильда Октавіевна, 104.
 «Complets», стих. Пушкина, 71.
 «Курбскій», соч. Пушкина, 20.
 Куртовичъ, Елена, 87.
 Кудый, Андрей, псевдонимъ, 142.
 «Къ***» («Ты Богоматерь, вѣть смиренная»), мадrigаль Пушкина, 62, 63.
 Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, 151, 152, 163.
 Лакруа, Жюль (Bibliophile Jacobе), 93.
 Лакруа, Каролина, см. Собашъская.
 Ланжеронъ, графъ Александръ Федоровичъ, 91.
 Laëffich, авторъ, 42.
 «La Tolyade», поэма Пушкина, 71.
 Левашовъ, графъ Василій Васильевичъ, 101.
 Левенталь см. Ринкевичъ.
 Lewenhaupt, Adam, авторъ, 103.
 Левшина, А. Д., см. Лонгинова.
 Леонтьевъ, И. Ф., 76.
 Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ, 45, 73, 127.
 Лернеръ, Николай Осиповичъ, 4, 15, 16, 21, 64, 87, 88, 132, 137, 143, 150.
 Лесной, Я., авторъ, 8.
 Лefebvre, переводчикъ, 16, 17, 18.
 Линрандъ, Иванъ Петровичъ, 1, 2, 96.
 Лисенковъ, И. Т., управляющій лавкою А. Глазунова, 185, 187.
 «Литературныхъ примѣненія къ Русскому Инвалиду», 75.
 Лобанова, Ольга Карловна, рожд. Вульферть, 117.
 Лобановъ, Михаилъ Евстафіевичъ, 111, 112, 115, 116, 117, 142.
 Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, 112, 113, 116, 117, 122.
 Лонгинова, А. Д., рожд. Левшина, 45, 47.
 Лонгинова, Александра Михайловна, см. Козловская, княгиня.
 Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ, 35, 36, 42, 44, 45, 47.
 Лопухина, княжна Александра Петровна, см. Ржевуская.
 Лукомскій, Владиславъ Крескентьевичъ, 102.
 Лучичъ, Филиппъ, Одесскій гор. голова, 88.
 «Лъву Сергѣевичу Пушкину», стих. Пушкина, 42.
 Любомудровъ, авторъ, 16, 17, 18.
 Магницкій, В. К., 149, 150.
 Майковъ, Леопольдъ Николаевичъ, 6, 19, 64, 65.
 Маковельскій, А., 18.
 Марія Федоровна, имп., 117.
 Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ, 94, 103.
 Маркевичъ, Николай Андреевичъ, 144.
 Машковъ, авторъ, 180.
 Мейоръ, скульпторъ, 46.
 Mérimee, Prosper, 42.
 «Метель», повѣсть Пушкина, 41, 138, 139.
 Меттернихъ, князь, 127.
 Мещерская, княгиня Екатерина Николаевна, рожд. Карамзина, 19.
 Мещерскій, князь Петръ Ивановичъ, 19.
 Милошъ, князь Сербскій, 94.
 Милутиновичъ, Сима, сербскій поэтъ, 84.
 Мильява, поэтъ, 3.
 Михайловское, село, 23, 36, 40, 50, 56, 86.
 Михаилъ, интраполитъ Сербскій (Милошъ Товарищевичъ), 103.
 Мицкевичъ, Адамъ, 42, 124.
 Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, 2, 16, 10, 40, 42, 84, 85, 95, 120.
 Модзалевскій, Вадимъ Львовичъ, 149, 150.
 «Mon portrait», стих. Пушкина, 71.

- Монюшко, Александра Адамовна, рожд. графина Ржевуской, 96.
- Морали, корсарь, 90, 91.
- Морозовъ, Пётр Осиповичъ, 9, 16, 65, 69.
- «Москвитянинъ», журналъ, 41.
- «Моцартъ и Сальери», трагедія Пушкина, 20.
- Муравьевъ, графъ Михаилъ Николаевичъ, 127.
- Мурманскій, псевдонимъ, 132.
- «Мѣдный всадникъ», поэма Пушкина, 14, 23, 24, 125.
- Наполеонъ I, имп., 27, 28, 29, 59.
- Нарышкина, Ольга Станиславовна, рожд. графина Потоцкая, 101.
- Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, 101.
- Нарышкины, 90.
- Нартынинъ, Василій Трофимовичъ, 142.
- «Насыльно Зубову мила», стих. Пушкина, 123.
- «Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ», стих. Пушкина, 42.
- Негри, Цезарь, 88.
- Нелединский-Мелецкий, Юрій Александровичъ, 117.
- Нигитенко, Александръ Васильевичъ, 5, 61.
- Николай I, имп., 106, 108, 114, 115, 120, 121, 124.
- «Нѣть ни въ чемъ замѣя благодати», эпиграмма Пушкина, 128.
- «Одесский Вѣстникъ», журналъ, 85, 121, 122.
- Озеровъ, Владиславъ Александровичъ, 116.
- Озомбящий, Дмитрий Петровичъ, 94.
- Оксманъ, Юліанъ Григорьевичъ, 21, 68, 120.
- Оленинъ, Алексей Николаевичъ, 117.
- Ольинъ, Валеріанъ Николаевичъ, 144.
- «О, Муза пламенной сатиры», стих. Пушкина, 58, 43, 44.
- Офтгінскій Музей въ Парижѣ, 21.
- Офтгінъ, Александръ Федоровичъ, 28.
- Орлова, графина Ольга Александровна, рожд. Жеребцова, 101.
- Орловъ, графъ Алексей Федоровичъ, 101.
- Орловъ-Чесменскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ, 90.
- «Павелъ I», сочин. Пушкина, 20.
- Павель I, имп., 46.
- Павлищева, Ольга Сергеевна, 41.
- Паленъ, графъ Федоръ Петровичъ, 98, 99.
- Парни, Эваристъ, 67, 68, 69.
- Пассекъ, Татьяна Петровна, 128.
- Pauly-Wissowa, изд., 17.
- Пахомій Петровичъ, іеромонахъ, 87.
- Перье, Казимиръ, 127.
- Петровскій, Несторъ Меліконовичъ, 150.
- Петровъ, Александръ Григорьевичъ, 62, 63, 65.
- Петровъ, Василій Петровичъ, 82.
- Петръ Великій, имп., 14, 119, 135.
- «Пиновая дама», повѣсть Пушкина, 28—34, 131, 133, 185.
- Пиронъ, писатель, 71.
- Писая, В., авторъ, 24.
- «Платоніамъ», стих. Пушкина, 44, 69.
- Плетніевъ, Пётръ Александровичъ, 5, 43, 58.
- «Повѣсти Бѣллинна», соч. Пушкина, 24, 180, 188, 184, 185.
- «Повѣсти, изданные Александромъ Пушкинымъ», 1834, 188.
- «Погибъ поэтъ, невольникъ чести», стих. Черткова, 78.
- Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, 40, 41, 45, 46.
- «Подражаніе древнимъ», стих. Пушкина, 196.
- Полевої, Николай Алексеевичъ, 80.
- Поливановъ, Левъ Ивановичъ, 13, 16, 17, 18.
- «Полтава», поэма Пушкина, 8, 142, 149, 144.
- Полуденскій, Михаилъ Петровичъ, 45.
- Потаповъ, генералъ, 98.
- Потемкинъ, князь Григорій Александровичъ, 46.
- Потоцкая, графина Ольга Станиславовна, см. Нарышкина.
- Потоцкая, графина Софія Константи-

- новна, по 1-му браку графина Витте, рожд. Де-Челиче, 86.
- Потоцкая, графина Софія Станиславовна, см. Киселева, графина.
- Потоцкая, графиня Эмілія, рожд. Швейковская, 96.
- Потоцкій, генералъ-аншефъ, 86.
- Потоцкій, графъ Метрополь (Миталинъ), 96.
- Похвиснева, Варвара Михайловна, 116, 120, 121.
- Похилевичъ, авторъ, 100.
- «Поэмы въ повѣсти А. С. Пушкина. СПб. 1835», 148, 144.
- «Прозерпина» («Плещутъ волнамъ Флегетона»), стих. Пушкина, 37.
- Пушкина, Елизавета Александровна, рожд. Загражская, 41.
- Пушкина, Патамія Николаевна, рожд. Рончарова, 36, 108, 120.
- Пушкинскій Домъ Академіи Наукъ, 1, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 16, 25, 61, 72.
- Пушкинскій Лицейскій Музей, 1, 9.
- Пушкинъ, Александръ Александровичъ, 41.
- Пушкинъ, Левъ Сергеевичъ, 39, 40, 41, 42, 43, 121.
- «Пушкинъ и его современники», 16, 38, 42, 111, 129, 147, 149.
- Пушкинъ, Иванъ Ивановичъ, 125.
- Пыркинъ, Александръ Николаевичъ, 94.
- «Пѣни Заднѣыхъ Славянъ», соч. Пушкина, 42, 142, 143.
- Радингеръ, авторъ, 17.
- Радцигъ, переводчикъ, 18.
- Раевскій, Александръ Николаевичъ, 86, 87.
- Раичъ, Семенъ Егоровичъ, 94.
- Расинъ, Жакъ, 82, 117.
- Рдултовская, Юстина, см. Ржевуская, графина
- Рено, тит. соч., 88.
- Ржевуская, графина Александра Альбовна, см. Монюшко.
- Ржевуская, графина Александра Петровна, рожд. княжна Лопухина, по 1-му браку Жеребцова, 101.
- Ржевуская, графиня Кароліна, см. Собаньская.
- Ржевуская, графина Иоанна Адамовна, см. Риничъ.
- Ржевуская, графиня Эвелина (Ева), см. Балашовъ.
- Ржевуская, графиня Нестора, рожд. Гултовская, 95.
- Ржевуский, графъ Адамъ Альбовичъ, 95, 100, 101.
- Ржевуский, графъ Генрихъ Альбовичъ, 95.
- Ржевуский, графъ Эрастъ Альбовичъ, 95.
- Ризничъ, Александра Ивановна, см. Цѣхановецкая.
- Ризничъ, Александръ, 92, 93.
- Ризничъ, Амалия, рожд. Ринна, 58, 85—104.
- Ризничъ, Анастасія, 87, 94, 103.
- Ризничъ, Георгій Ивановичъ, 103.
- Ризничъ, Иванъ, Ивановичъ, 104.
- Ризничъ, Ипполіт Степановичъ, 85—104.
- Ризничъ, Иоаннъ Степановичъ, (2-ой), 103.
- Ризничъ, Марія Ивановна, см. Коллеръ, графина.
- Ризничъ, Поліна Адамовна, рожд. графина Ржевуская, 95, 96, 98, 100, 101, 103.
- Ризничъ, Степанъ, 86, 87.
- Ризничъ, Степанъ-Адачъ, 103.
- Ризничъ, Степанъ Ивановичъ, 89, 93.
- Ринневичъ, демонстрація, въ Москвѣ, 37, 40.
- Ринна, Амалия, см. Ризничъ.
- Розенъ, баронъ Егоръ Федоровичъ, 115, 129, 156, 142, 144.
- «Ромуль и Ремъ», соч. Пушкина, 20.
- Россінн, композиторъ, 50, 55, 56, 57.
- «Русланъ и Людмила», поэма Пушкина, 67, 131, 143.
- «Русская Старина», журналъ, 8, 19, 61, 62, 63, 64, 65, 78, 128.
- «Русскій Архивъ», журналъ, 2, 4, 65, 96, 149.
- «Русский Вѣстникъ», журналъ, 85, 86.
- Руссе, Ж. Б., 73, 76.
- Рыльевъ, Кондратій Недоровичъ, 126.
- Райнъ, Томасъ, 105, 110.

- Савва, ректоръ, 127.
 Саводникъ, Владиславъ Федоровичъ, 3.
 «Свадебная грустно за столомъ», стих. Пушкина, 65.
 Себастіані, маркізъ, 127.
 Семевскій, Михаилъ Ивановичъ, 62, 69.
 Семеновъ, Василій Николаевичъ, 6, 6.
 Сенесе, авторъ, 78.
 Сенковскій, Осипъ Ивановичъ, 124.
 Серапіонъ, домовладѣлецъ, 45.
 «Сербская пѣсма», соч. Пушкина, 137.
 Сиверсъ, Александръ Александровичъ, 104.
 Сикаръ, Шарль, 38.
 Синявскій, И., авторъ, 4.
 «Сказка о золотомъ пѣтушкѣ», соч. Пушкина, 142.
 «Сказка о мертвѣй царевнѣ», соч. Пушкина, 180.
 «Сказка о рыбакѣ и рыбѣ», соч. Пушкина, 143.
 Скоттъ, Вальтеръ, 58.
 «Скупой рыцарь», драма Пушкина, 20.
 Слонимскій, Александръ Леонидовичъ, 25, 29, 80, 83.
 Смирновъ, Александръ Филипповичъ, 111—118.
 Смирновъ, Иванъ Ильиничъ, 73.
 Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ, 147.
 Собаньская, Каролина, по 2-му браку графиня Витте, по 3-му браку Чарковичъ, по 4-му Лакруа, рожд. графиня Ржевуская, 96.
 Собанський, Александръ, 88, 94.
 Собанський, Іеронімъ, 95.
 Соболевскій, Сергій Александровичъ, 35—48.
 «Современникъ», журналъ, 36, 44, 127, 135.
 Соллогубъ, графъ Владиславъ Александровичъ, 45.
 Соліковъ, Василій Степановичъ, 112.
 Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ, 37, 42, 65, 66.
 Сочиненія Пушкина, под. подъ редакціей И. В. Антенкова, 6, 10, 35.
 Сочиненія Пушкина, изд. подъ редакціей В. Я. Брюсова, 10, 13, 64, 66.

- Сочиненія Пушкина, под. подъ редакціей С. А. Бенгрова, 13, 24.
 Сочиненія Пушкина, под. подъ редакціей Г. И. Генадія, 6.
 Сочиненія Пушкина, изд. ТИЗ, 1924 г., 6, 10.
 Сочиненія Пушкина, под. подъ редакціей П. А. Ефремова, 132, 135, 136.
 «Сочиненія Пушкина для семьи и школы», изд. подъ редакціей Л. И. Поливанова, 13, 16.
 Сочиненія Пушкина, посмертное издание, 6, 149.
 Сочиненія Пушкина, под. А. С. Суворина, 9.
 Спасовскій, Владиславъ Даниловичъ, 94.
 Срединъ, Александръ Валентиновичъ, 46.
 Сречковичъ, Бѣлградскій профессоръ, 65, 89.
 «Стансы» («Дарь напрасный...»), стих. Пушкина, 14.
 «Stances», стих. Пушкина, 71.
 «Стационарный смотритель», поэма Пушкина, 134.
 «Старые годы», журналъ, 46.
 «Стихотворенія Александра Пушкина. часть III», изд. 1832 г., 5, 6, 9.
 «Стихотворенія Александра Пушкина. часть IV», изд. 1835 г., 42.
 Стихотворенія Пушкина, изд. Р. Вагнера, 126.
 Столпянскій, Пётръ Николаевичъ, 128, 146.
 Строгановъ, графъ Александръ Сергеевичъ, 117.
 Строгъ, Василій Михайловичъ (В. В. В.), 133, 135, 136, 144, 145.
 Суровинъ, Алексѣй Сергеевичъ, 9, 93.
 Сумароковъ, Александръ Петровичъ, 116.
 Сумцовъ, Николай Федоровичъ, 3, 18.
 «Сынъ Отечества», журналъ, 73, 81, 88.
 «Свѣршила Лира на 1827 г.», альманахъ Рамча и Озношибина, 94.
 «Свѣршила Пчела», газета, 129—146.
 «Свѣршила Цѣты», альманахъ, 4, 5, 6, 9, 19, 133.

- «Талисманъ», стих. Пушкина, 37.
 Таннери, авторъ, 18.
 Тассо, Торквато, 132.
 Титовъ, Владиславъ Навловичъ, 18, 23.
 Тихановъ, Павелъ Никитичъ, 111.
 Тихонравовъ, Николай Саввичъ, 37.
 «Товарищамъ», стих. Пушкина, 151.
 Толмачевъ, Яковъ Васильевичъ, 130.
 Томашевскій, Борисъ Викторовичъ, 8, 60.
 «Торжество Вакха», стих. Пушкина, 67.
 Тредьяковскій, Василій Кирilloвичъ, 116.
 Тройницкій, Николай Григорьевичъ, 121, 122.
 Троцкій, Дмитрій Прокофьевичъ, 46.
 Туманская, Софія Григорьевна, 98.
 Луманскій, Василій Ивановичъ, 86, 98, 94, 95.
 «Уединенный домикъ на Васильевскомъ», поэма В. Н. Титова (Пушкина), 19—24.
 Урусова, княжна Прасковья Петровна, см. Киселева.
 «Утренняя звѣзда», альманахъ, 142.
 Фариковъ, А. Ф., издатель, 146.
 Стареть, митрополитъ Московскій, 127.
 де-Форсанъ, графъ Рауль, 103.
 де-Форсанъ, Ядвига Навловна, рожд. Цѣхановецкая, 103.
 Fortis, аббать, 42.
 Фурнь, авторъ, 3.
 Халанинъ, М. Е., 85, 88.
 Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ, 92, 114, 117.
 Хованская, книжна, 62.
 Ходасевичъ, Владиславъ Фелиціановичъ, 24, 58, 59.
 Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, 144.
 Церетели, Георгій Филипповичъ, 18.
 Zingarelli, Nicola, 59, 60.
 «Цыганы», поэма Пушкина, 132, 143, 144.
 Цѣхановецкая, Александра Ивановна, рожд. Ризничъ, 103.
 Цѣхановецкая, Марія Навловна, см. Шеристедть.
 Цѣхановецкая, Науміна Навловна, см. Шеристедть.
 Цѣхановецкая, Ядвига Навловна, см. де-Форсанъ.
 Цѣхановецкій, Навель Станиславовичъ, 103.
 Цывловскій, Матиаславъ Александровичъ, 4, 120.
 Чаядаевъ, Петъръ Яковлевичъ, 40, 72.
 Часовниковъ, домовладѣлецъ, 40.
 Чебышевъ, Александръ Александровичъ, 77, 78.
 Де-Чемиче, Софія Константиновна, по 1-му браку графиня Витте, см. Потоцкая, графиня.
 Челеговъ, А., авторъ, 82.
 «Чорная шаль. Молдавская пѣсма», стих. Пушкина, 82.
 Чернышевъ, Василій Польичъ, 147.
 Черняевъ, П., авторъ, 16, 136.
 Чирковичъ, Каролина, см. Собицкая.
 Чирковичъ, Степанъ Христофоровичъ, 67, 103.
 Швейновская, Эмілія, см. Потоцкая, графиня.
 Швейковскій, Кастанъ, 96.
 Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, 40.
 Шедо-Феррот (баронъ Фиркѣ), 125.
 Шенспіръ, В., 26.
 Шенютъ, Пстръ, 149, 150.
 Шенеъ, Андрій, 68.
 Шеристедть (Stjernstedt), баронъ, Вильгельмъ, 103.
 Шеристедть, баронесса Марія Навловна, рожд. Цѣхановецкая, 103.
 Шеристедть, баронесса Пауліна Навловна, рожд. Цѣхановецкая, 103.
 Шимкевичъ, Константинъ Антоновичъ, 118.
 Шишковъ, Александръ Семеновичъ, 116.
 Шлегель, докторъ, 91.
 Щеголевъ, Павелъ Елисовичъ, 85, 86, 88, 92.

«Элегия» («Безумныхъ лѣтъ угласшое веселье»), соч. Пушкина, 136. «Элегия» («Подъ небомъ гозубыны страны своей родной»), соч. Пушкина, 85. «Элегия» («Простиши ли мнѣ ревнивыя мечты»), соч. Пушкина, 36. «Золота арфа», музык. журналъ, 183. Эристовъ, князь Дмитрий Александровичъ, сенаторъ, 44. Юдинъ, П. Л., 149, 150. «Юный пѣвецъ», журналъ, 191.	Юферовъ, цензоръ, 64, 65. Яблоновский, книжъ, 94. Языновъ, Николай Михайловичъ, 132, 141. Яковлевъ, Вас. А., 85. Яковлевъ, Николай Васильевичъ, 3, 25. Янушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ, 11, 61, 62, 63, 65. Феоктистовъ, Евгений Михайловичъ, 63, 65. Феонъ, флейтистъ, 15, 17.

